

А.В. Винобер

ЭТЮДЫ ПО ИСТОРИИ
сборник статей
Электронное издание

том 1

Иркутск-2022

Винобер А.В. Этюды по истории : сборник статей [Электронное издание]. Т.1. – Иркутск. 2022. 267 с.

Настоящий сборник «Этюдov по истории» (Т.1), включающий 23 статьи, отражает интересы автора к различным фрагментам всеобщей и отечественной истории, по преимуществу психоисторической направленности, основанной на сугубо личностном понимании и восприятии исторических событий, процессов и действующих личностей.

Сборник может быть полезен широкому кругу гуманитариев, в первую очередь – историкам, психологам и социологам, а также всем, кто искренне пытается заглянуть в глубины личностного понимания исторического.

ОГЛАВЛЕНИЕ

История Византийской империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза)	4
Новая и новейшая история России: 1861-2038 гг. (опыт историко-футурологического анализа и прогноза)	20
История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк первый	56
История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк второй	69
История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк третий: «Темное» Средневековье	90
История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк четвертый: «феодализм и эпоха Возрождения»	98
История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк пятый: Новое время (1501-2000 гг.)	110
История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк шестой: XXI век	119
Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый	126
Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк второй	134
Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк третий: «красный» и «белый» террор	141
Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк четвертый	148
Психоистория Гражданской войны. Очерк пятый. Григорий Кочкин: бандит-уголовник или борец против советской власти?	154
Бандитизм 1920-х годов и Григорий Кочкин: ретроспективный анализ	160
Гражданская война в Сибири: январь 1919-февраль 1920 гг. (фрагменты реконструктивно-аналитической ретроспекции)	178
Новые фрагменты из истории Иркутского Вознесенского монастыря	188
Сибирь: ноябрь 1918 года (ретроспективный анализ)	218
Сибирь: декабрь 1918 года (ретроспективный анализ)	226
Психоистория Партизанской войны в Беларуси 1941-1944 гг. Очерк первый (к 75летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков)	229
Психоистория Партизанской войны в Беларуси 1941-1944 гг. Очерк второй	241
История освоения Сибири: XVII-XXI вв.	248
Крито-микены: «до» и «после». Генезис крито-греческой цивилизации. Очерк первый ..	254
Крито-микены: «до» и «после». Генезис крито-греческой цивилизации. Очерк второй ...	261

УДК 94 : 316.4

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА)¹

В статье автор приводит свои размышления о сходстве эпохи императора Юстиниана I с той исторической эпохой, что переживает в настоящее время постсоветская Россия; об исторических событиях, предшествовавших падению Византии. В заключительной части анализирует появившуюся в августе 2017 года в интернет информации о переносе столицы России за Урал, и, используя навыки антиципации и реконструктивно-аналитического моделирования, выражает главную аналогию своего сравнительного микроисследования.

Ключевые слова: Византийская империя, Россия, всемирная история, реконструктивно-аналитическое моделирование, анализ, уроки истории.

HISTORY OF THE BYZANTINE EMPIRE: LESSONS FOR RUSSIA (HISTORICAL AND FUTUROLOGICAL ANALYSIS AND PROGNOSIS)

In the article the author gives his reflections about the similarities of the era of Emperor Justinian I with the historical period that is currently undergoing post-Soviet Russia; about the historical events that preceded the fall of Byzantium. In the final part of the analyses which appeared in August 2017 in the Internet information about the transfer of the capital of Russia beyond the Urals, and using skills of anticipation and reconstructive-analytical modeling expresses the main comparative analogy of their own research.

Key words: Byzantine Empire, Russia, world history, reconstructive-analytical modeling, the analysis, the lessons of history.

Настоящее есть лишь какое-то бесконечно мало
продолжающееся мгновение,
когда прошлого уже нет,
а будущего еще нет, но которое само по себе,
представляет некую отвлеченную точку,
не обладающую реальностью.
Прошлое – призрачно потому, что его уже нет.
Будущее – призрачно потому, что его еще нет.

Н. Бердяев «Смысл истории»

Если мы хотим проявить интеллектуальную
трусость, то можем, конечно, обойти молчанием
вероятные пути будущего развития.

С. Лем «Сумма технологий»

В начале нынешнего лета (2017 г. от Р.Х.) перечитал «Историю Византийской империи» нашего выдающегося византолога Ф.И. Успенского.

¹ Опубликовано: Винобер А.В. [История Византийской империи: уроки для России \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\)](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. -1. – С. 99-113.

Вдруг неожиданно поразило сходство эпохи императора Юстиниана I с той исторической эпохой, что переживает в настоящее время постсоветская Россия... Почти полторы тысячи лет позднее, на территории нашего современного государства происходят события, во многом напоминающие давно ушедшую эпоху. Как принято говорить: «они не видны невооруженным глазом». Но если погрузиться в детальный анализ внутренней и внешней политики Византийской империи Юстиниана I и России сегодняшнего дня, то обнаружится удивительное число сходных по своей природе явлений, событий и фактов, порождающих эффект «дежавю». Естественно – это не простая задача. И нет гарантий, что мы сможем убедительно продемонстрировать эффект удивительного исторического открытия каждому случайному прохожему, даже если он является весьма заинтересованным лицом и имеет достаточно хорошие познания в истории, географии, в современной и средневековой геополитике, в психологии масс, в эволюции диктата и в скрытых механизмах власти, пронизывающих всю иерархическую структуру любого государства в любое историческое время.

Мы не будем претендовать на исключительность и проникновенность нашего взгляда и нашего видения картин давно ушедшего времени, и времени, в котором мы сейчас проживаем. Это наше субъективное видение и мы сделаем простую попытку – изложить последовательно то, что нам увиделось, и какие сходства мы обнаружили в давно прошедшем.

«День 29 мая 1453 года (когда пал под натиском турок вечный город – столица Византийской империи – Константинополь и погиб последний византийский император Константин XI Палеолог) – несомненно, является поворотным пунктом в истории человечества. Он означает конец старого мира, мира византийской цивилизации». Так пишет в своей замечательной книге «Падение Константинополя в 1453 году» Стивен Рансимен [11], один из немногих западных исследователей, непредвзято относившихся к истории Византийской империи.

В 2008 году в России «вышел на экраны» документальный фильм «Гибель империи: Византийский урок» под авторством архимандрита Тихона (Шевкунова) [3]. Фильм рассчитан на самую массовую аудиторию, скажем так: необремененную особыми историческими знаниями. И, невзирая на идеологические и пропагандистские мотивы и многочисленные аналогии с современной российской историей, фильм снят талантливо, и почти не искажает исторической реальности, за исключением отдельных моментов образной авторской интерпретации, как, например, факт гибели последнего византийского императора, свидетелей гибели которого не оказалось, и, несмотря на обещанное султаном вознаграждение и многодневные поиски, тело его так и не было обнаружено.

Интерпретации исторических событий – это такое пространство познания мира, где трудно бывает найти консенсус, или хотя бы двух историков, которые дают одинаковую трактовку (от начала до конца) одного и того же события. Есть историки, есть популяризаторы, есть вообще «альтернативные историки».

История – это не физика, и не математика, и потому в ней много места для вольных интерпретаций и творения различных мифов. В моей домашней библиотеке есть замечательное справочное пособие по истории под названием «Всемирная история» [2]. Издание объемное, удобное для справочного пользования и рассчитано на современных старшеклассников, которые сдают ЕГЭ. То есть, одни события, персоны, даты и комментарии. Удобно для механического запоминания. История Византийской империи - авторы-составители считают её от 395 года (раздел на Западную и Восточную Римскую империи) – что насчитывает 1123 года (от основания Константинополя до его падения) – легко вмещается в 17 исторических событий. Небольшая есть опечатка: Рим назван восточной столицей империи, а Константинополь – западной. Думаю, большинство школьников не обратит внимание. После дат – краткое резюме на полстраницы. Приведу только один абзац, что заставляет серьезно задуматься: «Византийская цивилизация

отличалась чрезвычайной статичностью и замкнутостью, избегая чужих культурных влияний. Из-за роковой неспособности к переменам Восточная империя потерпела историческое поражение в столкновении с исламом». Все просто и понятно. Легко запоминается, даже заучивать на надо. Так рождается мифологический штамп, претендующий на знание истории, и, вероятно, будет успешно циркулировать во многих умах и будет в какой-то степени свидетельствовать о знании истории...

«В 476 году полководец римской армии Одоакр захватил в плен и казнил отца и дядю императора – тогда ребенка – Ромула Августула и отослал императорские регалии в Константинополь. Это был смертельный удар для Западной Римской империи». [15]

Византия, наследница Римской империи, смогла продержаться тысячелетие, не только обороняясь против арабов, сельджуков и монголов, но и сама переходя в наступление и распространяя порой свою власть на значительную часть Ближнего и Среднего Востока. В Византии встречались Европа и Азия, сила её заключалась в том, что она их соединила, слабость – в том, что она была им чужда. [9]

К VI в. созданся разноплеменный и разноязычный, но монолитный этнос, который мы условно именуем византийский. Греческий язык – наследие древности - был только государственным и общепонятным, а дома все говорили на родных языках. Очень быстро этот «византийский» этнос стал суперэтносом, т.к. его обаянию покорились армяне и грузины, исавры и славяне, аланы и крымские готы. [5] Вот здесь – очень важный момент. О существовании «монолитного этноса». Вполне вероятно, что это – тоже мифологически штамп, как и «единая общность – советский народ» и тема на размышление о реальности существования «монолитного российского этноса»...

Сделаем еще одно небольшое отвлечение. В истории нас привлекают, кроме прочего, исторические персоны. Привлекают, удивляют, вызывают споры. Например, Ганнибал или Александр Македонский: просто

невероятные персоны. Их исторический след всегда поражает воображение: как один человек мог совершить такое?

В начале Византийской истории была такая яркая персона, словно метеор, промелькнувший на небосклоне и быстро сгоревший. Но мифы и споры живы до сих пор.

Император Юлиан всего полтора года бывший единовластным (в декабре 361 вступил на престол и 26 июня 363 умер от раны, в возрасте 32 лет – племянник Константина Великого). Не говоря о том, что в истории православия он фигурирует как одиозная фигура под именем «Юлиана-отступника», многие историки негативно отзываються о нем, например, Э. Гиббон и Л. Гумилев [4, 5]. Но есть и совсем иные свидетельства.

«Юлиан никогда не задавался целью отменить эдикт 313 г. о веротерпимости, он не превратился и в подлинного гонителя веры. Едва прибыв в Константинополь, он, напротив, повелел, чтобы изгнанные Констанцием II за их оппозицию арианству епископы были возвращены на свои посты. Вернулся также и Афанасий, который добился в 362 г. созыва в Александрии благосклонного к никейской ортодоксии собора. Но в то же время Юлиан отменил привилегии, которыми в действительности пользовалось христианское духовенство, и восстановил храмы древних богов и храмовое имущество, конфискованное в предшествующие годы. ... Поэтому он создал профессиональное языческое духовенство, сформированное в первую очередь из философов и организованное по модели христианской организации. ... осуществил обширную административную децентрализацию в интересах местного правления и произвел раздачу невозделанных земель. Чтобы подчеркнуть свою новую линию и подавить гордыню Константинополя, «нового Рима», он перенес свою резиденцию в более близкую к персидской границе Антиохию». [6]

Историк Аммиан Марцеллин отвергает все злословие, пущенное врагами столь спорной личности Юлиана, которого многие даже именовали Великим. [6]

... И можно утвердительно сказать, что чем лучше и полнее освещается материал, тем более выигрывает характер Юлиана. [14]

Такие же мифы-штампы существуют не только в отношении исторических персон («прогрессивный Чингисхан», «Юлиан-отступник» и т.д.), но и по отношению к целым историческим эпохам и целым цивилизациям («Темное средневековье» и т.п.).

Выдающийся английский историк и гуманист Арнольд Тойнби считал, что Восточная римская империя и соответственно Византийская цивилизация – это исторический тупик, порожденный увлечением призраком Римской Империи. «Классическим случаем несчастий, порожденных идолизацией института, является увлечение православного христианства призраком Римской империи – древнего института, уже исполнившего свою историческую роль к тому моменту, когда православное общество совершило свою ставшую роковой попытку возродить его. Признаки надлома православной цивилизации обнаружались к концу X в. Наиболее явным признаком надвигающейся катастрофы явилась серия войн 976-1018 гг. Неудачи преследовали православие в течение трех столетий, сея хаос, которого не знали со времен постэллинистического междуцарствия. Однако этот период ничтожен по сравнению с историей западного христианства – сестринской по отношению к православию цивилизации, не знающей надлома даже сейчас, спустя тысячу лет, после того, как православие вступило в полосу своего смутного времени». [13] Что тут можно сказать? Субъективные предпочтения – неодолимая сила. Уважаемый историк, влекомый предубеждением по отношению к православию, забыл в этот момент о подлинной истории папства и западной христианской религии, и представил её в розовом цвете. Забыл о том, как западные христианские просветители под историческим названием «крестоносцы» нанесли первый и жестокий удар по Византийской империи в 1204 году.

Крушение империи в 1204 году стало одновременно крушением мира привычных представлений византийцев (ромеев) о себе самих, о священной

империи, о её месте и в современном им мире, и «на самих небесах». Древнее, крепнувшее с конца XI в., от одного крестового похода к другому, опасение православных («схизматиков» в глазах западных рыцарей) перед угрозой нападения «коварных латинян» оправдалось. Христиане западной части некогда единой империи, вооружившиеся для борьбы с «врагами Христа», разгромили христиан части восточной. Подданные Византии пережили тяжелое психологическое потрясение. ... Именно Константинополь и подвергся в первую очередь разгрому и повальному грабежу. [7]

Пережитая византийцами в начале XIII в. трагедия сопровождалась огромными материальными потерями, разрывом устоявшихся экономических связей, дезорганизацией общественно-политической жизни, крупными миграциями населения, падением роли церкви и монастырей в их общественной и нравственно-учительской деятельности, утраты множества памятников культуры и искусства, включая библиотеки, бесчисленное количество ценнейших рукописей по всем областям знаний. [7]

Латинские завоевания, и прежде всего взятие Константинополя, привели к перемещению колоссальных материальных и культурных ценностей. Участник похода рыцарь Робер де Клари полагал, что «и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе» крестоносцами. Того же мнения придерживался и один из вождей похода, маршал Шампани и хронист Жоффруа де Виллардуэн: в Константинополе была взята самая крупная добыча со времен сотворения мира. [7] Не с этого ли «христианского подвига» начинается экономический взлет Западной Европы? И кто из историков объективно исследовал процесс перемещения материальных и культурных ценностей из Византии в Западную Европу в XIII-XV века? И почему вдруг возникло европейское Возрождение?!

Российский и советский византинист М.В. Левченко (1890-1955), XIV-XV века в истории Византийской империи называет Агонией Византии при Палеологах.

Современные византинисты и культурологи называют период с 1261 по 1453 гг. «Палеологовское возрождение – расцвет архитектуры и живописи в период правления в Византии императоров династии Палеологов. [7]

Мы осознанно не рассматриваем в нашем эссе глобальную тему христианского раскола и разделения христианского мира на католический и православный. Безусловно, этот раскол оказал колоссальное влияние на историю Византийской империи и на историю западной цивилизации. Наше субъективное мнение: противостояние ветвей христианства сыграло решающую роль в падении Константинополя, а вовсе не всемогущие турецкие султаны. И в этом – один из главных уроков для России.

Возвращаясь к изначально заявленной эпохе Юстиниана I, в первую половину и середину шестого века...

С 527 г. Юстиниан стоит во главе Византийской империи до 565 г.; почти 40 лет единоличного правления, к которым нужно еще прибавить несколько лет фактического правления при жизни Юстина. Получается около полу столетия, а если считать непосредственные последствия его политики, то он наложил свою печать на целое столетие византийской истории. Его главной целью было восстановление Римской империи. Это слишком фиктивная задача, запоздалая и не увенчавшаяся прочным успехом. [14]

Император Юстиниан (527-565 – в течение 40 лет руководил судьбами империи (племянник Юстина). ... Ночи напролет сидел он за государственными бумагами. ... Его огромная трудоспособность так поражала современников (не человек, а злой дух). [8]

Свержение последнего римского императора в 476 г. не оставило глубокого впечатления, империю и после этого события не рассматривали как павшую. Идея империи не умирала и на Западе, продолжая находить свое осуществление на Востоке, и восточный император Зинон после 476 г. явился

выразителем единства империи, - ему были отосланы из Рима знаки императорского достоинства, от которых воздержался Одоакр. Идеи перенесения власти в Константинополь слишком глубоко укоренилась в сознании людей, и варварский вождь не осмелился посягнуть на эту идею.

Воспринятая Юстинианом теория восстановления Римской империи соответствовала настроениям эпохи и была поддержана всеми средствами византийского государства. Для выполнения этой идеи он вел продолжительные войны, преследовал исключительную церковную политику и издавал свои законы. Эти три существенные задачи его исторической деятельности: войны, церковная политика и законодательство – исходили и направлялись к достижению одной главной мысли – восстановлению Римской империи в её прежнем единстве и величии.

Для достижения своих целей Юстиниан проявил удивительную, страшную настойчивость и энергию. [14]

Византийский историк VI века Прокопий оставил противоречивое описание Юстиниана – но это очень специальная тема и мы не будем её рассматривать.

Когда в 532 г. разразился бунт «Ника», направленный против правительства Юстиниана, император был спасен, по свидетельству источников, присутствием духа Феодоры, возбудившей Юстиниана к решительным действиям. «Если вы желаете спасти свою жизнь, бегите, - говорила она, - но, по-моему, царские одежды – хороший покров для гроба». [14]

После восстания Ника Юстиниан принял ряд мер по укреплению режима, но вместе с тем попытался ослабить недовольство различных групп населения, сделав ряд серьезных уступок – в первую очередь сенаторской аристократии и торгово-ростовщической верхушке столицы. ... Поэтому значение восстания Ника заключается не в том, как это принято считать, что Юстиниан, разгромив все виды оппозиции, окончательно укрепил

собственную власть, а скорее в том, что он так и не смог установить ту автократию, к которой стремился в первые годы своего правления. [16]

Много вопросов и разных толкований вызывает Юстиниановский кодекс, где римское право было систематизировано за 1400 лет.

Свод Юстиниана не имеет значения самостоятельного творческого предприятия юридической мысли византийцев, но он сохранил римское право, вписавшее существенные принципы того права, которым управляется современное капиталистическое общество. [8] Иного мнения придерживался Ф.И. Успенский, считавший, что законодательная деятельность Юстиниана имеет громадное значение в истории европейской культуры. «В законодательстве Юстиниана есть много нового, необъяснимого с точки зрения римского права. Новые идеи относятся преимущественно к области семейных отношений и прав женщины в семье и вне её». [14]

В завершении краткого экскурса по истории Византийской империи, мы закономерно оказываемся в том историческом пространстве, из которого отправились в прошлые века – мы снова в современной России начала XXI века.

Начиная со второй половины XV и особенно с XVII века, в российском государстве живет мифологический штамп «Москва – третий Рим» или «Россия – наследница Византийской империи». Понятно, что «дыма без огня не бывает», и какие-то основания для зарождения мифа имелись, но мы этот вопрос оставляем для более позднего обсуждения.

На данный момент нам больше импонирует точка зрения, что большой след в истории России оставила Золотая Орда, и мы больше наследники Золотой Орды, чем Византии. [1]

Но, безусловно, много сходных явлений и механизмов в нашей истории и в нашей современной российской действительности, имеющих истоки в истории Византийской империи, и мы без труда можем их обнаружить. Не только двуглавый орел, устремленный на запад и на восток, не только доминирующая православная христианская религия, не только «мост между

Европой и Азией...». Сам дух Византийской империи витает над Россией, и проникает в её современное сознание, но еще больше – глубоко проникает в менталитет современной российской власти. Отсюда – все та же предельная централизация, жесткая иерархическая структура (далее вы можете продолжить перечень сами).

21 августа 2017 года в интернет снова появилась информация о переносе столицы России из Москвы за Урал, в восточную часть страны. И следом – заявление мэра Москвы о том, что московские чиновники не хотят быть новыми «декабристами» (восставшие дворяне, сосланные в первой половине XIX века в глухую Сибирь).

Если Москва – третий Рим, то России нужен свой Константинополь (рабочая версия). Ответим на два вопроса: Возможно ли? И если да – то какие могут быть последствия?

Ответ на первый, на наш взгляд, не сложен. Да, возможно. Президент В.В. Путин в настоящее время обладает той степенью власти, что была когда-то у Ю.В. Андропова (генсек ЦК КПСС и глава государства СССР 1982-84 гг.) и способен осуществить перенос столицы за Урал, или, хотя бы, создать за Уралом вторую столицу. Да, будет уйма недовольных чиновников и бизнесменов, которые не захотят расставаться с Москвой, где циркулирует 95% финансовых потоков страны ... Но всё это преодолимо. Если это нужно нашему государству, а чиновники – люди государственные – погрузят и смирятся. Тем более, что финансовые потоки перекочат (в значительном объеме) в новую столицу – и это главный фактор, который вдохновит чиновников и бизнесменов на путешествие в Сибирь. Куда, скажите, конкретно! Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск? (это вопросы, дополнительные по первому: «возможно ли?»). Хабаровск – сразу отпадает. Через год существования новой российской столицы в Хабаровске, 90% её населения будут составлять жители соседнего дружественного государства. Плюс еще Северная Корея рядом, размахивает ракетным потенциалом, угрожая всемогущей Америке – беспокойное место. Новосибирск – наиболее

выгодный вариант для развития российско-казахстанского сотрудничества, но уже менее выгодный для Китая... Из оставшихся двух городов, скорее всего, предпочтительней Иркутск. В первую очередь из-за близости озера Байкал, которое послужит новым символом новой столицы и будет привлекать иностранных деятелей возможностью «подстрелить двух зайцев»: побывать в новой столице и отдохнуть на Байкале. Стратегический партнер Китая пока молчаливо тоже одобрил бы такой выбор...

Вопрос второй и главный: какие могут быть последствия? Последствия могут быть двойкие – (как всегда) позитивные и негативные. Дополнительный уточняющий вопрос: каких будет больше – позитивных или негативных? Мы имеем в виду интересы России в настоящем и будущем.

Ответ: позитивных будет больше, не считая варианта, если сработает неодолимый российский закон «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Во-первых, создается мощный геополитический центр Россия – Китай – Индия, где Россия берет на себя роль взаимоприемлемого посредника между двумя самыми населенными и динамично развивающимися государствами мирового хозяйства. Все основания для создания мирового технологического центра.

Во-вторых, все санкции (или большинство из них) по отношению к России, инспирируемые США и Западной Европой – становятся просто эфемерной забавой при наличии такого нового центра развития.

В-третьих, перемещение столицы в центр Сибири, кардинально изменит демографическую ситуацию – приток работоспособного населения из европейской части России, из Китая и Индии. Что безусловно отразится на подъеме экономики, росте ВВП. В Европейской части страны создадутся более благоприятные условия для развития туристско-рекреационных кластеров международного значения и условия для улучшения экологической ситуации (особенно в Москве и Санкт-Петербурге) и других городах.

В-четвертых, произойдет весьма существенное обновление аппарата управления государства – пенсионеры и те, кто менее мобилен – останутся в прежних центрах.

В-пятых, новое глобальное действие вызовет в российском обществе мощную волну обновления, сроком действия на 3-5 лет, а может и больше (все будет зависеть от того, как будут развиваться события).

В-шестых, пока на этом остановимся.

Негативные последствия.

Во-первых, ухудшение экологической ситуации в окрестностях Байкала и в целом по отдельным локальным территориям Сибири.

Во-вторых, в Москве может появиться оппозиция новой столице и новому импульсу развития.

В-третьих, ослабление традиционных взаимоотношений с европейскими странами и т.д.

Но при разумном управлении проектами обновления (а именно это преследует цель переноса столицы), негативные последствия можно нейтрализовать или, хотя бы, оптимально минимизировать.

Используя навыки антиципации и реконструктивно-аналитического моделирования, попытаемся осмыслить главную аналогию нашего сравнительного микроисследования.

Антиципация – понятие, активно разработанное теорией и практикой психологии спорта (в XX веке). Предвидение. Предвосхищение. В палеопсихологии исследуются эволюционные аспекты этого понятия. Любому человеку присущ определенный диапазон предвидения-предвосхищения грядущих событий. Но индивидуальные различия в обладании этим качеством психического отражения и чувственно-абстрактного мышления – сильно разнятся по шкале, определяющей глубину, качество, точность возникающего образа предвидения. Это обусловлено генетическими предпосылками, степенью развития интеллекта, интуиции, и обладанием информацией о предвидимом событии или явлении.

«При рассмотрении многоуровневых систем часто приходится отказываться от требования строгой глобальной оптимальности управляющих воздействий и локальных решений. Дело в том, что в практических ситуациях строгий оптимум по многим причинам оказывается нереализуемым. Чаще всего это связано с недостаточностью информации о факторах, влияющих на результаты выбранных решений или управляющих воздействий. В классических ситуациях управления и принятия решений использование алгоритмов оптимизации оправдывается в первую очередь тем фактом, что они разрешают некоторые проблемы, связанные с имеющимися в данной ситуации неопределенностями» [12]. Что одинаково актуально как для исторических реконструктивно-аналитических моделей, так и для моделей прогнозирования будущих событий, для моделей интуитивно-синтетического предвидения.

Актуально использование в моделях реконструктивно-аналитических и интуитивно-прогностических разнообразного математического инструментария. «Игровой аспект исторического процесса представляется наиболее нагруженным математикой, так как он сводится к известному разделу математики – теории игр многих лиц в её наиболее сложном варианте – коалиционным играм многих лиц» [10]. Главное, не увлекаться на всех этапах исследования (от постановки задач до интерпретации результатов) субъективно-избыточным полетом фантазии, что приводит к появлению виртуальных реальностей, имеющих мало общего с действительными реальностями исторического прошлого (в стиле Морозова, Фоменко и иных альтернативных историков)

Итак, наши основные выводы.

1. Учитывая сходство политических стратегий двух главных исторических персон разных эпох: императора Византийской империи Юстиниана I и президента России В.В. Путина, мы можем предполагать, что стратегическое руководство Россией президент В.В. Путин будет осуществлять еще 17-20 лет (де-факто, де-юре – это технические детали).

Сейчас он находится в отличной форме и серьезной оппозиции в стране практически не имеет.

2. Учитывая опыт Византии – как позитивный, так в основном и негативный – России необходимо сосредоточиться на внутреннем развитии потенциала, развитии внутренней жизнеспособности российского народа и общества, на обновлении общественных и государственных институтов и регламентов, мобилизующих незадействованный потенциал российского консолидированного этноса.

3. Существует настоятельная историческая необходимость в обновлении стратегического геополитического курса страны. Ресурсов: природных, технических, интеллектуальных у России предостаточно. Надо развивать свои проекты и технологии будущего, а не бежать в след Америке и Европе - чтобы это было возможно – необходимо включить механизмы стимуляции развития внутреннего потенциала страны. Перейти от локальных и имитационных проектов развития к подлинно кардинальным проектам социально-экономической и экологической модернизации хозяйства страны.

4. Если в ближайшие годы не произойдет такого стратегического обновления внутреннего и внешнего курса страны, то мы сможем еще удержаться на прежнем уровне, паразитируя на природных ресурсах, лет 10-15. Далее (а, может, и ранее) Российскую Федерацию ждут большие неприятности (читайте историю Византийской империи).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. История государства российского. Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. – М.: АСТ, 2016. – 384 с.

2. Всемирная история. Систематический справочник. Сост. А.В. Двинцев. – М.: АСТ, 1997. – 431 с.

3. Гибель империи. Византийский урок. Документальный фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=inyoFRd2iM> (Дата обращения 01.08.17)

4. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. Пер. с англ. – М.: [Издательская группа "Прогресс"](#), 1994. - 526 с.

5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Свод №3. Международный альманах / Сост. Н.В. Гумилева. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.
 6. Донини А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) : Пер. с итал. – М.: Политиздат, 1989. – 365 с.
 7. Культура Византии XIII – первая половина XV в. / Ред. Литаврин Г.Г. М.: Наука, 1991. – 640 с.
 8. Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. – М., 1940. – 263 с.
 9. Можейко И.В. 1185 год. Восток – Запад. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. – 524 с.
 10. Плохотников К.Э. Нормативная модель глобальной истории. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 64 с.
 11. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году / Пер. с англ. Л.Б. Петрушевой. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – 416 с.
 12. Теория иерархических многоуровневых систем / [М. Месарович](#), [Д. Мако](#), [И. Такахара](#). – М.: Мир, 1973. – 344 с.
 13. Тойнби А. Дж. Постижении истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; вступ. ст. Уколовой В.И.; закл. ст. Рашковского Е.Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
 14. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
 15. Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформы церкви и претендент на власть. Пер. с англ. – М.: ЗАО Изд. Центрполиграф, 2015. – 575 с.
 16. Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. , 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1997. – 329 с.
-

УДК 94 : 316.4

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: 1861-2038 ГГ. (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА)²

Настоящий очерк-эссе продолжает тему историко-футурологического анализа и прогноза развития России, которую автор анонсировал в первом номере журнала «Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование». Предыдущий очерк-эссе назывался «История Византийской империи: уроки для России». Тема продолжается, но несколько изменился ракурс рассмотрения и особенно – акцент времени и места. Предложена рабочая хронология для целей заявленного мысленного экспериментального моделирования: новая история России 1861 -1917 гг.; новейшая история России 1917-2017 гг. Для удобства хронология разделена на 13 условных периодов. Из выше обозначенной условной хронологии, характеризуя каждый период истории, автор выводит на передний план одну из главных доминант исторического процесса - роль властвующей личности в истории России и высказывает гипотезы «как могло бы быть, если...» или «как будет, если...». В заключительной части автор приводит три основных сценария развития России.

Ключевые слова: история России, роль личности в истории, реконструктивно-аналитическое моделирование, сценарии развития.

NEW AND RECENT HISTORY OF RUSSIA: 1861-2038 YY. (EXPERIENCE OF HISTORICAL AND FUTUROLOGICAL ANALYSIS AND PREDICTION)

The present essay continues the theme of historical and futurological analysis and prediction of development of Russia, which the author announced in the first number of "Co-evolution and noosphere: research, analysis, prediction". The previous essay is an essay called "History of the Byzantine empire: lessons for Russia". The theme continues, but has changed the perspective and especially the focus of time and space. Proposed working timeline for the objectives stated mental experimental modeling: a new history of Russia 1861 -1917.; the recent history of Russia 1917-2017. For convenience, the chronology is divided into 13 conditional periods. From the above mentioned conventional chronology, characterizing each period of history the author brings to the forefront one of the main dominants of the historical process - the role of the dominating personality in the history of Russia and expresses hypotheses "as it could be, if..." or "as if...". In the final part the author presents three basic scenarios of Russia's development.

Key words: history of Russia, the role of personality in history, reconstructive-analytical modeling, scenarios development.

Раскинувшись между двух великих делений мира между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим – на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы – воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара.

Чаадаев П.Я.

² Опубликовано: Винобер А.В. [Новая и новейшая история России: 1861-2038 гг. \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\)](#) / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. - 2. - С. 111-140.

Этический долг всякого историка дать свое понимание исторического процесса. ... Он должен выразить процесс развития так, как он индивидуализируется в его личном познании, и оценить его с точки зрения своего индивидуального восприятия исторической усовершенности. ... Не из будущего исходит историк и не из прошлого, но из настоящего и прежде всего – из самого себя.

Карсавин Л.П.

Настоящий очерк-эссе продолжает тему историко-футурологического анализа и прогноза развития России, которую мы анонсировали в первом номере журнала «Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование». Предыдущий очерк-эссе назывался «История Византийской империи: уроки для России» [12]. Тема продолжается, но несколько изменился ракурс рассмотрения и особенно – акцент времени и места. Время будет доминировать настоящее и будущее, отталкиваясь от краткого и сугубо субъективного обзора новой и новейшей истории России, ограниченной хронологическим промежутком (извиняемся за не очень удачное слово «промежуток», скорее более уместным бы звучало «эпоха», но «промежуток» – это просто намек на краткое историческое время между громадным прошлым – до 1861 года и неизвестным по продолжительности будущим с 2018 и далее (из последнего мы возьмем еще более краткий «промежуток» (в масштабе земной человеческой истории) продолжительностью в 21 год (2018-2038)) на примере которого попытаемся порассуждать: каким он будет в истории России и мировой цивилизации?

Итак, тезис первый. Мы предлагаем свою рабочую хронологию для целей заявленного мысленного экспериментального моделирования (можно сказать, что этот вариант имеет широкое распространение в российской историографии): новая история России 1861 -1917 гг.; новейшая история России 1917-2017 гг.

Как утверждал в минувшем XX веке известный английский историк и гуманист Арнольд Тойнби: «В любую эпоху любого общества вся социальная деятельность, включая познание самой истории, управляется доминирующими тенденциями времени и места». [58]

В нашем понимании это звучит следующим образом: в любое историческое время и в любой стране можно обнаружить достаточно ясные и определенные доминанты (или доминирующие механизмы, движущие силы), что обуславливают развитие конкретного (исследуемого) социума, этноса или государства и присущи они именно этому времени и именно этому месту. Совокупность доминант или движущих сил всегда имеет свое «неповторимое лицо», которое можно назвать «исторический дух эпохи» или «действующая историческая модель эпохи» и т.п. Что касается нахождения и определения исторических движущих доминант эпохи и конструирования всеобъемлющей модели рассматриваемой исторической эпохи – здесь нам будет трудно выйти на прозрачную магистраль всеобщего консенсуса. Известно: сколько историков – столько и будет исторических картин исследуемой эпохи. Исключения бывают, но редко, как в случае декларации власть имущих авторитетов (например, И.В. Сталин, Мао Цзэдун и др.), когда возможно появление декларированных, или точнее, декретированных единообразных исторических картин. Так что, почти всегда мы будем иметь разные доминанты (движущие силы), разный набор составных элементов исторической модели и разное взаимодействие, и, в итоге, трудносовместимый результат видения протекания исторического процесса с позиций разных исследователей. Будут не совпадать причины и следствия, будут не совпадать оценки роли отдельных исторических лиц и самих исторических событий.

Выдающийся русский философ XX века Николай Бердяев был, например, убежден, что произошедшая в России революция была обусловлена историческим строем русской государственности, который «централизовал государственно-общественную жизнь, отравил

бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь». [6]

Некоторые современные исследователи считают, что одной из ведущих доминант истории России является, например, русский архетип. «Русский архетип – это стремление к абсолюту, которое является одной из основных черт русского характера, русской ментальности. Русский человек никогда не может удовлетвориться утилитарными задачами и идеями. Для него всегда важна высокая идея, высшая идея, абсолютная идея. Русская национальная мечта, в отличие, скажем, от американской национальной мечты, не мелочна, не замкнута в вещах. Она – в поисках Правды и Воли. Русского человека привлекает не регламентированность жизни в правовом государстве, а избавленность от изматывающей непродуктивности правил общения с чиновником. Ему нужна не свобода предпринимательства, а свобода творчества. Не распределение «по труду», а пафос труда и творчества – по сути, идея обустройства пространства, причем не в конкурентной борьбе, а в сотрудничестве, предполагающем артельность и общинность». [27]

Таких взглядов на движущие силы (доминанты) исторического процесса существует значительное разнообразие. В нашем очерке мы не будем их детально рассматривать или пытаться осуществить их систематизацию. Для упрощения задачи анализа и прогнозирования исторического процесса, мы будем опираться на собственный опыт и постмодернистское творческое воображение, как технологию мысленного исследовательского эксперимента. «Хронософия постмодернизма предлагает совершенно новое отношение к прошлому и к истории как общечеловеческому «архиву»... Исследователь-постмодернист располагает этим багажом: он играет с ним, он комбинирует его содержимое по собственному усмотрению, ставит мысленные и компьютерные эксперименты с непройденными путями в собственном прошлом, настоящем и будущем. Тем самым он стирает грани между ними, по крайней мере, в своем творческом воображении». [51]

Возвращаясь к началу новой истории России. 1861 год – отмена крепостного права. Как много говорили об этом большевики и советские историки – неудачная реформа, не имевшая решающего успеха... Мы воспринимаем это историческое событие несколько иначе: как первый шаг по созданию современного государства российского, впервые отвергающий многовековое рабство или «закабаление» большей части русского народа. Вопрос – насколько удачен он был, и к каким последствиям привел в итоге – мы пока оставляем за бортом наших основных рассуждений. Хотя, безусловно, это один из важнейших вопросов новой истории России.

Для удобства осуществления беглого обзора новой и новейшей истории России, мы разбили её на 13 периодов (или, как говорилось выше, «промежутков»), имеющих достаточно условный, но распространенный принцип деления и периодизации исторического процесса, как во всемирной истории, так и в нашей отечественной истории: деление хронологии по царственным (царствующим) персонам или продолжительным экстремальным историческим событиям.

И вот что у нас получилось:

1. Александр II - 1855-1881 гг.
2. Александр III - 1881-1894 гг.
3. Николай II - 1894-1917
4. Ленин и революция - 1917
5. Гражданская война - 1918-1922 гг.
6. Сталин И.В. - 1923-1953 гг.
7. Вторая мировая и Великая отечественная война - 1939-1945 гг.
8. Хрущев Н.С. - 1954-1964 гг.
9. Брежнев Л.И. - 1965-1982 гг.
10. Горбачев М.С. - 1985-1991 гг.
11. Ельцин Б.Н. - 1990-1999 гг.
12. Путин В.В. - 2000-2017 гг.
13. Будущее - 2018-2038 гг.

В некоторых моментах этой условной хронологической периодизации есть пробелы и наложения соседних «промежутков», но для нашей задачи на данном этапе эти пробелы не имеют принципиального значения. Например, на 1983-1984 и 1985 гг. выпадают Ю.В. Андропов и К.У. Черненко (правящие Генеральные секретари) – это, безусловно, разномасштабные исторические личности и они оказали различное влияние на течение исторического процесса в нашей стране, но это было время инерционное (в основном – брежневское), наши исторические личности, по большей степени, находились на больничном режиме, т.е. были смертельно больны и не могли в должной степени влиять на развитие исторической ситуации, поэтому мы не стали выделять их в отдельные «периоды-промежутки». Понятно, что Ю.В. Андропов сыграл более осязаемую историческую роль, в т.ч. и в появлении на «царствующем олимпе» М.С. Горбачева – одного из главных «могильщиков» СССР (наряду с первым президентом России Б.Ельциным).

Историческая роль Ульянова-Ленина, может быть главного инициатора Октябрьской революции и первосоздателя советского государства, как наследующего Российской империи, также, безусловно, значима и давно признана, но мы эту роль, в основном, связывали с революцией 1917 года. И в продолжение – рассматриваем её в период (который трудно психологически назвать «промежутком») гражданской войны.

Из выше обозначенной условной хронологии сразу выходит на передний план одна из главных доминант исторического процесса – роль личности в истории. Выделим особенно – роль властвующей личности в истории России. На данном этапе это будет главная доминанта, которую мы будем рассматривать, характеризуя каждый период истории.

Небольшое отвлечение. Считается, что история – есть то, что уже случилось, т.е. прошлое, которое можно трактовать так, как оно имело место быть. А как могло быть – это уже не история, а, скорее всего, философия и отвлеченные рассуждения. Это господствующая точка зрения в сообществе современных историков-профессионалов. Мы, время от времени, будем

игнорировать эту устоявшуюся профессиональную «парадигму» и будем высказывать гипотезы «как могло бы быть, если...» или «как будет, если...». В футурологии, в методологии прогнозных сценариев это вполне допустимый прием.

С него и начнем. Выскажем первую гипотезу. Как могла бы развиваться история России, если бы во время реформ Александра II, в его правительстве, наряду с Лорис-Меликовым оказались такие государственные деятели российской истории как Сперанский, Витте, Столыпин, и все они смогли бы найти общий язык и поделили бы сферы влияния, но работали как единая команда, осуществляющая реформы (которые во многом предлагал Сперанский еще во времена царствования Александра I) в полном объеме и по всей стране? Вы, скорее всего, скажите – это фантастика! Так не бывает! Но я вам отвечу – теоретически такое могло произойти. И тогда история России, да и мировая история, могла бы быть совсем иной. И, вполне вероятно, тогда можно было избежать революции, гражданской войны, коллективизации, террора, а, может даже, и Второй мировой и Великой Отечественной войны...

Слишком уж фантастично? Другая гипотеза, меньшего масштаба – Николай II категорически отказывается от возможной русско-японской войны 1904 года... Оставим вопрос открытым (в надежде, что это не последнее отвлечение) и вернемся к началу новой истории России, к периоду царствования Александра II.

На наш взгляд, Александр II, как историческая персона, недооценен историками и обществом. [50] Что ему досталось в наследство, кто были его учителя, что он хотел сделать, что смог и что не смог сделать? «Герои-террористы» - что они принесли в Россию убийством Александра II?

Из всех Романовых, царствовавших в России в XIX и начале XX века, Александр II был наиболее полноценным в интеллектуальном и управленческом смысле. Властитель, как муж с государственным мышлением и обладающий ясным видением происходящего в стране и в

мире. Александр I тоже был думающим императором, но более подверженным мнению двора и близкого окружения. Трое других Романовых (Николай I, Александр III и Николай II), на наш субъективный взгляд, заметно проигрывали Александру I и Александру II в широте государственного кругозора, в видении и понимании исторического процесса и прогнозировании (слова такого тогда не было) будущего Российской империи.

Почему не удались реформы Александра II ? Историки приводят множество причин, начиная от сопротивления консервативных кругов дворян и помещиков, до негативного противодействия геополитического окружения (политики Германии, Австро-Венгрии, Великобритании). Мы бы хотели остановиться на двух причинах-факторах, которые ,опять же, на наш субъективный взгляд, отразились на осуществлении роли правителя и реформатора Александра II. Первое – это избыточная чувственность императора по отношению к женскому полу. В последние годы жизни он, единственный из Романовых, жил на две семьи – что отнимало много энергии и вызывало много толков и сплетен среди ближайших родственников и всей высшей дворянской и духовной камарильи. Второе – боковые ветви Романовых все активней вмешивались в государственную внутреннюю и внешнюю политику, вели свои интриги и свою самостоятельную политическую игру. Пример – такая политическая корыстная игра близких родственников Александра II привела к невыгодной и беспрецедентной в мировой истории продаже Аляски Соединенным штатам Америки. «18 (30) марта 1867 г. – Россия продала Аляску США, уменьшив территорию России на 1,5 млн. кв. км. Это была самая крупная уступка территории за время существования единого русского государства. Огромная территория, равная по площади трем Франциям, была продана за 7, 2 млн. долл. (менее 5 долл. за 1 кв.км.). Царское правительство мотивировало продажу экономической неэффективностью заокеанских территорий, которые содержались за счет казны. Кроме того, после Крымской войны

существовала угроза захвата Аляски англичанами. ... Из 823 обитавших там русских, остаться в новой стране пожелали лишь 90. Из тех, кто пожелал остаться, многие все же покинули обжитые места на последнем отплывающем в Россию корабле, поскольку американский гарнизон занялся грабежами». [62] В итоге интриги родственников царствующей особы, Россия потеряла мощный плацдарм развития на североамериканском континенте (а ранее был потерян Форт-Росс в Калифорнии) под фальшивым лозунгом приобретения США как союзника в борьбе с Великобританией. Деньги, предназначенные на оплату Аляски, так и не поступили в бюджет Российской империи, а растворились «на счетах» родственников царствующей особы. Грандиозная авантюра не принесла никакой экономической или геополитической выгоды Российскому государству. [7] (ситуация отдаленно напоминает заем 4 млрд. дол. и последующий дефолт в августе 1998 года с участием семьи и приближенных президента Ельцина, великого борца с привилегиями партократов).

В дальнейшем, интриганы-родственники так и не успокоились, и дотошный исследователь (точнее, следователь) может проследить последствия их деятельности вплоть до 1917 года (и далее мы об этом скажем – о их родственной роли в дискредитации и крушении последнего Романова – Николая II).

В отечественной историографии, несмотря на обилие публикаций, слабо исследован вопрос многочисленных покушений на Александра II, и возможного влияния на этот процесс интригующих родственников царя и представителей высшей охранной власти. Думаю, что без такого содействия со стороны вышеназванных заинтересованных лиц из родственного и правительственного окружения Александра II, отдельным террористам (поддерживающим связь с «охранкой») - такие покушения не множились бы систематически и не завершились бы роковым убийством царя. Не надо преувеличивать революционный пыл и технические возможности всевозможных «народовольцев» - без организационной (а вполне вероятно –

и финансовой) помощи со стороны государственных охранных структур невозможно организовать такую серию покушений на высшее лицо государства.

Естественно, что такое же организованное противодействие, такие же интриги велись «заинтересованными кругами высшей знати» против проводимых Александром II реформ – также недостаточно исследованный вопрос российской истории 60-70 годов XIX века.

В итоге «заинтересованные круги» своего добились – после гибели Александра II, к власти пришел Александр III, более ограниченный и консервативный правитель, который «закрыл» необходимые для динамичного развития Российской империи реформы и решительно встал на путь контрреформ. В скорости и он перестал устраивать «заинтересованные круги» и революционеров (не могу припомнить какое-либо историческое исследование, которое детально и глубоко освещало бы финансовые источники, питавшие терроризм и революционный экстремизм в России в XIX и начале XX, а также имевшиеся связи революционеров и террористов с зарубежными политическими и финансовыми структурами. А таковые, безусловно, имелись. Финал – это plombированные вагоны революционеров в 1917 году, едущие в Россию, через территорию воюющего против России государства).

Александр III (царь – миротворец) был правителем, в значительной степени подверженным патриархальным устоям и не лишенным здравого смысла и необходимой правителю необъятной страны государственной воли (точнее, личной воли по отношению к государственным делам).

Примерный семьянин (в отличие от собственного «папА»). Даже невеста досталась ему по наследству от рано умершего старшего брата Николая (в придачу к престолонаследию), и надо сказать, хорошая получилась из неё супруга императора, особенно в сравнении с последней императрицей из Романовых – Александрой Федоровной, во многом

способствовавшей крушению своего мужа Николая II, как последнего императора России (здесь мы несколько опережаем события).

В смысле знаний и широкого кругозора Александр III (по свидетельству его наставника, а в последствии и фаворита Победоносцева) звезд с неба не хватал и в этом плане сильно уступал своему венценосному родителю. Но в отличие от Александра II, был более прагматичным, хватким и целеустремленным. К тому же - не отвлекался на посторонних женщин, что сохраняло больше энергии для управления государством. Избегал больших войн и геополитических конфликтов, содействовал проектам перспективного капиталистического строительства, но не смог уделить достаточного внимания своевременному перевооружению армии и флота (и здесь опять тянется след к родственникам царствующей особы, большим любителям пожить за казенные деньги и по возможности присвоить некую толику имперского бюджета для себя любимых, но не царствующих Романовых).

При беглом, фрагментарном обзоре исторических событий (какой мы осуществляем в настоящем эссе) нельзя охватить все решающие доминанты, определяющие ход исторического процесса. Но мы не можем обойти вниманием историческую роль еще одной персоны, оказавшей заметное, едва ли не решающее влияние на текущие и последующие события периодов царствования Александра III и Николая II.

Такой заметной исторической персоной оказался малозаметный (до прихода к власти Александра III) чиновник-правовед Победоносцев. Его роль, его контрреформы имели решающее значение и во многом неоднозначно (порой – крайне противоположно) оцениваются историками. «Фактически проводимая Победоносцевым политика подрывала основы, на которых зиждилась Россия, как имперское государство... Деятельность Победоносцева, призванная укрепить социально-политическую стабильность, на самом деле неуклонно расшатывала её» [46].

Кем же был Победоносцев, какую роль он сыграл в общественно-политической и духовной жизни России? «Дикий кошмар русской истории»

или «нелепая галлюцинация» или просто предшественник Григория Распутина?

Мы воздержимся от окончательной оценки деятельности Победоносцева. Скажем так, если бы вместо него был Сперанский – мы бы имели совсем другую историю, гораздо более благоприятную (но это опять же только голословная версия и никем не разработанная гипотеза).

Преждевременная смерть Александра III возвела на престол последнего царя из династии Романовых – Николая II. Николай Александрович был прекрасный семьянин и добропорядочный христианин, но к управлению таким большим и сложным государством, да и еще в такую сложную эпоху - (для него это оказалось сверхзадачей, справиться с ней мог правитель типа Петра I), Николай II оказался не готов к стремительным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим переменам.

В значительной степени негативное влияние на него оказывала любимая законная жена. Александра Федоровна не смогла и не захотела преодолеть психологический барьер во взаимоотношениях с многочисленными родственниками Николая II, и по сложившейся традиции отдельные влиятельные Романовы, особенно дядя Николая Александровича, начали исподволь (по уже сложившейся при Александре II традиции) интриговать против царствующей особы, пытаясь в большом и малом дискредитировать воспитанного и доброжелательного (в основном) правителя. Отсюда можно проследить истоки и причины «Ходынского поля» и «Кровавого воскресенья» и многие другие неудачные шаги и обстоятельства, преследовавшие последнего Романова. Появление при царской семье бродячего монаха-гипнотизера Григория Распутина, возможно, сыграло окончательную роль в дискредитации государя-императора и государыни-императрицы. Этими (и другими) «kozyрями» воспользовались многочисленные (невероятно расплодившиеся в царствование Николая II) революционеры и их партии, вожди, недоброжелатели и противники из высших слоев общества, а также

иностранные «дипломатические» структуры, осуществлявшие финансовую поддержку революционеров и противников последнего Романова. А ведь это можно было предвидеть [39, 44]. «Таких действительно крупных финансовых катастроф, какую могло бы быть русское государственное банкротство, история до сих пор не знает» [30].

Позорное поражение в русско-японской войне привело к первой русской революции 1905 года, а крайне неудачное ведение военных действий во время первой мировой войны против Германии и Австро-Венгрии – привело Россию ко второй революции 1917 года и падению династии Романовых. [41, 42]

Появление на исторической арене вождя большевиков Ульянова-Ленина привело Россию к Октябрьской революции и установлению диктатуры ВКП (б), и также к кровопролитной гражданской войне [43].

О Ленине мы имеем обилие исторической литературы, но до сих пор не понятно: нужен ли был российской истории этот «кровавый гений» или можно было не создавать такое обилие революционных деятелей и организаций, запустив исторический процесс по пути прогрессивных и динамичных реформ?

Ведь если бы Николай II сумел воздержаться (с помощью грамотной внешней политики) от вступления в русско-японскую [49] и первую мировую войны, а реформы Столыпина были доведены «до ума» - вполне возможно, что не потребовалось бы революции, и Россия могла бы стать лидером мирового экономического развития...

Роль личности Ленина в нашей истории неоспорима, но методы жестокой диктатуры, которые он внедрил в управление государством, имели место только при Иване Грозном («опричнина»). Во многом, благодаря руководству Ленина и его ближайших соратников (Троцкого, Свердлова и др.), большевики смогли выиграть кровопролитную войну (и в значительной степени благодаря террору, позднее превратившемуся в геноцид своего народа). [24, 26, 28, 54]

Один простой пример: по данным многих исследователей, около 90% красных партизан и царских кадровых военных, воевавших в гражданскую войну на стороне советской власти, были репрессированы и в большинстве расстреляны в 30-е годы. Вопрос – если бы они предвидели такое развитие – воевали бы они тогда за большевиков? Видимо, тогда и родилась знаменитая русская пословица: «За что боролись – на то и напоролись...» [22, 28, 40]

История гражданской войны 1918-1921 гг. имеет еще немало «белых пятен». В своем беспристрастном изложении она еще не написана. Необходим отстраненный синтез событий, который позволил бы создать адекватную неангажированную идеологически картину исторического процесса. «Основное наше впечатление о положении в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с её административной, социальной, финансовой и экономической системами рухнула и разбилась вдребезги под тяжелым бременем шести лет непрерывных войн» [60].

К концу 1922 года страной уже практически руководил последователь и ученик Ленина – Иосиф Сталин (Джугашвили). Еще были оппоненты, была борьба, но Сталин успешно формировал свою команду и держал контроль над ситуацией. Ему потребовалось еще 15 лет жестокой борьбы за утверждение своей абсолютной власти. Одним из основных инструментов и аргументов этой борьбы был беспощадный террор, рожденный Октябрьской революцией и усовершенствованный «красным императором». Можно бесконечно говорить об успехах социалистического строительства, позволившего сформировать к 1941 году индустриальную державу и победить гитлеровский фашизм, но нельзя при этом не говорить, какой ценой далась эта индустриализация и эта победа. [8, 10 и др.] Именно Сталиным создана была к середине 30-х годов совершенно новая система управления государством, которую в последствии убежавший на запад философ Авторханов А.(1958), определил как «универсальный чекизм». [37, 5, 9, 55, 57]

Архетип, созданный этим жестоким временем (1918-1953 гг.) до сих пор здравствует в нашем государстве и обществе. Иногда его загоняют в угол, стараются не вспоминать, отрицают или оправдывают, но он постоянно «живее всех живых». Многие гуманисты и просвещенные обыватели даже склонны утверждать, что «37-й год» больше не повторится. Вынужден их огорчить, потому как, благодаря архетипу универсального чекизма, механизм социального геноцида в нашей стране можно включить практически в любую минуту, т.е. когда потребуется правящей государственной системе. Внуки и правнуки тех, что творили геноцид в те печальные времена, успешно размножились, благополучно встроились в новом времени и прекрасно сохранили унаследованный архетип (о чем мы говорили выше). «... Сталин и сталинизм как общественная система – не одно и то же. Созданная при Сталине социально-политическая и экономическая система после его смерти функционирует вот уже 35 лет и демонстрирует огромный запас прочности... Вопрос о возврате к сталинизму по сути дела не стоит, он здесь, вокруг нас, в наших писанных и неписанных законах, в наших традициях, идеологии и морали... Реанимация сталинизма – главная смертельная опасность для нашей страны и для всего человечества». [48]

Общества, как такового, в России нет. Оно было уничтожено до основания «тайфуном красной революции» и последующим строительством социализма и коммунизма. Есть маргинальная прослойка интеллигенции, иногда прикармливаемая властью, с целью имитации наличия общества... Здесь мы вынуждены остановиться, потому как увлеклись аспектами чрезвычайно глубокими и фундаментальными, которые следует отнести скорее к сфере научного политологического психоанализа, чем к повествовательной истории. Поэтому для отдельных личностей, кому могут быть интересны вопросы «исторического подполья», мы рекомендуем следующих авторов [16, 25, 28].

Период 1939-1945 гг. мы обозначили как «Вторая мировая и Великая отечественная война». Звучит несколько непривычно, но имеет под собой

определенные основания. Дело в том, что в отечественной историографии до сих пор господствует традиция (имеющая под собой идеологию сталинизма) рассматривать отдельно Вторую мировую войну, которую якобы затеяли фашистская Германия и её противники-империалисты (Англия и Франция в первую очередь), а потом, через два года фашистская Германия, направляемая ненавистными империалистами, внезапно напала на «ничего не подозревающий» Советский Союз и началась Великая отечественная война... В зарубежной историографии преобладает единое обозначение этого периода как «Вторая мировая война». Мы решили объединить две распространенные концепции отечественных и зарубежных историографов – и у нас получился (еще раз повторимся) период под названием «Вторая мировая и Великая отечественная война», что встречается изредка у отечественных историков. [52]

Мы считаем, что Советский Союз принял участие в самом начале Мировой войны, 1 сентября 1939 и даже несколько ранее, когда отразил экспансию японских милитаристов (Хасан и Халхин-Гол), что в последующем имело важное значение для дальнейшего хода событий мировой войны.

Небольшое отступление. «В первой мировой войне было уничтожено материальных ценностей на 338 млрд. долл. Во второй мировой войне эти потери выросли почти в 12 раз и превысили 4000 млрд. долл». [14]. Человеческие потери во второй мировой войне оцениваются более чем 50 млн. жизней – и больше половины людских потерь выпало на долю населения нашей страны (тогда – Советского Союза). [20] В последние годы Правительство России в идеологических целях активно эксплуатирует тему Великой победы в Великой отечественной войне, с целью консолидации сознательной и патриотически настроенной части общества против внешних и внутренних врагов. Историческая память – это замечательная вещь, разумная и необходимая для любой страны, любого гражданина и любой личности. Но идеология и история – это несколько разные вещи. Идеология

слишком часто (едва ли не всегда) норовит использовать историю для своих целей, при этом совершенно не стесняясь в средствах. То есть с точки зрения идеологии допустимы любые искажения имевшей место исторической реальности, и стремление иметь у себя на службе не подлинную и максимально объективную историю, а такую историю, которую мы назвали бы «обрезанной в нужных местах» и «подклеенной в других местах».

В 90-е годы XX века была иная тенденция – многие новоявленные историки (чаще – журналисты и любители, но нередко и профессионалы-историки) искажали отечественную историю в угоду богатому Западу – либо за гранты, либо с целью просто понравиться кому-то своей ненавистью к советскому прошлому. Таким образом, у нас появилась своеобразная «альтернативная история». Особенно активно она проросла на почве Великой отечественной войны 1941-1945 гг. Имеется значительное число научных и научно-популярных книг, содержание которых кардинально переоценивает ход военных событий с точки зрения новой, якобы фактически обоснованной достоверности. В качестве примера приведем книги двух авторов (на самом деле, таких книг десятки и сотни, если не тысячи).

Первая книга: Горбач В. Авиация в Курской битве (2008 г.) [18]. Под красивым анонсом «Как дорого обошлась нам победа? Какова роль люфтваффе в срыве попытки Красной Армии окружить орловскую и харьковскую группировку вермахта?» в книге настойчиво проводится линия правдивости данных германской стороны (статистики люфтваффе) и почти постоянных ложных и недостоверных данных советской авиации. Если строго следовать логике автора, то создается впечатление, что Курскую битву выиграла вовсе не Красная армия...

Вторая книга: Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно» (2009 год) [47]. О крымских партизанах и войне в Крыму, о репрессированных крымских татарах. В данной, удивительно правдивой книге, партизанской войны

вообще нет, а есть только ошибки, гибель людей, мародерство и каннибализм...

Вообще, примерно с 1989 года и по сей день появилось просто огромное количество книг о Великой Отечественной Войне (особенно популярных для массового читателя). С одной стороны, они помогают устранить идеологически однобокое освещение событий войны, которое культивировалось в СССР до 1989 года, но с другой стороны – они часто вводят в заблуждение читателя, искажая картину реальных исторических событий. В итоге, массовый читатель (хорошо, если он есть на самом деле) вряд ли будет иметь достоверное представление о «делах давно минувших». Появился целый пласт переводных военно-исторических бестселлеров, давно известных на Западе. С одной стороны – это новая для наших соотечественников информация обогащает картину военных лет, но с другой стороны – нередко, авторы тоже бывают далеки от объективности, потому что также идеологически ангажированы с точки зрения своих западных историографических и политических концепций. [17, 31, 35, 53, 63 и др.]

Советский Союз победил в этом титаническом противостоянии. Но победил тяжелой ценой – и граждане России должны иметь об этом объективную, максимально достоверную информацию, отражающую как подвиг народа, его солдат и полководцев, тружеников тыла, так и все потери, все ошибки и все действия лиц, что были героями, как и действия тех лиц, что казнили героев...

Подвиг победы в Великой Отечественной войне – это не только повод гордиться, но и повод трезво задуматься над тем, что в истории не происходит ничего случайного...

Гораздо реже принято говорить о послевоенном периоде – 1946-1953 гг., когда страна вставала из руин, когда восстанавливались города, села, фабрики и заводы – ведь это тоже был удивительный подвиг советского народа. Какой ценой и как это происходило – слишком мало уделяется

внимания этому важному периоду новейшей отечественной истории. А здесь ведь тоже скрыт великий исторический урок.

После смерти И.В. Сталина (точнее, даже при нём, умирающем), сразу развернулась борьба за верховную политическую власть в советском государстве. Один из основных претендентов был шеф МГБ Лаврентий Павлович Берия. Есть немало высказываний о том, что если бы Берия пришел к власти, то Советский Союз закончился бы намного раньше – настолько были либеральными его взгляды в последние годы (или месяцы) его жизни. Мы не будем погружаться, как уже говорили выше, в такие глубины исторического и политологического психоанализа, а вернемся к фактам. Главным оппонентом Берии оказался Н.С. Хрущев, который смог успешно объединить соратников из высшей политической власти против шефа МГБ. В скорости Л.П. Берия был расстрелян вместе с основными своими заместителями. И наступил новый период борьбы за абсолютную власть, где лидером продолжал оставаться Н.С. Хрущев. Уже в 1956-1957 гг. он сумел сконцентрировать в своих руках такую степень власти, что перешел на уровень нового вождя коммунистической партии и Советского государства.

1954-1964 гг. нашей отечественной истории – непростое и удивительное время – прошли под знаком Никиты Сергеевича Хрущева – еще одного неоднозначного и оригинального политического деятеля.

Оценки деятельности Н.С. Хрущева сильно разнятся в отечественной историографии. Но можно сказать, что это была эпоха максимального взлета развития социализма. Технические, научные достижения мирового масштаба, развитие народного хозяйства, образования, медицины и т.д. – были весьма ощутимыми. Как были и неудачи, ошибки и просто шапкозакидательский авантюризм. И тоже надо сказать, что этой эпохе не очень повезло с объективным анализом исторических событий и достижений – он более всего фрагментарен, но нет целостной картины. Есть хорошая книга об эпохе в целом, но она же в значительной степени больше о самой личности Н.С.

Хрущева и в значительной мере субъективна, так как писалась его сыном С. Хрущевым. [61, 3]

С точки зрения футурологии и прогнозирования есть уникальная тема, которая до нашего времени не была глубоко научно проанализирована и смоделирована. Это проект Н.С. Хрущева о построении в СССР коммунизма за 20 лет...

В конце 1964 года, путем «бархатного переворота» - впервые за много лет никого не расстреляли – к власти пришел Л. Брежнев. В коалиции, свергнувшей Н.С. Хрущева, были персоны повластней и посильнее Л. Брежнева, но Леонид Ильич оказался искусным психологом-шахматистом и сумел нейтрализовать основных оппонентов. Прежде всего потому, что любил аппаратную работу, а партийный аппарат в те времена определял очень многое.

Период Брежнева продлился значительно – с октября 1964 по ноябрь 1982 г. Это время можно разделить на два исторических «промежутка»: 1964-1973 и 1974-1982. В первой части была определенная позитивная динамика развития, а во второй – Брежнев был уже серьезно болен и не мог полноценно осуществлять руководство страной и партией. Это время впоследствии назовут «застоем», и жестоко раскритикуют во время так называемой «перестройки», завершившейся крушением социализма и распадом на 15 и более неравнозначных частей самой великой страны – СССР.

Как мы говорили выше, краткий «промежуток» правления Ю. Андропова и К. Черненко мы оставляем для будущего и сразу переходим к такому серьезному историческому периоду, который вполне уместно назвать историческим «промежутком» по смыслу происходящего, и, особенно, по тем результатам, к которым привел этот «промежуток».

1985-1991 – эпоха М.С. Горбачева. Молодой, жизнерадостный, говорливый генеральный секретарь КПСС, по совместительству глава крупнейшего государства на планете, с первых своих шагов полюбился

большинству советских телезрителей, что было не удивительно (после Брежнева, Андропова, Черненко), но также сильно и надолго понравился новый генсек ведущим лидерам крупнейших западных государств (с Маргарет Тэтчер Михаил Сергеевич, похоже, подружился еще в 1984 году). И вот эта всеобщая и взаимная любовь М.С. Горбачева и лидеров Великобритании, США, Германии и т.д., как нам кажется, требует глубинного изучения и анализа. Как нам кажется, эта тема новейшей истории России недостаточно хорошо исследована и осмыслена историками и политологами. [15]

Первые три года Михаил Сергеевич непрерывно говорил, что нам всем нужно или ускориться, или перестроиться, а в 1988 запущенная ранее гласность «взорвала» устоявшийся менталитет советского народа и пошла цепная социально-политическая реакция, набирающая скорость и необратимость. К середине 1989 года уже многим думающим было понятно, что дело идет к верному развалу государства, и одними бесконечными разговорами это процесс нельзя остановить. «1989 год ознаменовался переходом к качественно-новой социально-политической ситуации в стране. Произошел раскол социально активной части общества на различные слои и группировки. В СССР насчитывалось около 60 тысяч самостоятельных общественных организаций. Подавляющее большинство формальных и неформальных организаций ставят себя в открытую оппозицию КПСС, которая до сих пор продолжает занимать позицию пассивной обороны, если не сказать сильнее – пораженческую позицию» [56].

«... Социальный кризис охватил все сферы жизнедеятельности общества – производственную и бытовую, экологическую и демографическую, национальную и этническую, политическую и идеологическую. ... Дестабилизация экономики и разбалансированность внутреннего рынка – значительно расширилась сфера межнациональных конфликтов – расширились сферы криминального и девиантного поведения. Резкое снижение использования производственного потенциала страны и

экономически необоснованный выброс денег в обращение вызвал катастрофическое расстройство внутреннего рынка. Практически дефицитными стали все товары потребления за очень небольшим исключением. В 1989 (по сравнению с 1988) денежные доходы населения увеличились на 63,8 млрд. руб. или на 12,9%» [56].

Появление на политическом олимпе СССР Бориса Ельцина (взращенного и взлелеянного самим М.С. Горбачевым) – это еще одна неординарная тема личности в истории – только ускорило распад СССР (чему в значительной степени способствовали многие партийные лидеры, руководители республик и генералы КГБ). Парадокс крушения СССР в 1988-1991 гг. очень образно сформулировал Г. Павловский: «В 1989-1991 годах в СССР группа, состоящая примерно из трехсот человек, поменяла мнения трехсот миллионов». [38]

В конце 1991 года последний генсек КПСС и первый и последний президент СССР подал в отставку и стал почетным пенсионером всемирного значения. Роль личности М.С. Горбачева описана многими авторами, и мы воздержимся в нашем эссе затрагивать этот важный вопрос. Мы обратимся к последствиям деятельности его и его соратника по партии и политбюро Б.Н. Ельцина. Тем более, что последствия, как нам кажется, многократно превосходят собственно исторические аспекты их политической и управленческой деятельности как руководителей крупнейшего государства.

О Ельцине несколько слов. Первый президент России за 1991-1999 гг. был первооткрывателем новой капиталистической России, и большую часть своей энергии потратил на борьбу за власть. Причем, умудрился создавать себе врагов «на ровном месте», в том числе из близких своих друзей и сотрудников, как и постоянно создавать внутренние проблемы в стране. По нашему глубокому убеждению, войну в Чечне возможно было избежать, если бы целенаправленно проводить нейтрализацию с первых дней опасности этой войны (что было очевидно уже в сентябре 1991 года). Вместо серьезной и вдумчивой работы по этому болезненному вопросу, Ельцин ограничился

любимым популизмом, говоря российским автономиям: «Берите столько власти, сколько сможете унести!»

О Ельцине имеется также немало полезных публикаций, где отражен его противоречивый портрет и его роль в русской буржуазной революции 1991 года. В частности, мы бы выделили книгу Полторанина, в одно время одного из ближайших соратников Ельцина в борьбе за власть [45].

О последствиях деятельности двух замечательных персон новейшей российской истории мы могли бы выразиться так: «По прошествии 25 лет нашего «великого похода в рынок», когда путем разграбления страны разбогатели единицы, а 70% населения находится за гранью нищеты, только очень неискренний человек (к Г. Павловскому и Макиавелли это не относится) не сможет понять, что все произошедшее – совершенно сознательная операция США и их натовских партнеров по разрушению главного политического и идеологического противника – второй мировой державы – Советского Союза. А. Зиновьев (не замеченный в особой любви к коммунистам и советскому строю) утверждал, что «никаких объективных причин распада СССР не было. Была политика глупости и предательства» [21]. Кризис, надвигавшийся в 1985 году – его можно было преодолеть теми средствами, каким обладало советское общество – и вовсе не требовалась никакая перестройка». [11]

Еще более четко и остро в свое время высказался академик Н.Н. Моисеев: «Я глубоко убежден, что еще в 1980-е годы соответствующей перестройкой управления промышленностью и введением ряда рыночных механизмов и постепенного изменения структуры собственности мы сумели бы сохранить Великое государство и избежать теперь уже неизбежного утверждения планетарного тоталитаризма». [34] Прошло 17 лет и мы воочию наблюдаем процессы, утверждающие планетарный тоталитаризм, о котором говорил Н.Н. Моисеев. [11]

Еще жестче мнение известного российского ученого Ж. Алферова: «Убежден, что разрушение Советского Союза было, есть и надолго останется

самой большой трагедией XX века. Прежде всего для народов бывшего СССР. Подавляющее большинство населения оказалось обмануто и сегодня влачит жалкое существование, сводя концы с концами. ... 10% населения России, захватив в руки все национальные богатства, мало заботятся о том, чтобы наша страна вышла на передовые позиции в мире. В результате состояние науки в России близко к катастрофическому. Диктатура невежд».

[4]

Если говорить о 90-х годах XX века (когда по данным отечественных криминологов и журналистов в стране правили бал от 2200 до 10000 организованных преступных группировок – этот «промежуток» можно назвать, как и «первичным накоплением капитала», так и «разгулом стихийного капитализма»). Многие авторы писали о том, что произошел не только крах СССР, но и «агония России», так как имелись тенденции дальнейшего распада России. [32, 33]. По этому поводу, предвидя такую возможную ситуацию, русский философ Иван Ильин провидчески предупреждал: «Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании – демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность». [23]

Так, почти незаметно, с помощью легких штрихов и эскизов на тему новой и новейшей истории мы подобрались к её последнему, современному периоду, что имеет место уже в начале XXI века.

2000-2017 гг. – это период, или точнее, эпоха нынешнего президента В.В. Путина. Когда 31 декабря 1999 года Б.Н. Ельцин сказал по российскому телевидению: «Я ухожу... Вот мой приемник – и.о. президента В.В. Путин», автора настоящего эссе посетило прозрение и он подумал: «В 2016 году В.В. Путина изберут президентом пожизненно...». Де-юре, это событие пока не наступило, но де-факто – оно уже состоялось... В.В. Путин – это, безусловно,

самая яркая персона на российском политическом Олимпе после 1953 года. Не все и не всегда ему удается, но это реальный политик, государственный деятель и правитель. Можно сказать образно: он поднял Россию с колен, и она обрела второе дыхание. Весь вопрос в том, какое будет продолжение? Мало кто сомневается, что в 2018 В.В. Путин снова будет избран президентом на новый шестилетний срок. Мы предполагаем, что в той или иной юридической форме В.В.Путин будет править Россией ближайшие 20 лет (2018-2038 гг.). В России нет традиции добровольно уходить от власти. Случай Ельцина – уникальный прецедент, но обусловленный состоянием здоровья и другими обстоятельствами, что остаются за кадром. В мировой истории был император Диоклетиан, что добровольно отказался от высшей власти и через несколько лет Римская Империя погрязла в многолетней междоусобице...

Попробуем непредвзято, но критически оценить, что произошло в России за годы правления В.В. Путина.

«За последние годы во внешней и внутренней политике России произошли большие изменения. Была выстроена жёсткая вертикаль власти, урегулированы отношения между властью и бизнесом, созданы условия для экономического роста, политической и социальной стабильности. Экономика страны стала развиваться. Благодаря высоким мировым ценам на нефть Москва получила свободные капиталы для внешних и внутренних инвестиций. Было увеличено финансирование национальной обороны и подавлено вооруженное сопротивление на Кавказе. Внешняя политика при Путине стала более независимой, учитывающей в первую очередь собственные национальные интересы. Курс на сближение с Западом, который был взят в девяностые годы, изменился. Россия стала выступать как самостоятельный «центр силы». [36]

Есть и другая точка зрения: «Суверенитет Системы РФ – это мировая машина её перманентного учреждения заново. Оттого нехотя доверяем тому? кто от имени учредительной власти взял территорию под свое руководство и,

сдерживая Россию, от ее имени торгует, отстегивая кое-что нам, как оптовик старухе-огороднице. ... Источником власти в системе РФ является Команда, делегирующая объемы власти на места. Казначейская система отвечает структуре власти: деньги идут в центр и там распределяются. Но центр и есть Команда. А бюджетный процесс переплетен с наделением властными полномочиями. Управление бюджетом – вот единственное управление государством, а казначейская дисциплина – единственный вид дисциплины в стране. ... Страна не столько берется под государственный контроль (к этому слабая государственность не пригодна), сколько вводится в мировую игру изначально обездвиженной». [38]

Для равновесия представим третью точку зрения, отраженную в полезной книге социального эколога О. Яницкого «Экологическое мышление эпохи «великого передела» [65].

За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса.

Отказ государства от поддержки социотехнических систем в рабочем состоянии – привел к появлению обширных зон деградации и запустения (заброшенные города, поселки, деревни).

Если раньше наблюдалась устойчивая тенденция к расширению социально освоенного населением пространства страны, его устойчивая функциональная структуризация, то теперь для большинства населения оно резко сжалось – не только географически, но социально и психологически.

Вследствие развития высоких технологий и росту потребности индустриального мира в природных ресурсах, властвующая элита все менее нуждается в людях вообще и в творчески думающих людях в частности.

Деэкологизацию обычно понимают как деинституционализацию государственной системы охраны природы, понижение природоохранных целей по шкале национальных приоритетов... Этот процесс действительно имеет место.

США и ЕС через все доступные информационные центры и сети все настойчивей стремятся легитимировать принцип «ресурсы планеты – достояние всего человечества», как основной постулат международного права (основание претензий к России).

Начнется, если уже не началась глобальная информационная война за передел мира – против России будет выставлен принцип глобальной «экологической справедливости». [65]

Делягин в своей замечательной книге «Реванш России» одну из главных тенденций эпохи выразил следующим образом: «Государство постоянно испытывает сильнейший соблазн ослабить свое общество ради сохранения или даже расширения своего влияния. Успешная реализация этого соблазна, как мы можем видеть на достаточно широком круге примеров, ведет к бюрократическому загниванию, сдерживанию инициативы и, как следствие, к меньшей эффективности общества, что оборачивается поражением во внешней конкуренции». [19]

Одним из верных путей ослабления общества, да и самого государства, является политика деидеологизации, проводимая Системой РФ в течение последних 25 лет. Деидеологизация один из основных лозунгов российской внутренней и внешней политики. Что есть деидеологизация на современном этапе развития страны (в плотном окружении идеологических противников)?

Деидеологизация есть один из путей государственной деструкции. Другой путь заключается в использовании ложных идеологических ориентиров. Они подаются, как правило, в броском демагогическом виде. Идентифицировать такого рода идеологические концепты возможно по заложенным в них деструктурирующим последствиям для государственности... Воспитательные функции школы сводятся фактически «на нет» под видом решения задачи деидеологизации образования (ликвидация, без соответствующей замены, пионерских и комсомольских объединений). Геополитическое соперничество в современной мировой конкурентной борьбе начинается со школьной парты. Не будет увеличением

сказать, что именно в сфере образования определяется расклад сил будущего мироустройства. В этой связи включение сферы образования в систему национальной безопасности представляется в иерархии управленческих задач российской государственной политики одну из приоритетных стратегических установок. [64, 11]

Впрочем, ранее мы уже говорили о том, что реального общества в РФ давно уже нет, а есть просто население, небольшая прослойка из которого (вероятно, по государственному заданию) относительно успешно имитирует наличие общества.

Интересную картину рисуют экономисты [13, 1]: «Даже относительно кратковременная стагфляция в России в период 2008-2009 гг. привела к тому, что этот кризис оказался самым глубоким среди ведущих держав, входящих в группу 0-20. Только валютные потери составили более 900 млрд. долл. - около половины ВВП. Эти потери сложились в результате следующих событий: - выручка от экспорта в 2009-2010 гг. сократилась на 234 млрд. долл.; - международные золотовалютные резервы снизились на 211 млрд. долл., в том числе из Резервного фонда для пополнения доходов федерального бюджета в эти годы было заимствовано 150 млрд. долл.; - профицит федерального бюджета (62 млрд. долл. в год) сменился дефицитом; - отток капитала из России, начавшийся в кризис и продолжающийся шесть лет, за эти годы составил 420 млрд. долл.» [1]

Небольшое отвлечение на тему стратегии экономического развития. В Минрегионразвития в 2007 году была разработана концепция «Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона». Видимо, она готовилась очень быстро («сроки поджимали») и очень напоминает другой документ- ФЗ «Об охоте» 2009 года. Когда впервые познакомишься с этими проектами, уже на второй или третьей странице (в процессе чтения) появляется ощущение, что его «создавали» то ли недоучившиеся аспиранты, то ли такие специалисты, которые наяву не видели своих объектов, а знают их только по рассказам знакомых. То есть- скорее всего второй вариант: ни

Дальнего Востока и Байкальского региона, ни охоты и охотничьего хозяйства России – авторы на самом деле и не видели, и не знают (иначе не было бы столько «ляпов»). Перечислять и пояснять их – долгое и безнадежное дело – кому будет любопытно – пусть читают самостоятельно. Иногда на одной странице все следующие друг за другом абзацы (тезисы) противоречат друг другу и взаимно отрицают друг друга. Очень похоже, что эти документы готовились не в Москве, а где-то в Простоквашино (помните, как писали письмо дядя Федор, пес Шарик и кот Матроскин? Это практически полный аналог или прото модель создания этих серьезных федеральных документов). В качестве примера – основная идея Концепции стратегического развития звучит следующим образом: «Сделаем Байкальский регион и Дальний Восток России сырьевым придатком бурно развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона». Об этом и говорят авторы абзацем раньше: Российская Федерация в целом и Дальний Восток в частности рассматриваются исключительно как поставщики природных ресурсов».

Как говорит один из российских ученых: «Взгляд на развитие Сибири как региона будет различным, если смотреть из разных географических и геополитических точек: из Москвы, из Вашингтона, из Пекина или из Иркутска (Якутска, Улан-Удэ или Благовещенска)». [59].

Мы возвращаемся к главному вопросу, ради которого затеяли экскурс в новую и новейшую историю государства российского. Что нас ожидает в 2018-2038 гг. и по какому пути развития пойдет страна?

В настоящее время мы живем в динамичном и ускоренно глобализирующемся мире. «Мы должны обязательно встраиваться в мировой рынок, но исходя из интересов российского государства». [65]

Мировая финансовая система становится все более виртуальной и независимой от экономики реальной. Деньги давно стали товаром, замкнутым на самого себя, и основной сектор мировой экономики в настоящее время – это самопроизводство денег, никак не связанных с созданием материальных ценностей производства и потребления, реальных

товаров и услуг. Сектор самопроизводства денег (финансовые и кредитные институты, финансовые вторичные и третичные дериваты, продажи и покупки непроеизведенных товаров и т.п.) в финансовом (денежном) выражении не менее чем в 10 раз превосходит все остальные секторы реальной экономики. В результате - внутренний долг США – более 100 трлн. рублей (на наши российские деньги). И гасят они его двумя способами: печатают, сколько им целесообразно, свои зеленые доллары (мировую валюту); все ведущие страны мира поддерживают эту валюту, вкладывая свои «кровные».

« Выражения «глобализация», «западнизация», «американизация» фиксируют фактически различные аспекты одного и того же процесса эволюции человечества, начавшегося во второй половине XX века. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества в XXI веке. Похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого. ... В настоящее время реальная и символическая экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, которая достаточна для экономики реальной». [21]

Мы не имеем недостатка в геополитических прогнозах на предстоящий период, и в данном случае не беремся их комментировать и рассматривать детально [2]. В качестве примера можно привести один фрагмент, который касается прежнего небольшого отступления по поводу развития российского суперрегиона Сибирь - Дальний Восток. «Настоящие линии противостояния в XXI веке — это Китай-Запад, Китай-Россия, исламский мир-Запад, исламский мир-Россия. Следовательно, Россия и Запад, вероятно, окажутся по одну сторону баррикад. ... России следует относиться к Китаю как к стране, угрожающей её национальной безопасности и территориальной целостности. Российская Федерация с Китаем имеет общую протяженную границу около 2500 тыс. километров, которая с геополитической, военной и

экономической точек зрения является самой уязвимой. Огромная, практически безлюдная, богатая всеми видами сырья и энергоресурсов территория Сибири и Дальнего Востока, безусловно, является лакомым куском для бурно развивающегося соседа. Учитывая то, что «потребление нефти в КНР за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% мирового», а в 2004-м году рост темпов потребления «составил в Китае 31%», у России есть все шансы стать сырьевым придатком Поднебесной». [36]

Еще раз представим слово экономистам: «Коренная перестройка структуры народного хозяйства потребует огромных дополнительных капитальных вложений - не менее 2 трлн. руб. в год. При этом окупаемость этих вложений в связи с крупным новым строительством для развития передовых отраслей народного хозяйства будет несколько продолжительнее, чем при технологическом обновлении действующих фондов, где главный акцент делается на замене агрегатов машин и оборудования. По оценке, сроки окупаемости составят 8-10 лет. ... Высшим приоритетом должно стать максимально быстрое развитие сферы «экономика знаний» - всей системы НИОКР, образования, информационных технологий, биотехнологий и здравоохранения. Долю этой сферы в ВВП с 15% в настоящее время целесообразно довести до 25% к 2020 г., а к 2025 г. до 35% (в странах Западной Европы эта доля составляет 35%, а в США - 45%). Развитие этой сферы потребует дополнительных до 0,5 млрд. руб. инвестиций в год и значительных текущих затрат, покрываемых за счет государства, населения, предприятий и организаций. ... Главной из отраслей-локомотивов должна стать сфера «экономики знаний». [1]

Мы убеждены, что существует настоятельная историческая необходимость в обновлении стратегического геополитического курса страны. Ресурсов: природных, технических, интеллектуальных у России предостаточно. Надо развивать свои проекты и технологии будущего, а не бежать во след Америке и Европе – чтобы это было возможно – необходимо

включить механизмы стимуляции развития внутреннего интеллектуально-технического потенциала страны. Перейти от локальных и имитационных проектов развития к подлинно кардинальным проектам социально-экономической и экологической модернизации хозяйства страны.

Если в ближайшие годы не произойдет такого стратегического обновления внутреннего и внешнего курса страны, то мы сможем еще удержаться на прежнем уровне, паразитируя на природных ресурсах лет 10-15. Далее (а, может, и ранее) Российскую Федерацию ждут большие неприятности [12]

Модель развития России в настоящее время формируется не на основе долгосрочных стратегических интересов государства и общества, не в результате осуществления последовательной и комплексной государственной политики, а во многом стихийно, как реакция на сиюминутные проблемы экономической и политической ситуации, под влиянием частных интересов. [11]

На наш взгляд, у Системы РФ (мы заимствовали это понятие у Г. Павловского) в настоящее время существует три основных сценария развития. Один из них является доминирующим. Мы называем его инерционно-ситуативным или импульсным. Такой, скажем, МЧС-овский вариант: где «клянет» - туда и направляются ресурсы и внимание. [11]

Второй вариант – запасной, но интенсивно разрабатываемый - это сценарий мобилизационно-патриотический. Он развивается параллельно, до поры до времени – не включается на полную мощность. Это наш главный щит – от внешних и внутренних врагов. Он позволяет неопределенно долго сохранять власть и управление, жизнеспособность системы. Но если полностью переходим на этот сценарий - это уже не развитие и не стабильность, это – форсированная подготовка к военным конфликтам, или точнее, к полномасштабной тотальной войне. Задайте себе банальный вопрос – нужна ли Системе РФ такая война, и каковы могут быть её последствия? И постарайтесь ответить на этот вопрос искренне и откровенно...

Давно имеется третий сценарий развития Системы РФ, который является нашим отечественным проектом и разрабатывается уже не менее тридцати лет – это сценарий социально-экологической модернизации. Дающий реальный шанс Российской Федерации выйти в лидеры неизбежной мировой социально-экологической модернизации и стать одним из ведущих гарантов стабильности и развития планетарной цивилизации в XXI веке. [11]

«Глобальная экология – сфера приложения сил, которая способна объединить все народы». [29]

Делать прогнозы о возможном будущем России – занятие рисковое, похожее на игру в «русскую рулетку».

Можно просто любить, верить и надеяться, что народ России совершит новый подвиг, как не однажды происходило в истории многострадального российского народа. Но нужны ли нам новые великие потрясения? Вопрос столетней давности по-прежнему актуален. Россия снова на изломе истории. Если мы умозрительно вернемся назад, к 1904 году, году начала великих потрясений, и мысленно окинем взором последние 113 лет истории нашей страны – неужели мы не сможем извлечь урока, который послужил бы нам верой и правдой?

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2014. №4 (145). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-rossii-analiz-i-prognoz> (дата обращения: 11.12.2017).
2. Акихиро И. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница: пер с яп. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2006. – 336 с.
3. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 224 с.
4. Алферов Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. – М.: Алгоритм, 2012. – 224 с.
5. Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. М.: Грэгори Пэйдж, 1994. 479 с.
6. Бердяев Н. Судьба России. Ответы по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. – 240
7. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски 1934-1867. – М.: Наука, 1990. – 368 с.

8. Боффа Д. История Советского Союза. Том 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917-1941 гг. - М.: Международные отношения, 1994. — 627 с.
9. Боффа Д. История Советского Союза. Том 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941 – 1964 гг. - М.: Международные отношения, 1994. — 628 с.
10. Верт Н. История советского государства 1900-1991: Пер. с фр. 2-е изд. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 544 с.
11. Винобер А.В. Система РФ: тающая надежда на модернизацию / А.В. Винобер // VII международная заочная научно-практическая конференция «Биосферное хозяйство и устойчивое развитие сельских территорий»: сб. материалов (Иркутск 28-31 марта 2017). – Иркутск: Оттиск, 2017. – С. 11-16
12. Винобер А.В. История Византийской империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. – 1. – С. 99-113
13. Винокуров М.А. Роль государства в корректировке модели экономического роста России – СПб: Питер, 2014. – 192 с.
14. Война и армия: философско-социологический очерк / под редакцией Д. А. Волкогонова. – М.: Воениздат, 1977. – 415 с.
15. Волкогонов Д. Семь вождей. – В 2-х книгах. – Кн. 2. – М.: Изд-во «Новости», 1996. – 480 с.
16. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994. – 336 с.
17. Гланц Д. Битва за Ленинград 1941-1945: пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 639 с.
18. Горбач В. Авиация в Курской битве. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 512 с.
19. Делягин М. Г. Реванш России. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 448 с.
20. Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1961. – 504 с.
21. Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 128 с.
22. Иванов Н.Т., Портнягин П.В. Гражданская война в Восточной Сибири – Иркутск: ИГПУ, 1999. – 113 с.
23. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы, Л.Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с.
24. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. – 2-е изд., уточн. – М.: Политиздат, 1990. – 431 с.
25. Кац А.С. Евреи. Христианство. Россия: От пророков до генсеков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ; Красноярск: АБу, 2007. – 525 с.
26. Коллективизация сибирской деревни. Январь-Май 1930: Сборник документов. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – 488 с.
27. Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М.: Логос, 2003. – 384 с.

28. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. Пер. с фр. – М.: Три века истории, 2001. 766 с.
29. Кутырев В.А. Становление ноосферы: надежды и угрозы // Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – С. 316-325
30. Мартин Р. Будущность России и Японии. Пер. с нем. – М., 1907.
31. Мельников В.М. Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 736 с.
32. Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям.- М.: ИздАТ, 1993. – 192 с.
33. Моисеев Н.Н. Агония России. Есть ли у неё будущее? Попытка системного анализа и проблемы выбора. – М.: Экопресс – «ЗМ», 1996. – 78 с.
34. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
35. Мощанский И.Б. Сражение под Харьковом. Кровавая катастрофа 12-28 мая 1942 года. – М.: Вече, 2009. – 144 с.
36. Мясоедов Д. Н. Прогноз развития конфликта цивилизаций и стратегия геополитики России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. №2 (42). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-razvitiya-konflikta-tsivilizatsiy-i-strategiya-geopolitiki-rossii> (дата обращения: 11.12.2017).
37. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
38. Павловский Г. Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. – М.: Изд-во «Европа», 2016. – 200 с.
39. Палеолог М. Царская Россия накануне революции: пер. с фр. Репринт воспроиз. изд. 1923 г. – М.: Политиздат, 1991. – 494 с.
40. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 440 с.
41. Первая мировая война / сост., авт. предисл. С. Н. Семанов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 608 с.
42. Первая мировая война: пролог XX века. – М.: Наука, 1999. – 698 с.
43. Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / науч. ред. А.П. Ненароков. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.
44. Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917 гг). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2000. – 432 с.
45. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте Наследие царя Бориса. – М.: Эксмо Алгоритм, 2011. – 512 с.
46. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 374 с.
47. Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 384 с.

48. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. – М.: Наука, 1990. 128 с.
 49. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895-1907 гг. Изд. 2-е, доп. – М.-Л.: АН Институт истории. 1955. - 695 с.
 50. Россия под скипетром Романовых 1613-1913. – М.: СП «Интербук», 1990. – 239 с.
 51. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры. 1997. - 800 с.
 52. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939-1941. – М.: Высшая школа, 1992. – 302 с.
 53. Сергиенко А.М. Огненные ночи Курской битвы. Авиация Дальнего Действия в бою. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 704 с.
 54. Симонов Б. Разгром Деникинщины. Почему мы победили в октябре 1919 г. – М.-Л.: Гос. изд-во отд. военн. лит-ры, 1928
 55. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. - М.: НВ ИНКОМ, 1991
 56. Социальная и социально-политическая ситуация в СССР: состояние и прогноз. М.: Изд-во МГУ, 1990. 56 с.
 57. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. В.С. Лельчука. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.
 58. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
 59. Тулохонов А.К. Байкальский регион: проблемы устойчивого развития. Новосибирск: Наука, 1996. – 207 с.
 60. Уэллс Г. Россия во мгле, М., 1958. – 104 с.
 61. Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. – М.: Время, 2003. – 672 с.
 62. Шефов Н. А. Хроника российской истории. IX - XIX вв. – М.: Вече, 2006. – 336 с.
 63. Шрехтер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента 1942-1943 / Пер. с нем. А.С. Нечаева – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. – 315 с.
 64. Якунин В., Багдасарян В., Сулакшин С. Западня. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Эксмо, 2010. – 432 с.
 65. Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 224 с.
-

УДК 94

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА). ОЧЕРК ПЕРВЫЙ³

В очередном очерке историко-футурологического анализа (см. предыдущие: «История Византийской Империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза)» и «Новая и новейшая история России: 1861-2038 гг. (опыт историко-футурологического анализа и прогноза)» автор поставил, как сам отмечает, сверхзадачу. Но важно - начало. Как дерзкий взгляд на ускользающую вечность. Древняя Греция и Древний Рим. Вот они – главные истоки истории Европы и её современности. Автор оценивает переходный период Западной Римской империи к созданию варварских королевств Европы, как сложный синкретический процесс пространственно временного взаимодействия «старых» и «новых» этносов на фоне интенсивного формирования новой мировой религии – христианства, не исключая сильного влияния, кардинально изменяющихся общественно-производственных отношений.

Ключевые слова: история Европы, Древняя Греция, Древний Рим, античный мир.

EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING). THE FIRST ESSAY

In the another essay of historical and futurological analysis (see previous: "History of the Byzantine Empire: lessons for Russia (experience of historical and futurological analysis and forecast)" and "New and recent history of Russia: 1861-2038 (experience of historical and futurological analysis and forecast)" the author set, as he notes, a supertask. But important to start. As a cheeky take on the elusive eternity. Ancient Greece and Ancient Rome. These are the main sources of the history of Europe and its modernity. The author assesses the transition period of the Western Roman Empire to the creation of the barbarian kingdoms of Europe as a complex syncretic process of space – time interaction of "old" and "new" ethnic groups against the background of intensive formation of a new world religion-Christianity, not excluding strong influence, radically changing social and industrial relations.

Key words: history of Europe, Ancient Greece, Ancient Rome, ancient world.

Прежде всего обнаружилось, что древние, иррациональные и воинственные, расовые инстинкты сильнее всех новейших социальных интересов и гуманитарных чувств.

Н. Бердяев.

У человека не больше шансов вырваться из Настоящего, чем у рыбы, выпрыгнувшей из воды, взмыть в небо.

А. Тойнби

Как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода.

М.Блок

³ Опубликовано: Винобер А.В. [История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее \(Опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк первый](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4).- С. 137-150.

В третьем нашем очерке-эссе [2, 3], мы неожиданно вышли на уровень сверхзадачи: «История Европы: прошлое, настоящее, будущее». С точки зрения серьезных университетских историков – что может быть более фантастическим и авантюрным, как «втиснуть» историю Европы – этого центра земной цивилизации и средоточия философской мысли и технического прогресса (за период 2500 лет и более) – в несколько журнальных страниц? Пожалуй, с этим не справились бы даже великий Юлий Цезарь (как идеал древнеримской лаконичности) и наш современник, оригинальный альтернативный математик-историк Фоменко. Да и мы (в данном случае – обозначенный сверху страницы автор) сильно не обольщаемся в успешном решении задачи. Важно, само по себе, начало. [1] Как дерзкий взгляд на ускользающую вечность.

Первый шаг в поисках горизонта обозримого исторического пространства на маленькой карте нашего воображения. В итоге, весьма вероятно, будет наш субъективный эскиз, где громадное число исторических событий и персон, судеб, трагедий, процессов и явлений, сфокусируется в виде скромного текста, претендующего отразить облик прошлого и настоящего, и заглянуть в будущее целого континента.

Как утверждал более чем 200 лет тому назад великий европейский мыслитель и поэт Иоганн Вольфганг Гете: «Каждому человеку присуще рассматривать себя как центр мира, потому что ведь все радиусы исходят из его сознания и туда снова возвращаются. Можно ли поэтому вменить в вину выдающимся умам известное завоевательное стремление, какую-то жажду присвоения» [7]. Разумеется, Гёте имел в виду, прежде всего собственное интеллектуальное завоевательное стремление. Но и менее выдающиеся умы тоже не избавлены страсти интеллектуального завоевательства – что встречается сплошь и рядом в любом пространстве бытия. Выдающийся русский философ Петр Чаадаев, в определенной степени развивая мысль Гёте, пояснил «жажду интеллектуального присвоения – завоевательского стремления» несколько иначе: «В Германии плавают в океане отвлечений;

немец там больше на просторе, больше дома, нежели на Земле. Невоздержанность мысли доведена в Германии до последней крайности, и это не странно: мысль отдельная, без применения, без телесности – что помешает её полету?» [20].

Где же будет «точка отсчета» нашей (кратчайшей) истории Европы? Чтобы не терзаться в бесконечных поисках оснований и истоков, подойдем к этому вопросу формально: «точка отсчета» будет достаточно условной и понятной для любого непосвященного – мы её обозначим как 2500 лет тому назад (не считая тех немногих лет, что мы прожили в начале XXI века или ранее 500 лет до нашей эры (до Р.Х.).

За «бортом» этой точки отсчета (уже без кавычек) сразу останутся многие важные исторические события, как, например, первые Олимпийские игры в Древней Элладe (776 год до н.э.), как год основания вечного города Рима (753 г. до н.э.), падение легендарной Трои (ок. 1270 г. до н.э.). Великий Гомер и первые философы. Не говоря уже о Крито-Минойской цивилизации (ок. 3000-1400 лет до н.э.), и тем более – о неолитических очагах Средиземноморской культуры, относящихся к V – VI тысячелетию до н.э. Потери значительные, но в наших условиях – вполне терпимые. Будем считать события, происходившие на территории Европы ранее 500 года до н.э. – предысторией и фундаментом дальнейшего исторического развития.

Конечно, для проведения историко-цивилизационных параллелей целесообразно было бы включить Крито-Минойское время в нашу историю Европы, и тогда мы бы имели в современниках Древний Египет, Шумеры, Мохенджо-Даро с Хараппой, а заодно и Древний Китай, невероятно усложнив себе задачу хронологических параллелей и синхронного развития культурных очагов Древнего Мира. Оставим этот вариант для последующих мысленных экспериментов (если не иссякнет жажда завоевания мыслительных пространств).

Итак: Древняя Греция и Древний Рим. Вот они – главные истоки истории Европы и её современности.

Кельты, скифы, германцы и славяне – они тоже есть, но бесписьменны. Их обозначают «варварами» (кто ближе, кто дальше, кто раньше, кто позднее – технические, точнее, хронологические детали в поиске степеней древности происхождения современных народов Европы)

С чего начнем? События, персоны? Осевое время?

Начнем с А. Тойнби: «На протяжении последних пяти тысяч лет война была одним из главных институтов человечества» [9, 16]. Трудно не согласиться. Особенно глядя на хронологическую таблицу цивилизации Древнего мира, античного времени, средних веков, нового и новейшего времени – большую часть этой виртуальной (но имеющей вполне реальные прототипы) таблицы составляет перечень дат военных событий, имен полководцев, описания битв, сражений и ратных подвигов.

Перед самой нашей (условно избранной) точкой отсчета, происходят два удивительно знаковых события, как для античного мира, так и для современной Европы. В 509 году до н.э. в вечном городе Риме происходит изгнание последнего царя Тарквиния Гордого и устанавливается новый политический строй – Республика. Впервые (по крайней мере – в римской истории) появляется Сенат из 300 старейшин.

В 508 году до н.э. – нечто подобное происходит в Афинах – архонт Клисфен производит реформы, предоставившие равные права всем свободным афинянам, и впервые избирается Совет из 500 наиболее влиятельных и активных афинских аристократов.

Если внимательно присмотреться к этим внешне похожим событиям, то можно разглядеть в них истоки современной европейской (и не только) системы республиканского устройства, избирательно права и парламентаризма. Именно то, чем гордится в настоящее время Европейский Союз и республиканские США, да и многие другие современные государства.

Любопытно то, что римляне чуть-чуть опередили афинян, и здесь можно усмотреть либо косвенное заимствование, либо, по крайней мере,

республиканско-демократический импульс, который мог быть перехвачен афинскими купцами или представителями древних спецслужб города Афины и успешно доставлен в Элладу для последующей материализации архонтом Клисфеном. Но, возможно, все было иначе – Клисфен, задумав реформы, долго обсуждал их с влиятельными согражданами Афин, в результате затянувшегося процесса обсуждения, идея управленческих реформ незаметно просочилась в Рим, и к тому же, знатных римских патрициев (вероятно, названных таковыми позднее) не устраивал царствующий Тарквиний – образовался заговор – римляне действовали быстро и решительно. Результат – приоритет создания республиканской формы правления и рождение Римского Сената. Сведения о римских событиях, достигшие вскоре (с помощью скоростных купеческих кораблей) вечного города Афины, послужили основанием началу реформ Клисфена и формированию прототипа афинской республиканской формы правления...

Вспоминая это романтическое время, современным парламентариям не следует забывать две простые вещи: республика того времени имела в своем фундаменте институт рабства, как основу производства всех благ и ценностей. Избирательное право было не всеобщим, и только для определенного круга лиц, небольшого и реально обозримого. Избиратели и избираемые хорошо знали друг друга и могли осуществлять вполне сознательный выбор.

Прошло немного лет и Древняя Эллада подверглась персидскому нашествию. Греко-персидские войны продолжались (с перерывами) целых полстолетия (500-443 гг. до н.э.). Эту военную эпоху подробно описал первый военный историк Древней Греции Фукидид (ок. 460 - ок. 400 гг. до н.э.) [18]. Но первым историком и географом исследователи Древней Греции считают все таки Геродота из Галикарнаса (490-430 гг. до н.э.) [6]. Он действительно был первым по отношению к Фукидиду и гораздо менее милитаризованным и академичным, а более образным и популярным. Разумеется, у Геродота тоже были свои предшественники, но это уже очень

специальные вопросы и любознательных мы отсылаем к книге «Историописание в Древней Греции» [15].

В наше задачу не входит подробное и последовательное изложение хронологии событий, поэтому мы иногда будем делать «качественные и количественные скачки» в историческом времени на десятки, а порой и на сотни лет, оставляя пробелы в историческом времени или иначе «белые пятна в истории», в надежде на последующее обращение наших просвещенных читателей к хронологическим таблицам и фундаментальным трудам историков из разных эпох.

Познание исторического прошлого – процесс не одномоментный и всегда требует проникновения в большие объемы соответствующей информации, собственных критических размышлений и постоянного сравнительного анализа, основанного на целеустремленном внимании к научно-исторической достоверности.

Едва насладившись мирным временем, Эллада снова погрузилась с период затяжной Пелопонесской войны между Спартой и Афинами (431 - 404 гг. до н.э.). А во второй половине IV века наступило время гегемонии Македонии. Вначале Филипп, а затем его гениальный сын Александр Македонский (356 - 323 гг. до н.э.) творили греческую и всемирную историю. Об Александре Неудержимом написаны целые библиотеки [4, 12 и мн. др.]. Пожалуй, никто в истории не оставил после себя такой яркой легенды, не считая того, как далеко он продвинул границы эллинистического мира. Если бы он повернул на Запад, вместо того, чтобы идти на Восток – мы имели бы греческую империю место римской. Рим тогда еще не окреп и не смог бы противостоять фаланге и коннице Александра и его гению стратега.

На полсотню лет ранее [13] Рим едва не погиб от рук воинственных галлов. Счастье Рима оказалось в чутком сне гусей, вовремя разбудивших охрану...

Войны диадохов (наследников-полководцев Александра) [4, 12] создали целый мир новых государств, названный в последствии

эллинистическим. Этот мир просуществовал почти три столетия, а культурное наследие длилось почти до завоеваний вандалов и арабов.

Греческая культура оказалась удивительно живучей и заразной. Рим, латиняне, начали пропитываться греческим еще в четвертом веке, когда завоевали греческие колонии на Апеннинском полуострове. Когда в середине II столетия до н.э. римляне завоевали Грецию – всё греческое стало заполнять лакуны римского, меняя не только быт, но и мировоззрение римлян. Греческие рабы были в Риме самыми дорогими, потому что были учеными, культурными, обученными ремеслу, воспитанными и дисциплинированными – молча ненавидели своих хозяев-римлян и считали их варварами (как впрочем и персов, скифов и многих других).

Но здесь мы забежали немного вперед и не рассказали о войнах Рима с Карфагеном. Именно в них окреп воинский дух и военная организация Древнего Рима. Карфаген был главный соперник Рима в борьбе за овладение Средиземным морем и его населенными побережьями.

Особенно туго пришлось Риму во второй Пунической войне (218 – 201 гг. до н.э.) Когда еще один гениальный полководец (как и Александр Македонский), командовавший вооруженными силами Карфагена переправился во владения Рима и нанес жестокое поражение Риму в битве при Каннах, где погибло более 50 тыс. римских воинов.

Немного не хватило дерзости и воинского везения Ганнибалу – он не поверил в успешную осаду Рима. И вскоре звезда Карфагена покатилась к закату. В третьей Пунической войне Карфаген был осажден, взят римлянами и до основания разрушен. В том же году (146 год до н.э.) римляне нанесли очередное поражение грекам и до основания разрушили Коринф. И в том, и в другом случае идея был проста – запугать и лишить воли к возрождению финикийян (Карфаген) и греков (Коринф).

После этих двух побед Рим был переполнен огромным количеством рабов (в те времена в значительной степени воевали за всевозможные трофеи – золото, материальные ценности, товары широкого потребления и главное –

за живую рабочую силу). Войны давали рабов, рабы производили материальные ценности. Рабы не имели человеческих прав или точнее, попадая в плен к завоевателям, они теряли все человеческие права, и превращались в безмолвных слуг и работников, а чаще всего – считались говорящим скотом и приравнивались к домашним животным. Таково было положение рабов в Риме в середине II века до н.э.

И конечно же, находились среди рабов отважные люди, которые не желали смириться с рабской участью, бежали или убивали своих хозяев, а иногда и поднимали настоящие восстания, вплоть до создания своих государств. Таковыми оказались восстания рабов на Сицилии (136-99 гг. до н.э.). Но самое сильное и известное в истории восстание рабов в Римской республике произошло в 73-71 гг. до н.э. под предводительством гладиатора Спартака [19]. Рим был ослаблен после жестокой гражданской войны со своими союзниками - италиками (90-88 гг. до н.э.), боровшимися за уравнение своих гражданских прав с римлянами, а также многолетними войнами с Митридатом VI (89-64 гг. до н.э.) [14], и в начале восстания недооценил воинскую дисциплину небольшой группы беглых рабов-гладиаторов, которых возглавил самый выдающийся раб-гладиатор и стратег своего времени Спартак, в результате продуманных действий превративший толпу беглых рабов в настоящую армию. Спартак – одна из самых ярких исторических личностей античного мира. Он мог бы взять Рим и отдать его на разграбление восставшим рабам, но он хотел дать рабам свободу, вывести их к своим родным краям, где они были раньше свободными людьми. Но не смог в этом убедить восставшие толпы разношерстных и разноязычных рабов. Остался с ними, смирившись с волей стихийной толпы (временами бывших дисциплинированными воинами). И в итоге – героическая гибель и поражение от превосходящих по численности и организованности римских легионов. О гладиаторах и Спартаке – не мало замечательных книг, но самая ясная и доступная [19].

Видимо, это было время выдающихся личностей, творивших историю.

Юлий Цезарь, полководец и первый диктатор Рима (49-44 гг. до н.э.) оставил свой яркий след в истории Рима. Трагическая гибель Юлия Цезаря вызвала на суд истории еще одну не менее яркую личность (оценки историков на этот счет диаметрально расходятся). Это был его близкий родственник, пришедший в большую политику того времени в возрасте Александра Македонского, но с меньшими легитимными основаниями, потребовавшими от него немало изощренных приемов в борьбе за власть с более сильными противниками (один Марк Антоний чего только стоит!). Но Октавиан Юлий Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) оказался искусным политиком и организатором и сумел трансформировать ослабленную, раздираемую гражданскими войнами Римскую Республику в более жесткую и централизованную государственную структуру – в Римскую империю. Именно при Августе были сформированы все основные институты империи, просуществовавшие на Западе около 500 лет, а на Востоке – до 1453 года, т.е. до падения Константинополя [8].

Взлет Римской империи при Августе оказался, по странной воле исторической судьбы, началом её затяжного кризиса. Во главе империи стоял принцип абсолютной власти императора, но не было механизма или фильтра эффективного отбора достойных этой абсолютной власти (как впрочем, и во все времена – абсолютная власть оказывается в руках отдельных персона часто случайным образом и по прихоти затейливой Фортуны). Появились Калигулы, Нероны... Дух свободного республиканского римского общества IV-II веков до н.э. начал интенсивно деградировать. Говоря терминами Л.Гумилева – римский этнос начал стремительно терять свою пассионарность. Границы империи продолжали расширяться – воинов требовалось все больше – они уходили все дальше, и, как правило, не возвращались – ветераны оседали на далеких от Рима завоеванных землях. Сам Рим – столица громадной империи – становился мегаполисом, городом-космополитом, переполненным многочисленными рабами и безработной римской беднотой, требовавшей хлеба и зрелищ. Необычайное развитие

получили гладиаторские бои, проходившие много дней в году и в разных городах империи – где только не остались развалины римских амфитеатров - Римский Колизей – это всего лишь центральная арена гладиаторских боев. Амфитеатры поменьше существовали во многих городах Европы, Африки, Малой Азии.

Интенсивное разложение древних римских религиозных культов уже было заметно в конце II века до н.э. [5]

В I в. до н.э. и в I и II в. нашей эры этот процесс ускорился. Рим был переполнен почитателями самых диковинных религиозных культов.

Процесс религиозной эволюции в Римской империи замечательно ясно описан в лекционном курсе русского историка первой половины XIX в. С.В. Ешевского. Курс называется «Очерки язычества и христианства» [10]. Талантливый и рано ушедший из жизни историк прекрасно излагает тот страшный перелом в умственном и нравственном мирозерцании человечества, который совершался на рубеже двух миров – древнего и нового. Европейские историки Т. Моммзен и Э.Гиббон – более однозначны в оценке переломной эпохи. Им вторит А. Тойнби – английский историк и гуманист, часто нами цитируемый: «В конце концов эллинистический мир был обращен в религию еврейского происхождения». [16]

Российский историк Ф.И. Успенский (тоже часто нами цитируемый) подчеркивает сложность и длительность процесса религиозной трансформации античного мира: «Приверженцы старой веры далеко не без борьбы уступили место христианскому культу, и в то время, как христианство было уже господствующим вероисповеданием, язычество до VI в. держалось еще в некоторых провинциях. Итак, на вопрос, отчего пал древний мир, нельзя удостовериться ответом: от распространения христианства». [17]

Русский философ истории Л.П. Карсавин ищет причины крушения Римской империи в резком ослаблении психики Римского общества (практически, почти по Л.Гумилеву – резкое падение пассионарности):

«Состояние психики римского общества характеризуется понижением напряженности и энергии жизни, что выражается в утрате эмоционально-волевого значения и познавательной доступности идей государства, общества, материальной и духовной культуры. Но эта атония только одна сторона процесса. Другая, по существу с ней тождественная, заключается в уходе личности в себя, в индивидуализации и самозамыкании её, и не в самоуглублении «коллективной личности», а в индивидуализации личностей, разлагающих этим коллективное единство». [11]

Ему вторит Ф.И. Успенский: «Недостаток духовной производительности есть существенная черта, характеризующая эпоху падения древнего мира – от Августа до конца III века. В государственном праве и администрации, в литературных произведениях, в хозяйственной деятельности – везде обнаруживается неподвижность, подражание унаследованным образцам и отсутствие живой, прогрессирующей и руководящей идеи». [17]

Но далее, Успенский опровергает предыдущее свое утверждение, говоря о том, что «Нынешние итальянцы, французы, испанцы и румыны не суть, конечно, потомки старых римлян, но они и не германские готы и лангобарды, не франки и не свевы и вестготы, это олатыненные, т.е. романизованные, германцы... разлагающийся якобы Рим императорской эпохи заключал в себе громадный запас жизненных сил, это видим из того, что новые народы не выказали сопротивления культурному римскому влиянию, и все были увлечены потоком романизации». [17]

Мы бы оценили переходный период Западной Римской империи к созданию варварских королевств Европы, как сложный синкретический процесс пространственно временного взаимодействия «старых» и «новых» этносов на фоне интенсивного формирования новой мировой религии – христианства, не исключая сильного влияния кардинально изменяющихся общественно-производственных отношений.

И здесь мы переходим к давно ожидаемому выводу, что рассматриваемый античный период европейской истории потребует, как минимум еще одного очерка, где необходимо рассмотреть (хотя бы в общих чертах) культуру Древней Греции и Древнего Рима, включая религии и распространенные культы, знаменитое и уникальное римское право, представляющее собой истоки и фундамент большинства правовых систем современности, искусство и науку, хозяйство и производственные отношения, торговлю, дороги и морские коммуникации. И мы еще ни слова не сказали о греческой и римской философии...

Наследие античного мира (Рим и Греция) продолжает жить в духе и букве закона современной Европы, питает её культуру, искусство, философию, науку и религию, архитектуру, спорт и туризм, дипломатию и повседневную жизнь большинства граждан современных европейской стран, как, впрочем, стран Северной и Южной Америки, Азии, Австралии, Африки и Океании. Но об этом мы будем говорить уже в следующем очерке – втором очерке античного мира Европы. И, похоже, что краткий наш обзор истории Европы, включая настоящее и контуры будущего, начинает превращаться в серию кратких очерков, связанных последовательной хронологией и единым замыслом автора, который, по-видимому, прояснится окончательно только в очерке завершающем. Там, где будут проявлены и осмыслены контуры грядущей Европы – 20-х и 30-х годов XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2- изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 266 с.
2. Винобер А.В. История Византийской империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза) // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. – 1. – С. 99-113
3. Винобер А.В. Новая и новейшая история России: 1861-2038 гг. (опыт историко-футурологического анализа и прогноза) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. - 2. - С. 111-140
4. Виппер Р.Ю. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Ростов-на-Дону. Феникс, 1995. - 483 с.

5. Виппер Р.Ю. Избранные сочинения в двух томах. Том 2. Очерки по истории Римской империи (окончание). Рим и раннее христианство. Ростов-на-Дону. Феникс, 1995. - 483 с.
 6. Геродот. История. М.: Эксмо, 2008. - 704 с.
 7. Гете И.В. Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
 8. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1994. – 526 с.
 9. Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн. Кн. 1 3500 г. до Р.Х. – 1400 г. от Р.Х. – М.: Полигон, 1997.
 10. Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 1. Издание К.Солдатенкова. - М.: 1870. – 577 с.
 11. Карсавин Л.П. Культура средних веков. – Киев: Символ & AirLand, 1995. – 208 с.
 12. Левек П. Эллинистический мир. Пер. с франц. – М.: Наука, 1989.–252 с.
 13. Моммзен Т. История Рима. Т. 1.-5. - Санкт-Петербург : Наука : Ювента, 1994. - 732 с.
 14. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. – М.: Наука, 1996. – 348 с.
 15. Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 504 с.
 16. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
 17. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
 18. Фукидид. История. В 2 Т. - София: Пролог, 1994.
 19. Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима. Пер. с нем. – М.: Мысль, 1992. – 270 с.
 20. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. – М.: Правда, 1991. – 560 с.
-

УДК 94

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА). ОЧЕРК ВТОРОЙ⁴

В статье автор обращается к истории идей и учений, рожденных в недрах античного мира (его последних закатных веков), живущих в культуре европейской цивилизации в настоящее время и в значительной степени влияющих на будущее. Выбор имен – субъективен и ситуативен, и, как отмечает автор, сложился спонтанно, в процессе робкой попытки проникновения в давно ушедшую эпоху. Приводится краткий обзор кризиса Римской империи, противостояния язычества и христианства. Уделено внимание некоторым философам поздней античности и «последним римлянам», а также удивительным произведениям авторов античного мира, по преимуществу V и начала VI веков.

Ключевые слова: история Европы, античный мир, кризис Римской империи, массовое историческое сознание, язычество, христианство.

EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING). THE SECOND ESSAY

In the article the author refers to the history of ideas and teachings born in the depths of the ancient world (its last sunset centuries), living in the culture of European civilization at the present time and largely affecting the future. The choice of names is subjective and situational, and, as the author notes, has developed spontaneously, in the process of a timid attempt to penetrate into a long-gone era. A brief overview of the crisis of the Roman Empire, the confrontation between paganism and Christianity. Attention is paid to some philosophers of late antiquity and «the last Romans», as well as the amazing works of the authors of the ancient world, mainly V and early VI centuries.

Key words: history of Europe, ancient world, crisis of the Roman Empire, mass historical consciousness, paganism, Christianity.

Идеи – это редкие родники в пустыне человеческой мысли. Однажды открытые, они вечно драгоценны, хотя из-за глупости и невежества их порою заносит песками.

Бертран Жувенель

Сокращая прежние амбиции [6] и попытки «объять необъятное», заявленные в первом очерке, посвященном истории Европы, мы обращаемся к истории идей и учений, рожденных в недрах античного мира (его последних закатных веков), живущих в культуре европейской цивилизации в настоящее время и в значительной степени влияющих на будущее. [29, 30, 31]

⁴ Опубликовано: Винобер А.В. [История Европы: прошлое. настоящее. будущее \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк второй](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018.- № 3(5). – С.115-136.

Со времени появления первых исторических сочинений Геродота, в истории и хронологии событий недалекого и отдаленного прошлого, ориентировались или имели более или менее адекватное представление не более 1% от населения полисов и государств. В настоящее время, постиндустриальная эпоха информационных технологий представляет неизмеримо великолепные возможности для исторического познания и исторического просвещения населения (общества). Но и в наше время число людей, обладающих исторической грамотностью, по-прежнему (таков многолетний субъективный опыт наблюдений автора данного очерка) не превышает 1% от населения стран и университетов. Как правило, ни школа, ни высшее учебное заведение, в подавляющем большинстве случаев, не дают системных представлений об историческом процессе, подкрепленных выдержанными комментариями хронологии исторических событий. И потому, в обществе всегда процветает «поп-история» или «якобы» и «псевдо-история». Характерный пример: буквально случайно, недели две назад, открыл для себя еще одного выдающегося историка-тюрколога из плеяды «популярных историков» современности, в Иркутской областной библиотеке им. Молчанова в отделе иностранной литературы, натолкнулся на замечательное полиграфическое издание: Мурат Аджи «Средневековая история тюрков и Великой Степи», 2007 года [3]. Книга для школьников и их родителей – так звучит в подзаглавии. Текст популярный, легко читаемый, и даже, можно сказать, талантливый. Позволю себе маленький фрагмент из книги: «... Беда подкралась незаметно. Все началось в последние дни 406 года, 25 декабря в самый большой тюркский праздник – день Тенгри. Римляне не придумали лучшего подарка, как казни жен и детей кипчаков, служивших в армии Империи... Кипчаки восстали... в Западной Империи вспыхнула гражданская война. Возглавил её хан Аларих... Все в вечном городе менялось под влиянием тюрков...». Буквально почти на каждой странице встречаются подобные «перлы». Вестготы и остготы у автора – это просто белокурые тюрки. И всеми техническими и культурными

достижениями кельты, римляне, византийцы и греки – обязаны тюркам... Всё бы ничего, но многие читатели принимают эту «историческую» версию пантюркизма за чистую монету.

Еще один, можно сказать, «классический пример» - образец популярной истории. С удовольствием (иногда) смотрю художественные фильмы на исторические темы. Ведь большинство исторических фактов и исторических образов мы потребляем из художественной литературы и кино (имею в виду подавляющую часть общества, но не профессиональных историков). Один из моих любимых фильмов «Король Артур» (производства США-Ирландия, 2004 года, режиссера Антуана Фукуа).

Понятно, что «король Артур» – это средневековый эпос, сотворенный не одним поколением разных европейских стран. Отдельные историки, правда, считают, что был реальный прототип (возможно, Арториус).

Но легенда фильма претендует на историчность. 452 год – юные сарматы покидают родные земли – их забирают служить в римскую кавалерию в Британию, знакомятся с будущим командиром Арторием Кастом или Артуром, которого воспитывал ересиарх Пелагий, проповедовавший свободу воли и право людей на самоопределение. В 451 году Пелагий отлучен от церкви и убит. Очень даже правдоподобно, и некоторая связь с историческим реальным контекстом. Но – римские легионы ушли из Британии в 407 году, а Пелагий умер где-то в Палестине по причине старости в 415-416 гг. (точнее, просто причина и дата смерти его неизвестны). Но самое забавное – в 5 веке не существовало призывных комиссий, которые разъезжали по Европе и Азии и забирали юношей в Римскую армию – в целом по названному фильму можно собрать целый том исторических несоответствий. И это – обычная картина для подавляющего большинства художественных фильмов, которые позиционируют себя в кинопрокате как «исторические» или «основанные на реальных событиях».

Поэтому возникает вопрос: действительно ли существует «массовое историческое сознание»? Как оно выглядит? Какие имеет параметры и как функционирует?

На наш субъективный взгляд, «массовое историческое сознание» - это, скорее всего, идеологический штамп, получивший распространение в революционную эпоху прошлого столетия. Скорее, имеет место «массовое мифологическое сознание» или «массовое идеологическое сознание». Безусловно, могут существовать какие-то коллективные архетипы, основанные на ментальном этническом субстрате, или на почве культурно-исторических традиций, но мне трудно представить себе такую социально-культурную реальность как «массовое историческое сознание». Можно предполагать, что в каждом отдельном социуме (этнотипе или нации) существует определенное многообразие отдельных индивидуальных исторических сознаний, находящихся на разных уровнях правдоподобия и соответствия научной историчности. В общем – это серьезная проблема для многолетнего междисциплинарного исследования (историков, психологов, социологов, этнографов, философов и др.).

Завершая это небольшое отвлечение по поводу бытования феномена «массового исторического сознания», сформулируем свое мнение следующим образом: историческое сознание в значительной степени предполагает рационализацию информации и оценку правдоподобности сведений исторического характера. В мифологическом и религиозном сознании рационализация играет значительно меньшую роль, а порой и вовсе отсутствует («верую, потому что абсурдно»). На наш взгляд, историческое сознание (несмотря на обилие работ, упоминающих это словосочетание), это малоисследованный феномен человеческого мировоззрения.

Предваряя свои предстоящие интерпретации исторических фактов и событий определенного фрагмента античной истории и сведений из жизнедеятельности произвольно выбранных для рассмотрения исторических персон, мы приводим фрагмент из работы «История и время», который

весьма близок нашей субъективной методологической установке: «Историческое исследование всегда включает в себе как минимум прошлое и настоящее. Историк смотрит на событие взглядом, направленным из настоящего в прошлое. Оставаясь неподвижным, историк аккумулирует историческое время, умещая мгновения, века, тысячелетия в своей временной реальности. Кроме того, в истории, как в грамматике, существует множество сложных времен: будущее в прошлом, прошлое в прошлом, настоящее в прошлом и т.д. Отрезок прошлого, избранный для исследования, в определенном смысле приобретает смысл настоящего, но историк знает, что произошло потом (в будущем) и что предшествовало (являлось прошлым)». [22]

Почти сто лет назад русский религиозный философ и историк медиевист Лев Карсавин писал о том, что «историческая наука об индивидуальной душе является до сих пор еще объектом смутных чаяний и конкретно она осуществляется главным образом в области художественного творчества, а изучение развития отдельной личности не имеет ничего общего с так называемой научной психологией». [16]

Примерно в это же время (или чуть ранее) русский естествоиспытатель и философ Л.Чижевский подготовил работу на основе хронологических таблиц, отражающих зависимость исторических событий и явлений от солнечной активности.

Л.Чижевский утверждал, что «исторический процесс есть процесс прежде всего психический, ибо история есть хронологический перечень переживаний, душевных событий, психических фактов» и призывал научное сообщество возвыситься до синтетического понимания исторического процесса, как планетарного и космогеллурического, ссылаясь, в частности, на Фукидида, отмечавшего в описаниях Пелопонесской войны «резкие изменения психологии людей в моменты массовых движений». [34]

Мы также придерживаемся установки, что космоприродные факторы оказывают серьезное влияние на психику и поведение различных групп

населения (особенно при массовых скоплениях людей во время военных действий, либо социальных и природных катастроф) и на психику и поведение отдельных персон, которые являются активными или пассивными участниками любых исторических событий.

Вопрос в том, насколько сложно достоверно реконструировать подобные влияния и взаимозависимости, но упускать аспекты космоприродного и психосоциального (психофизиологического) влияния на людей массы и отдельных персон, в контексте тех или иных исторических событий и процессов нежелательно.

Известный отечественный историк, этнолог и философ Л.Гумилев, развил в 40-80-е гг. XX века целое парадигмальное учение (или оригинальную концепцию исторического процесса) о влиянии космической энергии на зарождение и историческую эволюцию этносов и наций, где история рассматривается как последовательность природно-этнических бифуркаций, обусловленных пассионарностью. Пассионарии («великие люди») «заражают» космической или космопсихической энергией своих соплеменников или соотечественников (или просто «восставшую массу рабов», как гладиатор Спартак) и совершают вместе с ними выдающиеся исторические действия, меняющие инерционное течение исторического процесса.

Смелые теории Л.Чижевского и Л.Гумилева не нашли большого признания в среде историков-профессионалов, прежде всего потому, что авторы нередко вольно обращались с историческими фактами, трактуя сущность исторических явлений и событий в удобном для своей концепции понимании. Но есть подозрение, что историческая наука (возможно, в ближайшие 20-30 лет) обратит более серьезное внимание на космоприродные концепции исторического развития, освоив для этого направления новую методологию исторического исследования. И тогда, возможно, историки начнут активно привлекать методологический концептуальный материал, накопленный в смежных областях научного знания. На наш взгляд, особые

перспективы для исторического познания могут иметь полевые представления. О существовании смысловых семантических полей много писали и говорили психоаналитик К.Г.Юнг и философ В.В.Налимов, о наличии социально-структурированных полей утверждал французский социолог и этнолог П.Бурдьё. В частности, у К.Г. Юнга [37] существовала гипотеза о присутствии в психосемантическом поле идей, мыслей, знаний прошлого-настоящего-будущего. Подобного рода духовно-информационные поля – тема давних исследований в индийской философии и йогической практике. В XX веке, индийский философ Шри Ауробиндо Гхош, развернул концепцию о духовно-информационных и смысловых (семантических) полях в стройное учение.

Парадокс в нашей ситуации в том, что ученые-историки, глубоко погружившиеся в исследуемую историческую эпоху, бессознательно и интуитивно проникают в смысловое и духовно-информационное поле, ощущают его присутствие и наличие, и даже извлекают из него феноменальную информацию (которую относят на счет своего изобретательного научного ума и многолетнего опыта штудий в предметной области). Но говорить об этом, по давней традиции, в научном сообществе не принято: либо обвинят в идеализме и мистицизме, либо засмеют коллеги и т.п.

Завершая свою затянувшуюся вводную часть, добавим несколько слов о том, что же составит предмет наших исторических размышлений и интерпретаций во втором очерке, посвященном истории античного мира.

Помимо истории идей и учений, дошедших до нас от тех удивительных времен, мы, конечно же, будем говорить об отдельных исторических персонах, оставивших яркий след на виртуальном полотне истории. Выбор имен – субъективен и ситуативен, и, по-видимому, сложился спонтанно, в процессе робкой попытки проникновения в давно ушедшую эпоху. Мы будем говорить, бегло и кратко, о кризисе Римской империи, о противостоянии язычества и христианства, о философах поздней античности

и «последних римлянах», а также об удивительных произведениях авторов античного мира, по преимуществу V и начала VI веков. Это всего лишь эскиз, отражающий тонкими линиями колоссальные богатства духовно-нравственной и интеллектуальной жизни отдельных персон античного мира.

1. Кризис Римской империи III века.

Кризис III века носил системный характер: падение производительности рабского труда, разрушение рабовладельческого уклада, сокращение населения, кризис религиозных верований, нашествия варваров в приграничные районы и прежде всего – кризис системы власти: эпоха «солдатских императоров», большая неустойчивость властных структур разного уровня, от самого «вечного города» до самых отдаленных провинций. В отечественной историографии кризису Римской империи III века уделено самое серьезное внимание [35, 18, 36, 14, 15].

В новое время, на наш субъективный взгляд, наиболее яркая и убедительная работа - Э.Гиббон «История упадка и крушения Римской империи». [7]

А. Тойнби, в книге «Цивилизация перед судом истории», резко расширяет рамки кризиса, говоря о том, что всё существование античного мира – это один длительный многовековой кризис: « При поколении Августа греко-римский мир, к тому времени уже разваливавшийся в течение четырех веков, до 31 г. до н.э., сделал отчаянную попытку, имевшую временный успех, собраться воедино... Сама христианская церковь родилась из духовных мук, явившихся последствием краха греко-римской цивилизации... Одним из факторов, который во II веке н.э. способствовал возвышению и распространению новых религий, было изнеможение, вызванное столкновением культур» [25].

Французский историк Ф.Бродель, в книге «Что такое Франция?», по-своему формулирует проблему кризиса империи: «Упадок Галлии начался задолго до великих нашествий V века. Упадок Галлии – это упадок Римской империи, больного, бесконечно долго умирающего человека. По этому

поводу между историками уже давно идет славный спор: умерла ли Империя своей смертью, сама ли она в конечном счете виновата в этой смерти?» [4]

В замечательной работе русского историка середины XIX века С.В.Ешевского «Очерки христианства и язычества», прекрасно излагается тот страшный перелом в умственном и нравственном мирозерцании человечества, который совершился на рубеже двух миров – древнего и нового. [15]

С.В. Ешевский также расширяет хронологические границы кризиса империи, выводя их за рамки III века (от последних десятилетий II века до начала VI века) и подробно описывает затяжной процесс перехода античного мира в христианский мир.

Известный советский историк Е.М.Штаерман, рассматривает в своей монографии [36] социальную эволюцию римской религии как одну из основных причин кризиса III века.

С.В. Ешевский в вышеназванной работе [15] называет еще одну из причин кризиса – негативное влияние греческой культуры и философской мысли на народные религиозные воззрения, способствовавшие разрушению языческой религии.

Подводя условный, предварительный итог о кризисе III века Римской империи, можно сказать, что хронологические рамки кризиса, как историко-политического и историко-социального психологического процесса явно выходят за рамки III века, и берут свое начало в правлении императора Коммода. Условное завершение кризиса – падение Западной Римской империи 476 год.

Но если смотреть на кризис Римской империи с философских позиций, то следует согласиться с А.Тойнби и признать, что все развитие греко-римской цивилизации было сплошным перманентным кризисом, изредка прерываемым краткими периодами стабильности и взлета. Как, впрочем, и весь исторический процесс, от формирования протогосударств и до наших

дней можно воспринимать как перманентный кризис идей и устремлений планетарного земного разума...

2. Язычество и христианство в Римской империи

Вопрос о взаимоотношении язычества и христианства в Римской империи в I-V веках является своеобразным водоразделом в среде историков на протяжении по крайней мере, 19 прошедших столетий.

Одни историки склоняются к мнению, что Рим погубило язычество, способствовавшее падению нравов. Другие (их тоже не мало) – что именно появление христианства и его экспансия в пределах империи разрушило государственную машину и подорвало корни античной культуры. Что и привело к падению Рима.

Философ истории XX века К.Ясперс, несмотря на многочисленные рассуждения об особенностях философской веры, занимает явно прохристианскую позицию: «Христианство, христианская церковь является, быть может, самой великой и возвышенной формой организации человеческого духа, которая когда-либо существовала. Из иудейства сюда перешли религиозные импульсы и предпосылки (для историка Иисус – последний в ряду иудейских пророков, осознающий свою связь с ними); от греков – философская широта, ясность и сила мысли, от римлян – организационная мудрость в сфере реального. Из всего этого возникает некая целостность, которую никто не предвидел заранее; с одной стороны, удивительно сложный, конечный результат в синкретическом мире Римской империи, с другой – целое, движимое новыми религиозными и философскими концепциями, наиболее видным представителем которых был Августин. Христианская церковь оказалась способной соединить даже самое противоречивое, вобрать в себя все идеалы, считавшиеся до той поры наиболее высокими, и надежно хранить их в виде нерушимой традиции». [38]

Иного мнения придерживался другой, не менее известный философ истории XX века, Людвиг фон Мизес: «До начала IV века христианская вера распространялась путем добровольного обращения... Но со времен Феодосия

I, меч стал играть заметную роль... Язычников и еретиков силой оружия заставляли подчиняться христианским учениям. Религиозное единство в средневековой Европе установилось, когда огнем и мечом истребили и язычников, и еретиков... Католическая церковь смогла сохранить свои позиции, только попустительствуя поведению мирян, которое открыто игнорировало большую часть, если не все принципы Евангелия. [20]

Как мы уже говорили выше, наиболее основательно разбирает проблему взаимодействия язычества и христианства (по крайней мере, в российской историографии) С.В. Ешевский.

«Римское язычество имеет много родственного с религиозными воззрениями греков. Две особенности отличают его, впрочем, довольно резко от греческой религии. Эта сравнительная бедность и неразвитость религиозных мифов, простота и безыскусственность, отсутствие поэтического элемента в мифологии. Затем – особая постановка культа относительно государства, тесный, до некоторой степени неразрывный союз религиозных верований с государственными учреждениям... Римский культ не мог успешно бороться с древними верованиями Греции и Востока... При первом же столкновении Рима с городами Греции мифологические представления эллинов неудержимо стали входить в сознание римского общества... Сближение с греческой образованностью, её могущественное действие на римское общество были неминуемым следствием распространения римского владычества... По мнению древнегреческого историка Полибия, вся римская религия казалась сбродом суеверий, призванных для достижения известных государственных целей» [15].

Е.М.Штаерман [18] считала, что римская религия в высших слоях общества приходила в упадок (в I в. до.н.э.), а в целом – религия эпохи империи была сложным и неоднородным явлением.

«Последней попыткой создания учения о боге в рамках античного миросозерцания был неоплатонизм Плотина, сложившийся в середине III в.» [36]

Е.С. Голубцова [18] отмечает, что христианство в I-III вв. (в римских провинциях) Малой Азии было распространено неравномерно, по преимуществу в городах, и христианские общины составляли (ориентировочно) не более четверти населения.

С.В. Ешевский также отмечает долгоживучесть отдельных языческих культов и традиций. В Галлии, Северной Африке и Малой Азии языческие культы еще сохранялись в V-VI вв. н.э.

После гонений христиан во второй половине I в., во II и III вв. (особенно во времена правления императора Диоклетиана, считавшего христиан вредной антигосударственной сектой), наступило время государственного признания христианской религии при императоре Константине Великом (Миланский Эдикт 313 г.).

Краткий период, около полутора лет, антихристианской политики императора Юлиана (вошедшего в историю под именем Юлиана-отступника) в 362 г. не повлиял на доминирующую позицию христианства в Империи. Юлиан не развязывал репрессий против христиан, но лишил христианское духовенство привилегий, которые оно получило при Константине и Констанции. Попытка Юлиана – возродить языческие традиции – не имела успеха. [35, 33, 13]

Но окончательное становление христианства как государственной и единственно легитимной религии произошло при Феодосии I: «Со смерти Константина, занявшая господствующее положение в Империи христианская церковь более 40 лет была разъедаема внутренней враждой, что не могло не унижать её в глазах приверженцев языческого культа... С прибытием в Константинополь в 380 году Феодосий прежде всего озаботился устройством церковных дел. В 381 году им издан знаменитый эдикт по церковным делам о запрещении всех религиозных собраний, за исключением собраний приверженцев никейского символа» [33].

С.В. Ешевский особенно отмечает негативную роль в разрушении религии и государства Римской империи, которую сыграл культ

обожествления императора, начавшийся при Августе, когда поклонение императору сделалось почти единственной государственной религией. Позднее были Калигула, Нерон... «Религиозное чувство замирало при виде такого позорного поругания религии» [15].

С.В. Ешевский приходит к выводу, что «падение язычества зависит не от случайных причин, не от перемен в политическом устройстве – оно обусловлено неизбежной необходимостью» [15].

Тема язычества и христианства в Римской империи считается основательно изученной и разработанной – внимание ей уделялось на протяжении многих поколений историков. Но она, безусловно, притягивала и будет притягивать новых исследователей, просто потому, что много еще «белых пятен» укрыто за плотным туманом идеологических штампов. Поиск научной истины требует предельного проникновения в истоки исторических событий и жаждет новых откровений познания и открытия.

3. Августин и Пелагий

Начало V века, последнего в истории Западной Римской империи, необычайно богато самыми разнообразными событиями, заслужившими в последствии титул исторических, рубежных и эпохальных. Пожалуй, одним из самых знаковых и трагичных было событие захвата Рима вестготами Алариха. Таким образом, 410 год можно считать началом завершающего этапа гибели античного мира.

На наш взгляд, верхней границей или окончательным водоразделом между античным миром и миром средневековым можно считать два события: 525 год в Западной империи и 529 год в Восточной Римской империи. 525 год – гибель «последнего римлянина» и последнего великого философа Рима Боэция. 529 год – закрытие императором Юстинианом всех философских школ в Восточной Римской империи. Именно поэтому, временной отрезок с 410 по 529 гг. заслуживает особого внимания историков, как период завершения распада античного мира. И возможно поэтому, этому периоду уделено столько внимания историками разных времен и разных стран, что

следующее века уже считаются совсем не античными, а просто «темными» веками европейской истории.

Вдохновенные работы советского и российского историка В.И. Уколовой [26, 28, 32, 35] необычайно ярко и подробно вскрывают дух эпохи заката Античности и дают замечательные портреты исторических персон: «последних римлян» и «великих христиан»: «IV-V века были временем, когда западная часть Римской империи неуклонно шла к гибели. Вместе с тем, то была эпоха духовного и интеллектуального созидания, языческая античность подводила итоги культурного развития, как бы «упаковывая» своё философское и образовательное наследие. Интенсивная деятельность Учителей христианства, напротив, была направлена на выработку новых ориентиров существования мира, новых парадигм развития мыслительного пространства и на создание теологического поля универсальной культуры... Вклад Августина Аврелия: его учение оказало огромное влияние на духовное развитие Запада в средние века и в раннее новое время» [28].

На творчество Августина Аврелия [1, 2] большое влияние оказали два события: захват Рима востготами в 410 году и идейная борьба с учением или ересью Пелагия. Вероятно, второе событие имело большее значение, как импульс, стимулировавший создание целого ряда трактатов-книг, творившихся в течение 14 лет и образовавших собой, можно сказать, первый фундаментальный теологический свод католического христианства.

Мы бы опасались утверждать, что «Августин опирался на многовековой опыт христианской теологии и историографии, отталкиваясь от своеобразных историко-философских представлений языческих мыслителей, в первую очередь – неоплатонистов» [28]. Во-первых, потому, что опыт христианской теологии берет начало во втором веке и насчитывал не более двух веков ко времени Августина, а во-вторых, Августин Аврелий все-таки более опирался на опыт языческих мыслителей, используя отдельные излюбленные фрагменты Плотина, Порфирия, Цицерона, Сенеки, Филона, Марка Аврелия, Варрона и мн. др. для своих христианских

медитативных импровизаций, основанных на убеждении своего теологического проповеднического призвания.

Отсюда и значение пелагианства, как стимула к созданию полемических, наставительных и обличающих комментариев «О граде Божьем» с использованием профессиональных риторических приемов, которыми Августин владел замечательно.

Кто же был этот Пелагий, и чем он возмутил Августина Аврелия? Как пишет русский православный историк, богослов и священник А.Кремлевский: «Пелагий – Британец – родился приблизительно в 350 г., в начале V века был уже в преклонном возрасте при дряхлеющим теле и падающих силах... Пелагий был красноречивый и начитанный монах, но с посредственными умственными способностями и невысокими нравственными понятиями» [17]. Так звучит введение труда «История пелагианства и пелагианская доктрина», изданного в 1898 году. Но далее, по тексту, мы уже имеем новую характеристику: «Судя по литературным произведениям Пелагия и по громадному влиянию его на современников, следует признать, что он обладал значительной образованностью, был знаком с лучшими греческими и латинскими, как церковными, так и светскими писателями и прекрасно владел даром слова; он свободно владел и разговорным греческим языком» [17].

Основа ереси Пелагия – преувеличенный взгляд на свободу воли: «Учение о спасении, как награде за добрые дела, и о свободе воли, как преимущественном факторе в совершении добрых дел... Пелагианство, по выражению борющихся с ним африканских епископов, ниспровергало самые основы христианской веры... Человек не может сам себя спасти. Спасти человека, исцелить его от духовной немощи и греховности может только творец его Бог. Отсюда христианство учит о необходимости молитвы и благодати. Спасение наше не от нас, а от Бога...» [17].

Пелагий ссылался на Златоуста в подтверждении именно своего учения о свободе воли, а философское основание находил в Плотине. Последний, в

частности, писал: «Каждая отдельная вещь должна оставаться отдельной вещью; должна существовать и наша деятельность, и наше мышление; каждый прекрасный или безобразный поступок должен исходить от кого-то, и мы не должны приписывать творчеству Вселенной то постыдное, что совершается нами» [21].

Можно ли утверждать, что «противником Августина был Пелагий», если все сочинения против пелагианства написаны уже после смерти последнего и сам Пелагий против Августина ничего не писал?.. Не вступал с ним в полемику. Последняя их встреча состоялась в 411 году в Карфагене и прошла спокойно, без всяких эксцессов и теологических споров (нельзя исключать, что Августин и Пелагий могли быть знакомы ранее и встречались в бытность Августина в Риме).

В 412 году в Карфаген приезжает Целестий (ученик Пелагия) и начинает проповедовать и претендовать на место пресвитера. В Карфагене немало состоятельных беженцев из Рима (приехавших жить в Карфаген после событий 410 года в Риме) исповедующих либо склонных к пелагианству. Они очень симпатизируют Целестию. На это же место пресвитера претендует местный проповедник Павлин. Он выдвигает обвинение против Целестия в ереси по 6 пунктам, сформулированным самим Павлином. На местном соборе в Карфагене в 412 году. Целестий не признает обвинения и отрицает формулировки Павлина. И, первоначально, Августин не занимает категорической оппозиции против Целестия (Пелагий в это время уже уехал в Палестину и больше не вернется ни в Рим, ни в Карфаген).

Что происходило далее – вопрос серьезного реконструктивно-аналитического исследования. Скорее всего (опять же на наш субъективный взгляд) основной причиной раздора и обвинений послужила борьба за паству, и нездоровая атмосфера, которая сложилась в Северной Африке после закона Феодосия I, изданного в 381 года. Закон лишал отступивших от христианства всех гражданский прав. Используя этот закон, радикальные христианские священники провоцировали нападения религиозных фанатиков

на отдельных влиятельных язычников. В период с 381 по 430 гг. (до завоевания Северной Африки вандалами) неоднократно происходили вспышки религиозного фанатизма. В частности, в марте 415 года в Александрии толпа монахов и фанатиков верующих по наущению епископа Александрии Кирилла, растерзала выдающегося астронома, математика и философа Гипатию [8].

Сам Августин по вопросам свободы воли высказывал противоречивые точки зрения и, как пишет, А.Кремлевский, «впал в другую крайность (в споре с пелагианством) и совсем отверг значение свободы воли человека в деле его спасения» [17].

Не отрицая исторической роли Августина Аврелия в развитии христианской догматики и в развитии самой христианской церкви, необходимо согласиться с историческими фактами, характеризующими политическую роль Августина в эпоху острейшей борьбы внутри церкви: «В своей епископской деятельности Августин также был поборником жесткой ортодоксальности и первенства церковной власти, но в т.ч. организатором широких гонений и карательных мер, предпринятых церковью в союзе с государством. Тем самым было положено начало средневекового преследования еретиков (инквизиции)» [28].

4. «Последние римляне»

Отталкиваясь от замечательной книги В.И. Уколовой [32], мы попытаемся высказать свою скромную точку зрения на серьезный исторический «эон» - III – начало VI вв., который хранит богатейшие залежи фактографической информации уходящего античного мира.

Из пяти «последних римлян», представленных в книге В.И. Уколовой мы уже немного говорили об Августине Аврелии, достойном продолжении глубоких и серьезных аналитических изысканий.

И теперь хотели бы коснуться еще одной яркой исторической персоны – римского историка IV века Аммиана Марцеллина (ок. 330-400 гг.).

Как считает В.А. Дмитриев, уделяющий много внимания жизнедеятельности и творчеству наследника греческой и римской школы античных историков [9-13], «Аммиан Марцеллин является последним крупным представителем римской историографии... По глубине анализа, степени детализации и уровню достоверности излагаемого материала, с произведениями Аммиана не может сравниться ни одно историческое сочинение современной ему эпохи».

Патриарх отечественной классической филологии С.И. Соболевский (замечено Дмитриевым В.А.) уделил в свое время серьезное внимание анализу сочинений А. Марцеллина, и, несмотря на определенные «огрехи» во владении латинским языком, присутствующие у Аммиана (грека по рождению) очень высоко оценивал уровень литературно-исторического мастерства А. Марцеллина. [24]

Благодаря Аммиану, мы имеем прекрасную возможность достаточно достоверного прочтения исторических событий и персон из эпохи угасающего античного мира [19], и в частности, объективный портрет императора Юлиана, можно сказать тоже «последнего римлянина», достойного наследника уходящих римских традиций, последнего романтика античной эпохи.

Как замечал русский историк Ф.И. Успенский, «чем лучше и полнее освещается материал, тем более выигрывает характер Юлиана... Он глубоко верил и в свое назначение покорить весь мир, и в свою миссию восстановить почитание языческих богов и вернуть мир к изящным формам» [33].

К когорте «последних римлян» можно отнести галло-римского поэта, политического деятеля и епископа Аполлинария Сидония, о котором замечательное исследование оставил талантливый и рано ушедший из жизни русский историк середины XIX века Степан Васильевич Ешевский.

Как писал С.В. Ешевский: «Сидоний, доставивший своими произведениями возможность иметь историю Галлии V века, недостаточно беспристрастно оценен до сих пор» [23, 14]. При этом С.В. Ешевский

критично относился (в духе Белинского и Грановского) к поэтическому таланту Сидония и предъявлял к «последнему гало-римлянину» чересчур жесткие моральные требования.

И в завершение темы «последних римлян» - несколько слов о Боэции (480-525 гг.) – это ярчайшая и рано сгоревшая звезда античного римского наследия. [6] Его оппонент Кассиодор, прожил две таких жизни, но не оставил нам такого яркого интеллектуального наследия. Уже более 30 лет назад вышла книга В.И. Уколовой «Последний римлянин Боэций» [26], в которой раскрыта судьба философа и его значение в европейской истории. Когда читаешь эту книгу, и особенно, тексты самого Боэция [5], необычайно остро понимаешь, какой удивительно глубокий потенциал имела античная философская мысль, и как легко можно терять приобретения человеческого разума в привередливых лабиринтах человеческой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Исповедь. Пер.М.Е. Сергеенко. Отв.ред. Н.Н. Казанский. - СПб.: Наука, 2013. — 376 с.
2. Аврелий Августин. О Граде Божьем. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
3. Аджи М. Средневековая история тюрков и Великой Степи. М.: АСТ, 2007. – 214 с.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи, Ч. 1. Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.
5. Боэций. Утешение Философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990. — 415 с.
6. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (Опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк первый / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4).- С. 137-150
7. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. Пер. с англ. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1994. - 526 с.
8. Гуртовцев А.Л. Гипатия, или растерзанная муза. Мн.: Интернет-издание, 2016. — 30 с.
9. Дмитриев В. А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. №7 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-varvarizatsii-rimskoy-armii-viv-v-n-e-po-dannym-ammiana-martsellina> (дата обращения: 02.07.2018).

10.Дмитриев В.А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ammian-martsellin-v-otchestvennoy-istoriografii> (дата обращения: 02.07.2018).

11.Дмитриев В.А. "Персидский" экскурс Аммиана Марцеллина: опыт источникововедческого анализа. — Псков: ПГПУ им. С.М. Кирова, 2010. — 122 с.

12.Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней Империи: основные жанры и представители // Метаморфозы истории. 2003. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskaya-istoriografiya-perioda-pozdney-imperii-osnovnyue-zhanry-i-predstaviteli> (дата обращения: 02.07.2018).

13.Дмитриев В.А. Юлиан Отступник: человек и император // Метаморфозы истории. 2002. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yulian-otstupnik-chelovek-i-imperator> (дата обращения: 02.07.2018).

14.Ешевский С.В. К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Сочинения. Часть третья.- М.: Издание К.Солдатенкова, 1870. – С. 1-342.

15.Ешевский С.В. Очерки язычества и христианства // Сочинения. Часть первая. - М.: Издание К.Солдатенкова, 1870. - С. 281-576

16.Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: АО Комплект, 1993. - 351 с.

17.Кремлевский А.М. История пелагианства и пелагианская доктрина. - Казань. Типо-Литография Императорского Университета, 1898. — III, 250, XLIII с.

18.Культура Древнего Рима. В 2-х Т. 1. М.: Наука, 1985. - 430 е.; Т. 2. - М.: Наука, 1985. - 396 с.

19.Марцеллин А. Римская история. - М.: АСТ, Ладомир, 2005. - 638 с.

20.Мизес Л.Ф. Теория и история : Интерпретация социально-экономической эволюции. Пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.

21.Плотин. Третья эннеада / Пер. с древнегреч. Т.Г. Сашида. 2-е изд.. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2010. – 480 с.

22.Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры. 1997. 800 с.

23.Сидоний Апполинарий. Письма. Пер. Коньков Д.С. и др. : Электронная версия печатной публикации. Режим доступа: https://www.sidoniusapollinaris.nl/index_htm_files/Sidonius%20Letters%20Russian%20Translations.pdf (Дата обращения 01.06.2018)

24.Соболевский С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровский Ф.А. История римской литературы в 2 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959-1962. - 507с. + 490 с.

25.Тойнби А. Цивилизация перед судом истории : Пер. с англ. – М.Прогресс, 1995. – 478 с.

26.Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. – М.: Наука, 1987. – 160 с.

- 27.Уколова В.И. Античное наследие и культура Раннего Средневековья. Конец V - середина VII века. – М.: Наука, 1989. — 320 с.
- 28.Уколова В.И. Время и история на исходе Империи: Аврелий Августин / В.И. Уколова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. - 17 (118). - С. 12-36.
- 29.Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима / В.И. Уколова // Вестник МГИМО Университета. 2008. - 2 (2). - С. 3-10.
- 30.Уколова В.И. Нужна ли синхронная история / В.И. Уколова // Электронный научно-образовательный журнал История. 2010. - 1.
- 31.Уколова В.И. Образ Рима в русской политической культуре / В.И. Уколова, П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник избранное, 2011-2015: 85 лет ИАИ - 25 лет РГГУ. 2016. - С. 64-76.
- 32.Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М.: Наука, 1992. – 157 с.
- 33.Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
- 34.Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелеотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 766 с.
- 35.Чубарьян А.О. (гл. ред.) Всемирная история. Том 1. Древний мир. - М.: Наука, 2011. — 822 с.
- 36.Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М.: Наука, 1987. – 324 с.
- 37.Юнг К.Г. Синхронистичность. Сборник. Пер. с англ. М.: Рефл-бук. 1997. – 320 с.
- 38.Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2- изд. Пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
-

УДК 94

**ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ
ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА).
ОЧЕРК ТРЕТИЙ: «ТЕМНОЕ» СРЕДНЕВЕКОВЬЕ⁵**

В третьем очерке из серии «История Европы», посвященном «темному» Средневековью, автор высказывает идею о живучести биологических (молекулярно-генетических) и духовно-культурных кодов средневекового исторического времени в современных странах Европы. И о необходимости исследования культурно-исторических и молекулярно-генетических кодов при помощи современных естественнонаучных методов.

Ключевые слова: история Европы, Средневековье, «темные века», варвары, Византийская империя, мифология, культурно-исторический код.

**EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND
FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING). THE THIRD ESSAY:
DARK MIDDLE AGES**

In the third essay from the series «History of Europe», devoted to the «dark» middle Ages, the author expresses the idea of survivability of biological (molecular genetic) and spiritual and cultural codes of medieval historical time in modern European countries. And the need to study cultural-historical and molecular-genetic codes using modern natural science methods.

Key words: history of Europe, middle Ages, "dark ages", barbarians, Byzantine Empire, mythology, cultural and historical code.

История Европы раннего Средневековья необычайно мифологична. Эта мифологичность была присуща ей в эпоху бытования или присутствия в своем времени (мы произвольно и субъективно ограничиваем границы раннего «темного» Средневековья от 500 года до 1000 года после Рождества Христова). Есть и другие варианты начала раннего Средневековья – 476 год – низложение последнего императора Западной Римской империи или 524 год – казнь «последнего римлянина» философа Боэция. В любом случае – начало периода – VI век нашей эры.

Мифологичность «темного» Средневековья успешно просуществовала в историко-философской мысли Европы на протяжении от 1000 до 1500 лет, успешно живет и в нашем времени. Тема мифологичности раннесредневековой Европы невероятно многослойная и труднообозримая

⁵ Опубликовано: Винобер А.В. [История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк третий: «Темное» Средневековье](#) / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 4(6). - С. 66-73.

для одного небольшого очерка. И потому мы надеемся всего лишь нарисовать штрих-пунктирный портрет того удивительного времени, которое скрывает истоки всей современной Европы и хранит тайны раннего этногенеза будущих европейских наций, которые окончательно сформируются уже в Новое время.

Начнем, как полагается, с происхождения имени «темное» Средневековье.

«Современное представление о периоде «Средних веков» утвердилось в европейской науке лишь после того, как профессор университета в Шалле Х. Келлер (Целлариус) назвал одну из трех книг своего учебника «историей Средних веков» (*Historia medii aevi, a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcas captam deducta*). Таким образом, Келлер первым ввел близкую к современной периодизацию эпох всемирной истории, поделив её на древнюю (до Константина Великого), историю Средних веков (до 1453 – даты завоевания Константинополя тюрками-османами и утраты этим городом своего значения как политического и религиозного центра христианского мира) и новую (после 1453 г.; Cellarius 1685-1698)». [8]

Но, видимо, еще ранее, «со времен Возрождения укоренилось представление об образе Средних веков, которое сохранялось в течение нескольких столетий. Средневековье считали «темным» или «мрачным» периодом европейской истории». [8]

У отдельных историков есть свои взгляды на границы «темного» Средневековья. Например, французский историк Ф.Бродель формулирует свое мнение: «если в общих чертах принять за отправную точку, за пик расцвета Римской Галлии, 150 год, а за низшую точку в развитии каролингской эпохи – год 950-й, то я считаю вправе, хотя и осознаю, что подобная операция есть чрезмерное упрощение, провести от 150 года к 950-му прямую нисходящую линию, не слишком удивляясь, что она тем самым растягивается без перерыва на восемь столетий – безусловно, самых темных в истории Франции и Запада в целом». [1]

Первой страницей VI века, довольно яркой, романтической и трагичной можно было бы представить появление на землях Западной Римской Империи варварского государства остготов в Италии (493-552 гг.) во главе с яркой исторической личностью его создателя – короля остготов Теодориха, правившего 36 лет. Собственно, это была первая попытка синтеза римского государственного строя и всеобъемлющей античной культуры с варварским началом остготских традиций и, во многом, попытка оказалась успешной. Если бы не постоянные происки Византийской империи, приведшие в итоге к завоеванию Италии, остготское государство могло бы просуществовать намного дольше. Особенно, если бы исповедовало в качестве государственной религии «правильное» христианство. Историю остготов запечатлел римлянин (сириец по происхождению) Кассиодор, служивший при дворе остготских королей. Также уделил внимание истории остготов один из самых выдающихся историков Византийской империи Прокопий Кессарийский. «Литературные произведения Прокопия представляют громадную важность для истории VI в. Ему принадлежит, во-первых, «История войн» в 8 книгах: две о персидской войне, две о войне с вандалами и три о готской войне. Восьмая книга «История войн» обнимает общие события и доведена до 554 г. История о войнах обнародована еще при жизни писателя и скоро сделалась известной по всей империи, она пользовалась во все времена вполне заслуженным авторитетом. В предисловии к персидской войне писатель смело заявляет, что он более всех в состоянии исполнить это предприятие и единственно потому, что, быв избран в советники полководца Велисария, находился при всех тогдашних предприятиях» [9].

Гораздо меньше лестных слов в истории Средневековья удостоилось первое государство германских варваров на севере Африки. Государство вандалов (429-534 гг.) просуществовало почти вдвое дольше по времени, чем государство остготов, но оставило о себе печальную память из-за диких нравов варварского народа и его племенных вождей. И так же было завоевано Византией.

Более долговечным оказалось государство западных готов в Испании и Южной Франции (418-711 гг.), павшее от арабского нашествия, но оставившее яркие следы в истории и культуре будущей Испании.

И вот здесь мы озвучим первый миф, связанный с государством вестготов. В историографии сложилось расхожее мнение (и современные историки часто повторяют его чисто механически, по традиции), будто вестготское государство оказалось слабым, не могло противостоять арабам и быстро рассыпалось. И что от вестготского народа в скорости не осталось никаких следов... Сторонникам подобных взглядов хочется сказать: посмотрите, с какого времени начинается Реконкиста (борьба за освобождение Пиренейского полуострова от завоевателей-арабов)? С 718 года, т.е. через семь лет после завоевания. И какую роль играли в этом движении вестготы, а также – их участие в битве при Пуатье в 732 г. Поражение арабам нанесли не только франки. Выскажем осторожную гипотезу о том, что уже в XXI веке генетики смогут обнаружить весьма существенный генетический след вестготов среди каталонцев и других этносов современной Испании.

Одной из важнейших проблем познания истории темных веков Европы является исследование культурного влияния Византии на средневековую европейскую культуру. И в настоящее время растет число работ, посвященных интеллектуальной жизни Византии во времена темного средневековья и позднее. [5]

VI век в истории Европы в значительной мере можно назвать веком Юстиниана I - императора Восточной Римской или Византийской империи.

Юстиниан правил в 527-565 гг., придя к власти уже зрелым политиком в возрасте около 45 лет. Путеводной звездой его правления была многолетняя попытка восстановить Римскую империю в прежних границах. [9, 2] Что-то ему удалось, но это потребовало колоссальных средств и усилий, что вызвало последующий упадок государственных и военно-экономических сил Восточной Римской империи, особенно заметный на

восточных окраинах, что в определенной степени (а на наш взгляд – во многом) обусловило успехи арабских завоеваний в VII веке. Предвидели ли восточно-римские правители и чиновники опасность «арабского фактора» в военном отношении? Конечно, да. Это можно обнаружить в различных сохранившихся исторических документах и свидетельствах тех времен. Более того, таковая опасность упоминается еще в IV веке у Аммиана Марцеллина, который говорил об арабских племенах, привлекаемых восточно-римскими императорами для пограничной службы: «Лучше бы их не иметь ни среди друзей, ни среди врагов» [6]. Это высказано почти за два века до появления новой религии, объединившей арабские племена Аравийского полуострова, и надо сказать, религии изначально весьма воинственной. Восточная Римская империя, осознавая будущую опасность, но не придав серьезного должного значения, позволила ей вырасти до непреодолимых размеров. Если бы в VII веке был нанесен соответствующий упреждающий удар – роль исламского фактора в истории не разрослась бы до удивительных размеров.

Нельзя не сказать несколько слов о роли исторической личности, создавшей новую мировую религию и оказавшей такое колоссальное влияние на историю Европы (на протяжении многих веков, включая и наше время).

Пророк Мухаммед (570-632 гг.) - действительно одна из ключевых фигур в мировой истории. [7] Феномен его происхождения и создания им мировой религии во многом до настоящего времени исследован недостаточно (несмотря на обилие всевозможных теологических и исторических работ).

Таким образом, исламский фактор (или феномен) присутствует в истории Европы уже 15 веков, временами делаясь почти незаметным, то снова возрождаясь, как произошло во второй половине XX века.

Сходный с арабским, но более кратковременный (по времени и формальным признакам) фактор (феномен) набегов викингов продолжался около двух столетий. Волна набегов схлынула только в конце XI века, после

создания скандинавских королевств и после завоевания Сицилии и Нормандии.

Германский «натиск на Восток» впервые был объявлен в 928 году, а наиболее трагичным оказался дважды в течение XX века: в обоих случаях вылился в мировые войны, во многом подорвавшие человеческий, экономический и культурный потенциал Европы.

Славянский фактор (феномен) впервые также проявился в VI веке в виде вторжения многочисленных племен южных славян на Балканы и в Элладу – впоследствии был несколько ослаблен усилиями Византийской империи, смешением с греческим населением, с тюркскими племенами (как болгары) и последующим появлением турецкого фактора.

Идея создания Славянской империи была по-настоящему популярна (среди панславистов) лишь во второй половине XIX века и начале XX в.

Первые германские империи имели место как раз именно в «темном» Средневековье – в конце VIII и начале IX вв. (Империя Карла Великого) и во второй половине X века (Священная Германская империя).

Рецидив произошел через тысячу лет – печально известный в XX веке опыт «третьего рейха», черпал свои идеи и свои устремления из недр ушедшего «темного» Средневековья.

Помимо Кассиодора и Прокопия Кессарийского, историю «темной Европы» писали Григорий Турский (538-594 гг.), Беда Достопочтенный (672-735 гг.), Павел Диакон (720-799 гг.). Как мы говорили выше, были запечатлены основные события ушедших (с исторической арены) народов: остготов, вестготов, лангобардов и вандалов, так и ныне здравствующих англосаксов, германцев, скандинавов.

Один из мифов об истории «темного» Средневековья заключается в том, что будто бы ушедшие народы исчезли бесследно (физически и духовно). На самом же деле, никто в Европе (насколько нам известно) не проводил серьезных этногенетических (молекулярно-генетических) исследований – в первую очередь, возможно потому, что подобные

исследования были дискредитированы в XX веке как нацистские («идеи расового превосходства», «высшие и низшие» народы и прочие фашистские теории). Так вот, исходя из естественнонаучных сравнительных молекулярно-генетических исследований (если такие будут серьезно организованы), мы обнаружим удивительную пеструю мозаичность населения развитых стран Европы, в первую очередь, Франции, Германии, Италии, Испании, Швейцарии, Португалии, Великобритании и других, и, весьма вероятно, что обнаружим серьезный процент присутствия генов остготов, вестготов, лангобардов, бургундов, норманнов и многих других племен, активно участвовавших в жизни и истории «темной» Средневековой Европы.

Как, без сомнения, обнаружим многочисленные культурные коды, имевшие происхождение в Древнем Риме, Древней Греции, Карфагене... Культурные коды, берущие начало в эпохе Карла Великого (768-814 гг.) [10], Альфреда Великого (876-999), в Кордовском Эмирате, в стране вестготов и лангобардов и многие другие.

Также с удивлением обнаружим истоки каталонского кризиса 2018 года в X веке.

Сущность этих парадоксальных историко-психологических феноменов заключается в том, что история, которую пишут и исследуют историки, живет по своим обнаруженным или установленным ими законам, а жизнь молекулярно-генетических или культурно-исторических кодов происходит по своим биологическим и духовно-культурным законам, которые в большинстве случаев игнорируются историками, отдающими предпочтение методам хронологических и фактографических описаний, в то время, как на дворе уже XXI век, и мощь и разнообразие методов научных исследований артефактов, относящихся к историческому процессу, выросло многократно.

Мы не пытаемся выразить мысль о том, что классические методы историописания безнадежно устарели. На наш взгляд, они работают еще

исправно и могут принести еще немало удивительных открытий [3, 4]. Но более широкое привлечение современных естественнонаучных методов, основанных на высокоточных технологиях, позволит совершить научно-исторических открытий (вероятно) на порядок больше.

Главное, чтобы они служили взаимопониманию между народами, странами и правительствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи, Ч. 1. Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.
 2. Винобер А.В. История Византийской империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. - №1. – С. 99-113
 3. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (Опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк первый / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4). – С. 137-150.
 4. Винобер А.В. История Европы: прошлое. настоящее. будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк второй / А.В. Винобер.// Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018.- № 3(5). – С.115-136
 5. Ламерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до конца X века. 2-е изд. – СПб.: Изд.проект «Квадриум», 2017. – 482 с.
 6. Марцеллин А. Римская история. - М.: АСТ, Ладомир, 2005. - 638 с.
 7. Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. – М.: Политиздат, 1990. – 495 с.
 8. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры. 1997. 800 с.
 9. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
 10. Хэгерманн Д. Карл Великий. Пер. с нем. - М.: АСТ, 2003. - 688 с.
-

УДК 94

**ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА).
ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ: «ФЕОДАЛИЗМ И ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ»⁶**

В данном очерке, посвященном отрезку истории Европы от 1000 до 1500 года, условным эпицентром событий мы выбрали средневековую Францию. Понятно, что Франция – это далеко не вся Европа, но история Европы во многом тогда вершилась во Франции. Название очерка «Феодализм и эпоха Возрождения» – это, конечно, больше дань традиции, и европейской, и отечественной исторической традиции. Автор отмечает, что очерк изначально субъективен и абсолютно не претендует быть всеобъемлющим и единственно истинным.

Ключевые слова: история Европы, феодализм, эпоха Возрождения, Крестовые походы, рыцарский орден.

**EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING). THE ESSAY FOUR:
«FEUDALISM AND THE RENAISSANCE»**

In this essay, dedicated to the segment of European history from 1000 to 1500, we chose medieval France as the conventional epicenter of events. It is clear that France is not the whole of Europe, but the history of Europe was largely made in France. The title of the essay "Feudalism and the Renaissance" is, of course, more a tribute to tradition, both European and domestic historical tradition. The author notes that the essay is initially subjective and does not pretend to be comprehensive and only true.

Key words: history of Europe, feudalism, Renaissance, Crusades, knight order.

Мой взгляд на историю является сам по себе крошечным отрезком истории.

Арнольд Тойнби

Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем.

Марк Блок

Но разве мысленно переписывая историю, воображая её иной, не начинаешь лучше понимать историю, как она есть, во всей её необратимости?

Фернан Бродель

⁶ Опубликовано: Винобер А.В. [История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк четвертый: «феодализм и эпоха Возрождения»](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2019. – 1(7). – С.29-41.

Продолжая заявленную серию очерков по истории Европы [6, 7, 8] с каждым последующим очерком автор становился скромнее и постоянно вспоминал изречение Козьмы Пруткова о том, что «нельзя объять необъятное».

Но, так как история, по большей части своей истории, наука весьма субъективная, и каждый взгляд может в ней всегда открыть что-то новое, при определенной степени везения, после выполнения некоторого объема «черновой» или лабораторной работы (первоисточники, анализ хронологии и изучение разнообразных взглядов и построений иных многочисленных авторов – впрочем, чаще предпочтительнее всего лишь 2 или 3 автора, но глубоко внедрившихся в эпоху), мы решили продолжить свои опыты-взгляды на историческое наследие Европы, с целью обнаружить нечто новое, неосознанное, непонятое и нерасшифрованное многочисленной армией историков Европы разных времен и разных народов. Просто, без определенных творческих амбиций, нельзя рассчитывать на удачу. А удача наша кроется в том, что переписывая и осмысливая, мы обретаем собственное, личное, субъективное видение и понимание давно минувших времен, имеющих значение для нашего настоящего и будущего. Этим и обусловлен выбор авторов, к которым мы обращаемся в процессе размышления-исследования, и тот ракурс, а точнее – точка зрения (или угол зрения) на хронологию, выбор и осмысление отдельных событий, что видятся нам знаковыми на общем фоне непрерывного потока исторической жизни.

В данном очерке, посвященном отрезку истории Европы от 1000 до 1500 года (слово то какое «отрезок» – разве можно назвать целую плеяду исторических эпох на территории всей Европы «отрезком»? Кошунство да и только... Но что только не сделаешь для пользы познания в виртуальной лаборатории под названием «жизнь»...). Так вот, в данном очерке условным эпицентром событий мы выбрали средневековую Францию. Понятно, что Франция – это далеко не вся Европа, но история Европы во многом тогда

вершилась во Франции. Да и французские историки описали эти события так вольно и сочно, что часто вызывает восхищение, и, нередко – желание с ними поспорить. Просто потому, что среди сочных образов, ярких картин и смелых утверждений, иногда обнаруживается несколько странноватая логика аргументации и заключительных выводов по различным событиям и их движущим силам.

Название очерка «Феодализм и эпоха Возрождения» – это, конечно, больше дань традиции, и европейской, и отечественной исторической традиции. Феодализм, как таковой, мы рассматривать не собираемся, просто принимаем его как весьма большую вероятность, позволяющую нам говорить: «Да! Это происходило в эпоху феодализма, и мы кое-что из этой эпохи хотели бы осмыслить...».

То же самое и с эпохой Возрождения – мы говорим, что феодализм сменился эпохой Возрождения, но везде были свои особенности – где-то эта эпоха наступила ранее, где-то – позднее, где-то вообще был затяжной феодализм...

Мы просто надеемся, уважаемый читатель, что по ходу нашего небольшого очерка-текста, наш замысел станет вам понятен и достаточно прозрачен – в конечном итоге – он всё равно изначально субъективен и абсолютно не претендует быть всеобъемлющим и единственно истинным.

Как утверждал в прошлом веке весьма признаваемый нами французский историк-мыслитель Марк Блок: «История, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями». [1]

Мы не будем прибегать к неоправданным обвинениям и поспешным реабилитациям. Наша задача – прочертить в «лабораторной тетради» некие штрихи и линии, чтобы сформулировать несколько весьма субъективных, можно даже сказать, весьма личностных гипотез, которые касаются попыток понимания давно ушедшей эпохи.

Обосновывая и поясняя свой самонадеянный субъективизм (чтобы более не возвращаться к этому моменту, намозолившему наши мыслительные нервы), мы прибегнем к аргументам еще двух весьма близких нам философов истории. Русский философ Л.П. Карсавин, в первой половине XX века высказал в защиту исторического субъективизма очень точную, на наш взгляд, мысль, которая принципиально объясняет наш подход и нашу точку зрения в любом историческом исследовании: «Своего рода историческими трудами являются автобиографии, такие – чтобы указать на лучшие образцы – как «Confessiones» Августина, «Confessions» Руссо, самоописания Кардано и Гете. В них автор научно исследует собственное свое развитие, исходя из момента написания, в нем и чрез него понимая весь процесс и этот процесс оценивая с точки зрения абсолютного (или ошибочно абсолютированного) идеала. Именно такую оценку и такое понимание принято считать недостатком, субъективизмом. При этом забывают, что всякий историк поступает точно таким же образом, только с большею бессознательностью и меньшею очевидностью. Сам по себе, подход автобиографа к своей жизни является не умалением, а прибылью «научности». Тем, что автобиограф рассматривает свою жизнь с определенной точки зрения, он не искажает действительности, а познает её единственно возможным способом – как осуществление и раскрытие всеединства его личности в данном моменте. Не выбрав себе точки зрения, ничего нельзя увидеть; вопрос лишь в том, удачно ли она выбрана, правильно ли понят и уяснен центральный момент». [10]

Также, близка нам точка зрения, которую исповедует французский философ истории Поль Вен: «События – не вещи, не самостоятельные объекты, не субстанции; они представляют собой картинки, которые мы по своему выбору вырезаем из действительности, соединение процессов, где действуют и страдают взаимодействующие субстанции – люди и вещи. События не имеют естественной цельности; мы не можем как умелый повар из Федры, разрезать их точно по сочленениям, поскольку таковых у них нет.

Эта истина, как бы проста она ни была, стала понятна лишь в конце прошлого века, и её открытие вызвало определенный шок; заговорили о субъективизме, о разрушении предмета истории. Это можно объяснить лишь исключительной событийностью историографии вплоть до XIX века и узостью её взглядов; существовала общепринятая великая история, особенно политическая, с «утвержденными» событиями. Несобытийная история стала своего рода телескопом, который, открыв нам на небе миллионы звезд, неизвестных античным астрономам, позволил понять, что наше распределение звездного неба на созвездия субъективно». [4]

Немецкий философ и мыслитель XX века Карл Ясперс, обосновал идею «осевого времени» [13], как точку отсчета и точку опоры для «оси мировой истории». Он утверждал, что «осевое время» имело место между 800 и 200 гг. до н.э. и занимало эпоху, продолжительностью около 500 лет. Весьма вероятно, что так оно и было. Хотя до сих пор никто не знает ответа: почему и отчего явилось это «осевое время», чем оно обусловлено и куда исчезло?

Так вот, мы бы и хотели высказать мысль, что 1000-1500 гг. в истории Европы это тоже осевое время европейской истории, то есть время, когда Европа становилась Европой в современном понимании. Время, во многом предопределившее и сформировавшее современную Европу в её основных границах, тенденциях, взаимоотношениях и устремлениях.

Как говорит французский историк Ф.Бродель, всеобщее возрождение последовало за рубежом 1000 года.

Ф.Бродель легко оперирует цифрами и циклами. Они обладают у него постоянной гибкостью и мобильностью. Когда это касается истории средневековой Франции – циклы легко смещаются и передвигаются – 50, 100 или 200 лет разницы – для него это не принципиально: «около 1100 года, чуть раньше или чуть позже, погода в западной экономике изменяется и барометр долгие века будет показывать «ясно»... Происходит инверсия, переворот. Эта инверсия вызывает множество вопросов, относительно её причин и следствий». [3]

Не вносит ясности, на удивление, всегда стремящийся к точным формулировкам Марк Блок: «Медиевисты говорят о Ренессансе XII века – конечно, это было великое интеллектуальное движение. В действительности оно началось около 1060 года...Движение народонаселения с 1050 до 1250 гг., которое преобразило облик Европы». [1]

Весьма неясно и про интеллектуальное движение и про движение народонаселения. Ф.Бродель называет это движение романтично – «взлет новосозданной Европы», и, ссылаясь на английских историков, приводит динамику роста населения.

Франция:

1100 г. – 6200 тыс. чел.

1328 г. – ок. 20000 тыс. чел.

Англия:

1100 г. – 1300 тыс. чел.,

1346 г. – 3700 тыс. чел.

(троекратный рост численности населения).

«Всюду есть крестьяне – они заселяют и перезаселяют города. Они являются причиной демографического взрыва». [3]

В другом месте у Ф.Броделя мы находим: «Взлет европейских городов начался около 950 г.». Чуть ранее это звучало так: «Новый расцвет Европы начался с 1000 года» [3].

Причины «взлета» и движения называются разные: 1) окончание Римской эпохи (конец Рима); 2) переход от рабства к крепостничеству и серважу, что стало стимулом для производства; 3) упадок государства и распад общества, которое утратило свои структуры; 4) народы, живущие на территории Западной Европы научились бороться с венгерскими всадниками и ладьями викингов – вторжения варваров прекратились, что обусловлено усилением могущества Запада.

Подводя итог поискам причин и следствий, Ф.Бродель формулирует яркую и оригинальную гипотезу: «важное новшество X и последующих

веков заключается в том, что место римского мира-экономики занимает новый мир-экономика. Средиземное море утрачивает свою роль, теперь на первом месте Запад, земля Европы. Два противоположных полюса этого нового мира – Италия и Нидерланды, переживающие явный подъем, а центр – ярмарки в Шампани и в Бри, куда съезжаются торговцы со всего света. Начинается Возрождение, «подлинное», если верить таким крупным медиевистам, как Армандо Сапори и Джино Луццато. Но пригодно ли само слово «Возрождение» – ведь оно предполагает возврат к старому, повторение того, что уже было? На мой взгляд, речь идет о ранее не существовавшем, о неоспоримом новшестве. О рождении Европы». [3]

И далее, его настигает, как нам видится, очень перспективное прозрение, которое он предпочитает далее не развивать: «Ярмарки в Шампани и в Бри приобретают международное значение в 1130-1160 годах – обратите внимание, что это все же происходит гораздо позже знаменательной даты – начала первого крестового похода (1095 г.). Быть может, причиной для сплочения послужило нечто вроде сильной отдачи после крестовых походов? Как бы там ни было, отставание одного процесса от другого очевидно». [3]

А перспективное прозрение заключается в том, что, сопоставив даты (что чему предшествует), мы видим, что после первого крестового похода, через 30 с небольшим лет появляются ярмарки во Франции и начинается экономический подъем. Неужели так трудно заметить эту взаимосвязь? Но по традиции, установленной в средневековой Европе, крестовые походы принято рассматривать как преимущественно религиозные, едва ли не стихийные движения, забывая о том, что одной из главных движущих сил этого движения являлись торгово-экономические интересы нового купеческого класса Европы (в первую очередь Италии и Франции). Соответственно, был открыт новый торговый путь, связавший Европу с Ближним Востоком, минуя Византийскую империю. Созданные рыцарские ордены тамплиеров и госпитальеров имели мощную (по тому времени)

экономическую составляющую, позволяющую содействовать развитию торговли и обогащению феодалов, купцов и папских казначеев.

Почти два века продолжалась серия крестовых походов, и, несмотря на стратегические неудачи в отдельных случаях, в целом, это военно-экономическое движение на восток под стягом креста и христианской веры, позволило активизировать торгово-экономическую жизнь в Европе, не говоря о тех финансовых и культурных богатствах, которые были получены в результате ограбления Ближнего Востока, Византийской империи, островов Средиземного моря, и шли непосредственно в Европу, что во многом послужило активизации торгово-экономической и культурной жизни зарождающейся новой Европы. Один лишь пример захвата и ограбления крестоносцами столицы Византии Константинополя в 1204 году, наглядно говорит о масштабах присвоенных богатств с помощью меча и под флагом римского папы.

Эта же «апробированная» на Востоке технология борьбы с «неверными», захватившими гроб господень, была использована не только против христианского, но православного Константинополя, но и против своих европейских христиан-еретиков. Мы имеем ввиду Альбигойские войны (1209-1299 гг.) на юге Франции (Лангедок). Под флагом крестового похода северо-французские феодалы завоевали богатые южные провинции и присоединили их к королевскому домену (с одобрения и при поддержке папы римского). [11]

Технологию средневековых крестовых походов хорошо освоили современные политические и военные круги США и НАТО. Они с успехом её применяли в Ираке, Югославии, Афганистане. Только теперь это называется не «наказать еретиков», а «восстановить демократию» – под знаменем восстановления демократии собираются военные коалиции европейских вассалов США (чтобы усилить военную и политическую зависимость «союзников»). Итог и смысл – одинаков. Всё делается к выгоде торгово-экономических интересов США (в первую очередь) и союзникам

тоже кое-что «перепадает» (внимательно читайте и анализируйте события новейшей современной истории, и вы без особо труда обнаружите сходство технологий крестовых походов XI – XII – XIII веков и современных военных коалиционных акций США и НАТО).

Завершением эпохи крестовых походов можно назвать разгром рыцарского ордена тамплиеров королем Франции Филиппом IV Красивым в 1307 году. Тамплиеры, субсидировавшие «обедневшего» короля, были обвинены в ереси и в значительной части были физически уничтожены. [2]

Как не удивительно, но и в этом историческом событии не трудно увидеть «технологию», взятую на вооружение лучшими умами Европы, и до сих пор используемую в европейской и мировой политике: В XVI веке – Варфоломеевская ночь в той же Франции или «ночь длинных ножей» в Германии в 1934 году. В определенной степени к этому классу событий можно отнести холокост и революционный террор в XX веке (Германия, СССР, Китай и др.).

Госпитальеры, или впоследствии, Мальтийский орден, уцелели только потому, что спрятались на острове Мальта, да и весьма вероятно, вложили свою «лепту» в дело погрома своих конкурентов тамплиеров, инициируя эту акцию через Ватикан (но не будем их дискредитировать, как говорил Марк Блок, в бездоказательных обвинениях. Это всего лишь гипотеза, бытующая в европейской историографии на протяжении нескольких веков). [5]

Современные исследования символики средневековой Европы – интересная и плодотворная тема [12], особенно для любителей мистики и психоанализа. Но было бы весьма полезно дополнить их исследованиями эволюции и трансляции социальных технологий, которые берут свои истоки в разных исторических эпохах и по-прежнему бытуют в современном европейском обществе. Это дает ключ к пониманию социально-политических процессов, имеющих место в Европе сегодняшнего дня.

В истории Европы XI-XV веков немало событий, которые можно отнести к разряду особо значимых. Безусловно, к таким событиям можно

отнести Столетнюю войну 1337-1453 гг. Официальная версия утверждает, что война была вызвана претензиями королей Англии на французскую корону после прекращения династии Капетингов (987-1328 гг.).

Англичане регулярно били французов за счет лучшей дисциплины и военной организации. Особенно наглядный классический пример – Битва при Креси (1346 г.), где английские пехотинцы и лучники наголову разбили французскую рыцарскую конницу.

В конце концов, Франция выиграла войну, но цена потерь была очень велика. Как говорит Ф.Бродель: «Франции и всему Западу потребовалось не меньше столетия (1450-1550), а то и двести лет (1450-1650), чтобы зарубцевалась эта глубокая рана».

Отдельной истории заслуживает катастрофа населения Европы, произошедшая в 1347-1350 гг. Чума, завезенная в южные порты Франции, двигалась с юга на север – от 25 до 50%, а иногда 80-90% населения было стерто с лица земли. [3]

Англичане, после окончания Столетней войны, устроили на своем острове 30-летнюю войну «Алой и Белой роз» (1455-1485). В некотором роде, её можно считать прототипом нашей Гражданской войны 1917-1922 гг., но достаточно условно. Помимо сходной символики «белые» и «красные» много сходных архетипов индивидуального и коллективного (массового) происхождения прослеживается в любых гражданских войнах.

Хотелось бы, конечно, затронуть самую красивую мифологическую легенду французской средневековой истории: где бедная девушка, пасущая гусей, становится отважным и хорошо обученным воином, и спасает Францию и её короля – но эта история, несмотря на её многократные интерпретации и расследования, содержит слишком много мистического и в чем-то сильно похожа на историю с нашими отечественными Лжедмитриями. Хотя, само собой, девушка, безусловно, настоящая героиня.

В XI веке, в правление Ярослава Мудрого, Древняя Русь (так именуемая в отечественной историографии) была вполне европейской

страной (в советское время даже фильм такой был «Ярославна – королева Франции», основанный на реальных исторических событиях). Но в 1054 году произошел раздел русской земли между сыновьями Ярослава Мудрого и пошли распри-междоусобицы, длиною в два века (были, конечно, перерывы и затишья).

В итоге, Русь все-таки страна европейская. Но подошла монгольская пассионарная волна и не было от неё надежной защиты. Так началось монгольское иго (о котором так много пишут и спорят отечественные историки). Тем не менее, Русь накопила в себе силы и сконцентрировала их в Московском княжестве и к 1480 году – иго иссякло (так чаще всего утверждают) и Русь начала расти и становиться могучей и необъятной.

«Когда в 1462 году на престол вступил Иван III Великое княжество Московское было сравнительно небольшим государством. Его территория ограничивалась примерно 430 тыс. кв.км. К 30-м годам XVI в. она выросла более чем в шесть раз, и Русь стала одним из крупнейших европейских государств». [9]

В истории России, как и в истории Европы, много событий и ярких картин, но «белых пятен» и неразгаданных тайн тоже есть немалое число. И все они ждут наших субъективных взглядов, как алхимики ждут «философского камня». Философский «камень», или, точнее, метод понимания истории никогда не сможет избавиться от субъективного ценностно-личного осознания и понимания истории. И всегда этот процесс постижения исторического прошлого будет процессом бесконечно продолжающимся, фрагментарным, осколочным. Ибо отдельному человеку дано осознать только крошечные фрагменты истории.

Массового же исторического сознания как единой исторической истины просто не существует. Это может быть уделом только неземных, космических разумов или демиургов.

Но у каждого из нас есть законное право – субъективное познание истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, доп. Пер. с фр. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
 2. Бордонов Ж. Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке. М.: Молодая гвардия, 2004. 256 с.
 3. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи, Ч. 1. Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.
 4. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. (Приложение) – Фуко совершает переворот в истории. – М.: Научный мир, 2003. – 394 с.
 5. Верто Рене-Обер, аббат. История мальтийских рыцарей. В 2-х т. Т. 1. Пер. с англ. – М., 2014. – 927 с.
 6. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (Опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк первый / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4). – С. 137-150
 7. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк второй / А.В. Винобер.// Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018.- № 3(5). – С.115-136
 8. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк третий: «Темное» Средневековье / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 4(6). - С. 66-73
 9. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982. – 333 с.
 10. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: АО Комплект. 1993. – 351 с.
 11. Осокин Н. История альбигойцев и их времени. – М.: АСТ, 2003. – 896 с.
 12. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. – СПб.: Александрия, 2012. – 418 с.
 13. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Перс. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
-

УДК 94

**ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ
ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА).
ОЧЕРК ПЯТЫЙ: НОВОЕ ВРЕМЯ (1501-2000 гг.)⁷**

Число событий, относящихся к этому историческому периоду (1501-2000 гг.) невероятно велико и практически необозримо для скромного формата нашего очерка. Поэтому мы обречены больше говорить не о конкретных событиях (лишь только изредка их упоминая), а говорить о процессах и тенденциях, в надежде обнаружить некий общий образ (или несколько характерных картин, абрисов и сюжетов), позволяющих «освежить» понимание того ушедшего исторического, где было такое обилие войн, эпидемий, свершений, становлений, распадов, покорений и иных мелких атомов европейской истории.

Ключевые слова: история Европы, «Закат Европы», реформации, война, промышленный переворот.

**EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND
FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING).
THE FIFTH ESSAY: NEW TIME (1501-2000)**

The number of events relating to this historical period (1500-2000) is incredibly large and almost immeasurable for the modest format of our essay. Therefore, we are doomed to talk no more about specific events (only occasionally mentioning them), but to talk about processes and trends, hoping to discover some common image (or several characteristic pictures, outlines and scenes), allowing us to “refresh” the understanding of the past historical, where there was such an abundance of wars, epidemics, accomplishments, formations, decays, conquests and other small atoms of European history.

Key words: history of Europe, “Decline of Europe”, the Reformation, war, industrial revolution.

Продолжая серию исторических эссе [3, 4, 5, 6], мы вплотную подошли к нашему времени, к новейшему периоду (в субъективной классификации) истории Европы, т.е. к XXI веку, который еще так удивительно мал – всего только 19-й год отсчитывает. В нем крайне трудно будет отыскивать исторические закономерности и тенденции. Но это – задача последующего очерка. В данный момент, мы попытаемся совершить «головокружительный» экскурс по последним пяти столетиям истории Европы (с 1501 по 2000 гг.), и назовем это время новым, или историей Европы Нового времени.

Часто цитируемый нами Фернан Бродель, говорит о том, что это прекрасная возможность обозреть пять столетий и выявить невидимые

⁷ Опубликовано: Винобер А.В. [История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк пятый: Новое время \(1501-2000 гг.\)](#)/ А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2019. - 2(8). - С. 30-38.

исторические процессы, позволяющие сделать выводы: «Рассматривая пять столетий, которые протекают с 1450 до 1950 года, плюс маленький отрезок времени, доходящий до наших дней, как одно целое, как один период – значит сознательно оставить в стороне множество перемен, множество совершенно удивительных событий нашего прошлого и попытаться уловить подспудные исторические процессы, которые ускользают от внимания обычных хроник. Многовековой материал обеспечивает самую лучшую перспективу, единственную, которая позволяет подвести исторические итоги». [2]

Карл Ясперс, оценивая первые три столетия из пяти нами выбранных, обнаруживает еще одну ось мировой истории: «Замечательные духовные творения Европы 1500-1800 гг., перед которыми блекнут достижения науки и техники, – творения Микеланджело, Рафаэля, Леонардо, Шекспира, Рембрандта, Гете, Спинозы, Канта, Баха, Моцарта – заставляют нас сопоставить европейскую культуру с осевым временем две с половиной тысячи лет тому назад. Следует ли видеть в этом более близком нам времени вторую ось истории человечества?» [9].

Чрезвычайно трудно для пяти последних веков найти какой-то общий знаменатель, но историки всегда в непрерывном поиске, и в результате, в XX веке такой знаменатель обнаружили. Звучит это как «Закат Европы» (по одноименному названию нашумевшей книги Освальда Шпенглера). Наш соотечественник, философ и психоисторик Николай Бердяев, называл это несколько иначе: «Могущественное чувство, вызванное мировой войной можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной». [1]

Не все согласны с «Закатом», но большинство историков и философов истории никак не может пройти мимо, чтобы не озвучить эту тему в своей интерпретации. «В средневековье Европа отождествлялась с христианством. К XIX в. Европа превратилась в регион промышленной революции, в регион наиболее бурного развития науки и техники. Европейское преобладание в

развитии человечества длилось не так уж долго; для XX в. характерны представления о закате Европы, ибо гораздо более динамичные конкуренты обогнали и оттеснили с передовых рубежей Старый Свет». [8]

Если делать обзор всех пяти столетий и выявлять основные тенденции и итоги, то нам конкретно симпатичен тот диагноз, что был озвучен в конце XIX века, русским историком, профессором М.Н. Петровым. Отличительные черты новой истории:

1. Реформация западной церкви.
2. Возникновение идеи и системы политического равновесия.
3. Сильное развитие абсолютной монархии, в различных формах и разными династиями.
4. Идущая почти повсеместно борьба со старым общественным строем, со средневековыми учреждениями и порядками, и стремление установить социальные отношения на новых началах свободы и равенства.
5. Стремление европейских народов к политической самобытности и независимости, развитие национальных начал и стремление к объединению.
6. Важная роль общественного мнения и литературы.
7. Распространение европейских колоний, а с ними и европейской жизни и образования во всех частях света.
8. Быстрое и всестороннее развитие науки и изобретений, совершенно изменившее все условия жизни общественной и частной.
9. Мощное промышленное развитие, какого не было в средние века; интересы материальные, промышленные начинают играть такую важную роль, что ими в значительной мере обуславливается и самое движение политических событий. [7]

Присоединяясь к оценке новой истории Европы, осуществленной профессором М.Н. Петровым более чем 130 лет назад (он, естественно, ничего не знал о «Закате Европы» и о том, что будет происходить в Европе и в России в следующем (для того времени) XX веке), мы просто добавим

толику своих субъективных мнений и утверждений, глядя на отрезок (эпоху) из европейской истории, протяженностью в пять столетий.

Число событий, относящихся к этому историческому периоду (1501-2000 гг.) невероятно велико и практически необозримо для скромного формата нашего очерка. Поэтому мы обречены больше говорить не о конкретных событиях (лишь только изредка их упоминая), а говорить о процессах и тенденциях, в надежде обнаружить некий общий образ (или несколько характерных картин, абрисов и сюжетов), позволяющих «освежить» понимание того ушедшего исторического, где было такое обилие войн, эпидемий, свершений, становлений, распадов, покорений и иных мелких атомов европейской истории.

1. XVI-XVII века – это серия реформаций, религиозных войн, становление протестантизма, католической реакции. Это развитие абсолютизма в разных странах и освоение новооткрытых частей света.

1517 год – начало реформации в Германии, последующие религиозные войны и Аугсбургский религиозный мир в 1555 году.

В Англии – правление Генриха VIII (1509-1547) и его Акт о супрематии в 1534 году (после ссоры с Папой Римским, Генрих VIII сам оказался во главе английской церкви).

Чуть позднее – 1562-1594 гг. – религиозные войны во Франции. Правление Генриха IV и религиозное примирение.

1494-1559 – итальянские войны и католическая реакция в Италии. Особенно жалко замечательного философа Джордано Бруно, сожженного (как еретика) на костре в вечном городе Риме, на Площади цветов в 1600 году.

Но в 1572 году, в этом чудесном городе Париже, была еще Варфоломеевская ночь – кровавый разгул католического фанатизма.

Весь XVI век испанское королевство наслаждалось «дарами природы» из колоний Нового Света (золото, серебро, изумруды...) и вело войны за чистоту веры и испанское наследство. В итоге, в 1588 году (в эпоху

Елизаветы) произошло печальное событие – гибель «Непобедимой Армады» (огромного испанского флота, отправленного к Британским островам), что привело английское королевство к титулу «Англия – владычица морей» – гегемония продлилась более трех веков.

Религиозные войны, реформации, реакции прокатились практически по всем странам Европы (Нидерланды, Швейцария, Швеция, Польша...).

2. Морское господство (или пассионарный толчок – по Л.Гумилеву) вызвало в Англии бурный XVII век.

С 1607 г. – появление первой английской колонии в Северной Америке. Борьба с абсолютизмом завершилась буржуазной революцией с казнью короля Карла I, и последующей эпохой Кромвеля. В итоге – рождение неповторимого английского парламента.

В Германии – тридцатилетняя война (1618-1648) принесла неисчислимые бедствия и потерю четверти населения страны. Во Франции блистал Кардинал Ришелье (1624-1642).

В России – XVI век – становление русского царства и абсолютизма в лице Ивана Грозного, чем-то похожего на английского предтечу Генриха VIII, но кажется еще более свирепого и кровопролитного.

XVII век в России начался также беспокойно – Смутные времена, самозванцы и дорвавшиеся до Кремля поляки, народное ополчение и приход к власти династии Романовых.

И по всей Европе – бесконечные войны, изредка прерывающиеся перемирием.

Хорошо, что еще в Азию путь был относительно свободен и царство русское начало стремительно расти на Восток (тоже пассионарный взрыв – иначе никак не объяснить).

3. XVIII век – промышленный переворот в Англии.

Петр I пытался такой же переворот устроить в России, но все силы и энергия ушли на непрерывные войны (Северная война с Швецией, 1700-1721) и другие. В итоге, Россия переключилась на дворцовые перевороты и

весь XVIII век на престоле преобладали царственные особы женского пола. Одна из них – Екатерина II – интенсивно пыталась играть роль просвещенного абсолютного монарха – в итоге подарила государству российскому предельную форму крепостничества, заложив тем самым фундамент будущей Великой Октябрьской революции 1917 года.

Во второй половине XVIII века существенно ослабла Турецкая империя – Россия успешно двинулась на Юг. Бесконечные русско-турецкие войны значительно расширили территорию российского государства, и дали русской истории одного из самых замечательных полководцев – Александра Суворова, кроме прочего, жестоко подавившего крестьянские восстания и польскую освободительную войну под началом Костюшко.

Война за независимость колоний в Северной Америке (1775-1783) открыла новую страницу истории, которая проявит себя в XIX веке и особенно – в XX веке. Не исключено, что бактерии Великой Французской революции 1789 года были завезены из Северной Америки. Вероятно, могло произойти психическое заражение, ведь французы активно участвовали в войне за независимость североамериканских колоний (но это только рабочая гипотеза).

Французская революция вскоре продемонстрировала всей Европе первый образец классического революционного террора (1793-1794 – Якобинский террор).

1740-1780 – время правления великой австрийской императрицы Марии Терезии и её сына Иосифа, расцвет австрийской монархии, наследники которой станут впоследствии причиной (точнее, поводом) Первой мировой войны.

4. Век XIX в Европе начался эпохой наполеоновских войн. Кумир французских пролетариев и великих немецких философов (в частности, амбициозного идеалиста Гегеля) в течение 15 лет (в начале XIX века) сотрясал Европу, и совсем потеряв чувство реальности, отправился в 1812 году завоевывать Россию. В итоге – похоронил там почти всю доблестную

французскую армию и позорно бежал в Париж. После Ватерлоо (1815) Наполеона отправили в ссылку на далекий остров в Атлантическом океане, а Россия, в лице просвещенного императора Александра I, взяла на себя функцию главного укротителя революционных и освободительных движений. Далее последовала попытка установления в России конституционной монархии (в декабре 1825 г.), закончившаяся полным разгромом и продлением крепостного права и абсолютной монархии.

В Англии в 1837 году взошла на престол королева Виктория и долго там пребывала (1837-1901) – впоследствии это время назовут «Золотым веком Британской монархии» или «викторианской эпохой».

После одоления Наполеона, пути союзников (России и Англии) начали сильно расходиться, и можно сказать, что с этого времени (за редчайшим исключением) Англия всегда проповедовала антироссийскую позицию в большинстве международных конфликтов и в мирное время.

В 1854-1856 гг. Англия и Франция сумели объединиться в Крымской войне против России.

В 1850-1860 гг. – произошел так называемый «промышленный переворот» в Германии. Германия объединилась под началом милитаристской Пруссии и в 1871 году в центре Европы появилась Германская империя, принеся миру в XX веке две мировые войны.

5. XX век, который начался большим подъемом в Европе, расцветом науки, культуры, экономики, неожиданно для подавляющего большинства европейского населения вылился в Первую мировую войну (1914-1918), принесшую неисчислимые разрушения и жертвы. Прекратило свое существование три империи, в том числе и Российская империя: в результате двух революций 1917 года к власти в России пришли большевики, и началась кровопролитная Гражданская война (1917-1922).

Главным итогом Первой мировой войны стало утеkanie былой европейской (в том числе финансовой) мощи в США. Так что, начало

американского века можно отсчитывать от 1918 года, и в прошлом году ему уже было сто лет...

Через 20 лет после окончания Первой мировой войны, Германия, к власти в которой в 1933 году пришли фашисты во главе с Адольфом Гитлером, спровоцировала (и подготовила) Вторую мировую войну. Вторая мировая война оказалась еще более жестокой и печальной по своим последствиям. Главный итог Второй мировой войны – усиление мировой гегемонии США в 1945 году. Самые справедливые и свободолюбивые американцы (с помощью европейских ученых) создали в 1945 году атомную бомбу и дважды применили её против Японии, продемонстрировав миру свой статус гегемона.

Далее последовала «холодная война» и создание атомной бомбы в СССР (1949). Немного позднее появились водородные бомбы.

В 1961 году СССР отправил в космос первого человека – Юрия Гагарина, и Никита Хрущев, руководитель СССР, пообещал к 1980 году построить коммунизм.

В 1973 году, США, после нефтяного кризиса (который, скорее всего, они сами и организовали) открыли новую финансовую эпоху – мировой долларовой экономики.

В 1989-1991 гг. после разрушения европейского социалистического содружества и самого Союза ССР окончательное доминирование в мировой политике перешло к США.

Естественно, что мы изложили максимально краткую версию европейского исторического процесса в Новое время. Вся же история Европы невероятно богата и насыщена событиями, о которых можно рассуждать практически бесконечно...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринтное издание 1918 года. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.

2. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи, Ч. 1. Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.

3. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (Опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк первый / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4). – С. 137-150.

4. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк второй / А.В. Винобер.// Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018.- № 3(5). – С.115-136.

5. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк третий: «Темное» Средневековье / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 4(6). - С. 66-73.

6. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк четвертый: «феодализм и эпоха Возрождения» / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2019. – 1(7). – С.29-41.

7. Лекции по всемирной истории. Проф. М.Н. Петров. Т. 3. История новых веков (реформационная эпоха). В обработке проф. В.П. Бузескула. изд. 2-е, исправ. и доп. Издал В.Березовский – СПб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1904. – 248 с.

8. Метаморфозы Европы. – М.: Наука, 1993. – 255 с.

9. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Перс. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

УДК 94

**ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ
ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА).
ОЧЕРК ШЕСТОЙ: XXI ВЕК⁸**

Представлены некоторые размышления автора, как будут развиваться события в истории Европы в течение ближайших десятилетий. Можно сказать, что в XXI веке Европа уже почти упустила свой исторический шанс на цивилизационное лидерство (в первую очередь – геополитическое), и в ближайшие 20-30 лет маловероятно возвращение в статус «геополитического законодателя мод», каковыми будут оставаться Соединенные штаты Америки.

Ключевые слова: история Европы, Европейский Союз, Брексит, интеграция, прогноз.

**EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND
FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING).
THE SIXTH ESSAY: XXI CENTURY**

Some ideas of the author are presented, how events in the history of Europe will evolve over the coming decades. It can be said that in the 21st century, Europe has almost lost its historical chance for civilizational leadership (primarily geopolitical), and in the next 20-30 years it is unlikely to return to the status of a “geopolitical trendsetter”, which will remain the United States.

Key words: European history, European Union, Brexit, integration, forecast.

15 апреля 2019 года. Париж. Величайший образец готики на глазах у тысяч прохожих и миллионов интернет пользователей, исчезает, пожираемый пламенем. Эти кадры из самого сердца Парижа, острова Сите, транслировали все мировые СМИ и передавали в соцсетях.

Пропали в огне десятки редких книг, икон и картин. Залит водой крупнейший и старейший в Европе орган из восьми тысяч труб. Официальная версия – короткое замыкание при ремонтных работах. Но в компании, которая производила реконструкцию, в неё не верят. [5]

Президент Франции Эмманюэль Макрон, весь вечер находившийся на месте событий, заявил, что собор будет восстановлен: «Мы справимся с этим несчастьем». Он пообещал провести международную кампанию по сбору средств на его реставрацию. Макрон назвал случившееся ужасной трагедией,

⁸ Опубликовано: Винобер А.В. [История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк шестой: XXI век](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2019. – 3(9). – С.27-33.

но в то же время отметил, что худшего варианта развития событий удалось избежать. [3]

Сбор средств на восстановление Норт-Дама – вот золотая жила. Сколько фондов готовы получить ваши денежки, и сколько из них настоящие, пожалуй, не сосчитать. [5]

Нотр-Дам – символ Франции и всей Европы. И этот, якобы случайный пожар от короткого замыкания – весьма символичен для современной Европы и современного политического мира. Чем-то удивительно незримым он напоминает события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда компания саудовских вчерашних студентов, бывших бедуинов, ввела в стрессовое состояние могучую армию США, и совершила грандиозный теракт, похожий на фильмы Голливуда об Апокалипсисе. В итоге – вторжение в Афганистан, замаскированное под акт возмездия.

Слава богу, в Париже обошлось без многочисленных жертв. Пострадали только материальные и духовные ценности. Но обыватели были шокированы. И у правительства Макрона теперь есть замечательный «козырь», точнее «два»: объединение нации во имя спасения и восстановления Норт-Дам, включая и непопулярные экономические, налоговые меры, и возможность успешной борьбы с «желтыми жилетами» при поддержке общественного патриотического мнения. О том, кто придумал «желтых жилетов» (как и прочие «цветные революции») мы не в силах даже догадаться. Но кто-то же придумал, и кто-то обильно финансирует (?).

Кажется, это вовсе не французская коммунистическая партия, а какая-то более секретная организация, нежелающая публично признаваться в своих истинных замыслах. Оставим этот вопрос более поздним историкам XXI века. В конце столетия он (вопрос), возможно, прояснится, но возможно, мы и не узнаем достоверной правды. Это нередкое явление, как в европейской, так и в мировой истории.

В данный момент нас больше беспокоит вопрос: как будут развиваться события в истории Европы в течение ближайших десятилетий, и что мы

сможем увидеть, например, в 2050 году – единую процветающую Европу или её печальный закат, красочно обрисованный Освальдом Шпенглером столетие тому назад?

Исходя из определенных субъективных предпочтений, мы ведем отсчет истории Европы в XXI веке от 1999 года. [1]

В 1999 году валовый продукт Европейского Союза составил 19,8% общемирового, уступая только американскому – 20,4% [4].

Европа пытается создать противовес доминированию США в многополюсном мире, и западно-европейская интеграция дает Европе новый шанс. Но вопреки благородным экономическим устремлениям европейцев, США (главный экономический конкурент и гегемон) обвинил Югославию (Сербию) в нарушении прав человека в Косово, активно используя своих европейских союзников по НАТО, нарушая устав ООН, развязывает «благородную» войну за демократию (после войны во Вьетнаме, позорной и неблагородной, стало традицией создавать «благородные поводы» для вторжения вооруженных сил США в любую страну мира). Территория Сербии подвергается бомбардировкам, гибнут военные и мирные жители, и в этом участвуют армии европейских стран. Так начинается новейшая история Европы XXI века.

В 2000 году появляются реальные подтверждения того, что американская экономика утрачивает былые темпы роста, и происходит отток капитала из американской экономики.

В феврале 2001 года США наносят ракетно-бомбовый удар по Ираку. Надо было установить контроль над нефтяными месторождениями в Персидском заливе.

11 сентября 2001 года – террористический акт исламских (?) фундаменталистов в Нью-Йорке.

Октябрь 2001 года – начало военных действий США и стран антитеррористической коалиции (в основном – европейских) на территории

Афганистана (под видом акта благородного возмездия за атаку в Нью-Йорке).

1 января 2002 года – большая часть Европы принимает в качестве основного платежного средства «евро». Происходит падение курса доллара по отношению к евро. Вскоре США заявляют о своей готовности силовым способом сменить Иракский режим. Против операции в Ираке выступают Франция, Германия, Россия и Китай. Но секретные службы Великобритании представляют данные, подтверждающие наличие оружия массового поражения в Ираке.

Февраль-апрель 2003 года – США и Великобритания вторгаются в Ирак и достигают быстрой и полной ликвидации режима Саддама Хусейна.

После завершения военной кампании в Ираке, неожиданно выясняется, что данные британской разведки о наличии оружия массового поражения в Ираке были сфальсифицированы. [2].

В 2002 году начинается ухудшение взаимоотношений между США и Россией, что происходит по нарастающей, и в значительной степени связано с активным продвижением российских газовых проектов в Европу и с наличием в Европе политико-экономического интереса к этим проектам, что вызывает активное противодействие американских спецслужб.

Известный политолог А.И. Уткин считал, что у Европы на XXI век есть три основных сценария развития:

1. ЕС отказывается от амбиций достижения равных с США позиций;
2. Расширение ЕС, взаимоотношение с США. Соединенные штаты будут стремиться использовать дружественную Британию. Это вызовет антиамериканское ожесточение Германии и Франции;
3. Европа превращается в централизованную державу и единственного реального соперника США – такой вариант беспокоит США больше всего. Они будут стремиться разделить европейцев.

Оставить второй по могуществу регион Земли без всякого контроля американское руководство не готово. Слабость же ЕС – не в экономических показателях, а в неспособности принимать стратегические решения. [4]

С 1945 года США успешно справляются с ролью «Старшего брата» Западной Европы. И в последние 30 лет основное бремя в этой задаче несут американские и британские спецслужбы, активно осуществляющие свою деятельность на территории всех государств Европы.

По существу, происходящие в Европе основные политические события, содержат элементы из всех трех перечисленных сценариев, но начинает доминировать второй сценарий.

«Брексит» - это явно проамериканский проект из второго сценария. Как, впрочем, наводнение Европы многочисленными эмигрантами – беженцами из Африки и Ближнего Востока. Последний проект (эмигранты) позволяет в любой момент осуществить дестабилизацию в ЕС, посредством терактов каких-нибудь «исламских фундаменталистов» из числа беженцев. В первую очередь, этот проект направлен против Германии и Франции, как лидеров Европейского Союза.

Миграционное нашествие с юга и востока ни в коей мере не является стихийным процессом и вполне обнаруживает в себе черты проекта заокеанских «фабрик мысли». США, потерпев неудачу с «грузинским проектом» в 2008 году, более основательно и продуманно, через «братские спецслужбы», инспирировало «Украинский проект» 2013-14 годов, который нанес существенный (ощутимый) удар по национальной безопасности России, и уже более 6 лет является одной из основных «болевых точек» экономики, безопасности и международных отношений Российской Федерации со странами ЕС.

Судьбу Европы в XXI веке сильнее всего определяют два фактора (как, впрочем, судьбы всех других стран и континентов):

1) манипулятивная финансово-экономическая система (точнее, глобальная финансовая игра), запущенная правительством США в 70-80-е годы XX века, где правила игры диктует одна страна;

2) вооруженные силы и спецслужбы США, готовые к применению в любом регионе мира, в любом суверенном государстве.

Связует и цементирует эти факторы политика США, как мирового гегемона и законодателя военно-политических и финансово-экономических мод на протяжении 75 лет.

Исходя из вышесказанного, трудно предположить, что ближайшие 20-30 лет в «практически здоровом» европейском сообществе будет иметь место стабильное экономическое развитие и рост благосостояния населения всех стран Европы. Скорее всего, ситуация будет чревата кризисами экономического, политического и межэтнического характера, которые будут существенно ограничивать дальнейшую консолидацию Европы, а также (весьма вероятно) негативно сказываться на взаимоотношениях ЕС и Российской Федерации.

Можно сказать, что в XXI веке Европа уже почти упустила свой исторический шанс на цивилизационное лидерство (в первую очередь – геополитическое), и в ближайшие 20-30 лет маловероятно возвращение в статус «геополитического законодателя мод», каковыми будут оставаться Соединенные штаты Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. [История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее \(опыт историко-футурологического анализа и прогноза\). Очерк пятый: Новое время \(1501-2000 гг.\)](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2019. - 2(8). - С. 30-38

2. Вторжение Британии в Ирак было ошибкой и нарушением принципов ООН [Электронный ресурс] // Риа новости: сайт. Режим доступа: <https://ria.ru/20160706/1459947052.html>

3. Пожар в соборе Парижской Богородицы. Масштаб ущерба оценить пока невозможно [Электронный ресурс] // Радио Свободы: сайт. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/29882333.html>

4. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. – 254 с.

5. Халатность, поджог или мистика? Какова реальная причина пожара в Нотр-Даме [Электронный ресурс] // Главные новости России и мира сегодня: сайт. Режим доступа: <https://www.5-tv.ru/news/248038/halatnost-podzog-ili-mistika-kakova-realnaa-pricina-pozara-vnotrdame/>

УДК 94

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1922 ГГ.). ОЧЕРК ПЕРВЫЙ⁹

В первом очерке о психоистории Гражданской войны в России, автор рассматривает несколько существующих точек зрения на исторические события этого периода. Им отмечено, что когда начинаешь рассматривать вопросы психоисторического характера – степень субъективности отражения и зависимости от бытующих в профессиональном сообществе парадигм идеологического, мифологического и конъюнктурного содержания резко возрастает. Помимо философских, психологических и собственно научно-исторических работ, самым богатым, но субъективно окрашенным и творчески трансформированным материалом по психоистории Гражданской войны является художественная литература, и все эти произведения нуждаются в серьезном психоаналитическом и социально-психологическом исследовании. Подлинно научное познание психоистории Гражданской войны в России позволит более объективно прочесть всю последующую российскую историю.

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция, психоистория, социальная мифология.

PSYCHOHISTORY CIVIL WAR IN RUSSIA (1917-1922 YY.). THE FIRST ESSAY

In the first essay on the psychohistory of the Civil war in Russia, the author examines several existing points of view on the historical events of this period. Noted that when they begin to consider the psycho-historical nature, the degree of subjectivity reflection and dependence on prevailing in the professional community paradigms of the ideological, mythological and conjunctural content increases dramatically. In addition to philosophical, psychological and actual scientific and historical works, the richest, but subjectively colored and creatively transformed material on the psycho-history of the Civil war is fiction, and all these works need serious psychoanalytic and socio-psychological research. A truly scientific knowledge of the psycho-history of the Civil war in Russia will allow a more objective reading of all subsequent Russian history.

Key words: Civil war in Russia, revolution, psychohistory, social mythology.

Нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания.

Г.В.Плеханов

Историк должен подвергать документы психоанализу, чтобы выявить свойственные индивиду ментальные структуры... Задача экзистенциальной истории – в обращении к

⁹ Опубликовано: Винобер А.В. [Психоистория Гражданской войны в России \(1917-1922 гг.\). Очерк первый](#) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44.

основным составляющим человеческого существования.

Ф.Ариес

Нет вражды отчаяннее, чем между родственниками и единовѣрцами. Самые жестокие войны гражданские. Ревность к общему отечеству, к общим богам так же раскалывает, как и сплочает людей.

В.Бибихин

1. Всякое восприятие и отражение истории всегда субъективно.
2. «Объективность» восприятия и отражения обусловлена социальными, идеологическими и конъюнктурными обстоятельствами.
3. Мастерство профессионального историка, заключенное в глубине владения исследовательскими навыками, в объеме изученного исторического материала и знания, разнообразия авторских интерпретаций определенной исторической эпохи или отдельного события, позволяет достигнуть бОльшей степени объективности в отражении прошлого, при условии относительной свободы от социальных, идеологических и конъюнктурных обстоятельств.

История в России – это не просто наука или народное предание – это в значительной степени идеология либо социальная мифология. Есть немалое число профессиональных историков, порою проникающих в глубину исторических недр, но в большинстве случаев они исследуют и отражают исторический материал в рамках заранее заданной идеологической или мифологической парадигмы.

Такая ситуация всегда имела место в истории любой страны, но для России, в XX веке, это стало правилом, традицией, а порою – просто повседневной неизбежностью.

Когда же начинаешь рассматривать вопросы психоисторического характера – степень субъективности отражения и зависимости от бытующих в профессиональном сообществе парадигм идеологического, мифологического и конъюнктурного содержания резко возрастает. [1]

Наверное, одно из первых произведений, посвященных психоистории Гражданской войны, появилось на свет в 1918 году и имело название «Судьба России» (в подзаглавии: опыты по психологии войны и национальности). Автором произведения был известный философ Николай Бердяев, впоследствии снискавший всеевропейскую и мировую известность как философ православного христианства и идеалистического экзистенциализма. [2]

Необычная для своего времени (да и для нашего также) работа Н.Бердяева посвящена, в основном, итогам первой мировой войны и этническому психоанализу (не в смысле З.Фрейда, а скорее – Г.Лебона) народов Европы в связи с происходившими событиями. Но в ней есть также и предчувствие грядущей войны и видение того великого разброда в умах и в ценностях русского народа, кризис сознания и душевное смятение.

Николай Бердяев – один из самых психологических русских философов первой половины XX века. В наибольшей степени его психологичность выражена в книге «Самопознание», являющейся своеобразной философской автобиографией и шедевром социального самопсихоанализа – там достаточно концентрированно представлено переживание русской интеллигенцией русской революции и Гражданской войны и последующей жизни в эмиграции.

Естественно, что помимо философских, психологических и собственно научно-исторических работ, самым богатым, но субъективно окрашенным и творчески трансформированным материалом по психоистории Гражданской войны является художественная литература. В русской и советской литературе присутствует немалое количество серьезных художественных произведений, посвященных Гражданской войне, и мы не однажды будем их рассматривать, учитывая особенности творческого отражения исторических событий и влияния на творческий процесс идеологических регуляторов и конъюнктурных соображений.

Как утверждает российский философ П.С. Гуревич: «Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные императивы человеческих действий... Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в тоже время способны воздействовать на его поведении». [5]

Философ А.В. Рубцов, рассматривая проблемы российской психоистории, считает, что «Россия до сих пор не вышла из революции». Оценивая факторы самосознания нации и последствия психоисторического воздействия на массовое сознание постоянного переписывания и перетолкования событий отечественной истории в ключе идеологического нарциссизма, мы вполне закономерно формируем специфическую психопатологию сознания: «Если же режим и социум с младенчества мешают с грязью и фатально обесценивают, как это было у нас в 1990-е, повзрослевшая политическая особь закономерно превращается в злокачественного нарцисса, идеализирующего себя самым непотребным образом, а всех остальных представляющего безнадежными ничтожествами». [10]

Совсем иную позицию занимает в работе «Психологическая война – скрытые субъекты глобального управления и фальсификации» А.И.Фурсов, который утверждает, что «против России ведется одна Большая война 1914–1991 гг., из которой до сих пор не сделаны многие важные выводы... Что психосфера становится основным театром действий организационной войны, которая в психосфере становится войной психоисторической». [13]

В современной исторической науке доминирует точка зрения, что «Гражданская война началась октябрьским переворотом и следовательно была прямым результатом исключительно большевистского стремления к единовластию (любой ценой)» [6].

Вышеназванные авторы считают, что современные научные представления о Гражданской войне в России базируются на результатах её изучения (или мифологизации) несколькими поколениями отечественных и

зарубежных исследователей, и оценивают «общие людские потери в ходе Гражданской войны (по разным подсчетам) от 10 до 12 миллионов человек: из них в боевых действиях погибло со всех сторон свыше 1 млн., жертвами красного и белого террора, а также бандитизма стали около 2 млн., умерло от ран, голода, холода и болезней 5-7 млн., до 2 млн. эмигрировало» [6].

Авторы, оценивающие психологические аспекты Гражданской войны в России отмечают, что война наложила отпечаток на судьбу нескольких поколений и продолжает в наши дни влиять на психологическое состояние общества. [9]

Есть еще одна распространенная точка зрения, близкая к версии Фурсова А.И., и она пользуется значительной популярностью у массового читателя. Н.Стариков в книге «Русская смута XX века» проводит сквозную линию руководства Антантой (Англия и Франция) всем процессом разжигания и поддерживания русской междоусобицы английскими и французскими дипломатическими и разведывательными службами, при этом не уделяя внимания психологическим причинам и предпосылкам революции и Гражданской войны среди разных слоев и групп населения Российской империи. [12]

Психологические причины и предпосылки революции и последующей Гражданской войны в России рассматриваются с разной степенью полноты у многих авторов. Начиная с интенсивного роста революционного движения и консервативно-бюрократической политики российского самодержавия, в этот перечень нужно внести внешнеполитические ошибки, приведшие к русско-японской войне, стоившей больших жертв и бездарно проигранной по вине отдельных некомпетентных военачальников, управлявших военными действиями из Санкт-Петербурга [7], что вызвало впоследствии стихийную революцию 1905 года и её жестокое подавление [8], поддержка правительством черносотенного движения и устройством погромов [3], отсутствие мобильного и адекватного управления внутренними делами страны, и, главное – вступление в совершенно неподготовленном состоянии

(армия, флот, генералитет, техническое обеспечение и материальное снабжение) в первую мировую войну, колоссальные потери в которой, вместе с резким ростом революционного движения и интригами в правительственных кругах, привели к революции 1917 года. В дальнейшем, феномен русского большевизма, возглавляемого «красным диктатором» В.И.Лениным, породил «пролетарскую диктатуру», занявшую позицию террора и геноцида по отношению к правящим (и не только) сословиям общества, что и переросло в считанные месяцы во всеобщее противостояние в масштабе всей страны и вылилось в итоге в Гражданскую войну.

Выше, мы уже говорили о важном значении серьезных литературных произведений для понимания психологических процессов и явлений, имевших место в массовом и индивидуальном сознании среди участвовавших в Гражданской войне. Все эти произведения нуждаются в серьезном психоаналитическом и социально-психологическом исследовании. Мы не имеем ввиду разноплановую литературную критику, выведения типов, героев и т.п., а именно систематическое научное психологическое исследование с целью понимания массовых и индивидуальных психологических процессов и явлений, имевших место в реальных экстремальных и жестоких условиях Гражданской войны - это позволит воссоздать в максимальной степени объективную реальную психоисторическую картину, как и одновременно продвинуться в понимании современных психоисторических процессов, имеющих место в Российском обществе.

В качестве примера можно привести психологические портреты и картины Гражданской войны в России, созданные тремя разными авторами, в трех знаковых художественных произведениях о Гражданской войне. Это «Тихий Дон» М.Шолохова [14], «Белая гвардия» М.Булгакова [4] и «Даурия» К.Седых [11]. Первые два автора – непосредственные участники событий, а третий, можно сказать, очевидец. Работы написаны в разное время и в разных условиях (в некоторых случаях – более близки по времени – как «Тихий

Дон» и «Белая гвардия»). Разная степень полноты отражения психологических характеров героев и действующих лиц: достаточно полная и объективная, как в случае с Григорием Мелиховым или отдельными героями М.Булгакова, или стилистическая, обусловленная идеологическими соображениями, портретами К.Седых, но все варианты и все герои могут быть подвергнуты анализу и прочтению средствами психологической науки. В качестве близкого примера можно привести две книги Л.Юзефовича, где автор на основе изученных архивных материалов попытался воссоздать психологические характеры героев Гражданской войны из лагеря «белых» и «красных» [15, 16].

Подлинно научное познание психоистории Гражданской войны в России позволит более объективно прочесть всю последующую российскую историю, включая и два неполных десятилетия XXI века. Чтобы лечить социально-психологические недуги общества – надо знать действительную генеалогию их происхождения. В противном случае мы снова скатываемся в мифологию и новый идеологический обман, лишаящий перспективы созидания психологически здорового общества в нашей стране, пережившей в течение века столько исторических катаклизмов и потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арьес Ф. Время истории. Пер. с фр. М. Неклюдовой. – М.: ОГИ, 2011. – 304 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. Ответы по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
3. Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советских эпох: Сб. статей / Ред. Бруиш К. , Катцер Н. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.
4. Булгаков М.А. Белая гвардия. Роман. – Баку: Маариф, 1988. – 352 с.
5. Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. Серия Humanitas. Издательство Петроглиф, Санкт-Петербург, 2013. - 482 с.
6. Данилин А.Б. Гражданская война в России (1917 - 1922) / А.Б.Данилин, Е.Н.Евсеева, С.В.Карпенко // Новый исторический вестник. 2000. – 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-voyna-v-rossii-1917-1922>
7. Кристофер М. Русско-японская война 1904-1904. Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 220 с.

8. Максаков В. Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг. Документы и материалы. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. – 463 с.

9. Почешхов Н.А., Шхачемуков Р.М. Гражданская война в России (1917-1922 гг.): психологические аспекты // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-voyna-v-rossii-1917-1922-gg-psihologicheskie-aspekty> (дата обращения: 01.11.2018).

10. Рубцов А. Россия до сих пор не вышла из революции. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/04/732121-rossiya-revolyuitsii> (Дата обращения 01.11.2018)

11. Седых К. Ф. Даурия. М.: Вече, 1993. – 728 с.

12. Стариков Н.В. Русская смута XX века. – СПб.: Питер, 2017 – 384 с.

13. Фурсов А.И. Психоисторическая война. Скрытые субъекты глобального управления и фальсификация истории [Электронный ресурс] // Изборский клуб: сайт. – URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/>

14. Шолохов М.А. Тихий дон / Роман в 4-х книгах . – М.: Художественная литература, 1979

15. Юзефович Л.А. Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922-1923. – М.: АСТ, 2016. – 432 с.

16. Юзефович Л.А. Самодержец пустыни: феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. – М.: Эллис Лак, 1993. – 271 с.

УДК 94

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1922 ГГ.). ОЧЕРК ВТОРОЙ¹⁰

Для понимания истории нам одинаково необходимы серьезные научные исторические исследования и художественные произведения, глубоко проникающие в ментальную ткань времени, и дающие живое прочтение ушедшей эпохи, дающие понимание того, чем жили, как мыслили и как выражали себя люди того трагического и героического времени. В настоящем очерке мы коснемся (в первом приближении) трех произведений о гражданской войне в Восточной Сибири: П. Нилин «Жестокость», С. Китайский «Поле сражения» и А. Тириков «Черные тени». Этим авторов объединяет самый глубокий интерес к психологии эпохи, к психологии своих героев, к реалистическому изложению исторических фактов, при определенной доле художественной переработки самих фактов и образов исторических лиц

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция, психоистория, художественные произведения о гражданской войне в Восточной Сибири.

PSYCHOHISTORY CIVIL WAR IN RUSSIA (1917-1922 YY.). THE SECOND ESSAY

To understand history, we equally need serious scientific historical research and artistic works that penetrate deep into the mental fabric of time, and give a lively reading of a bygone era, giving an understanding of what they lived, how they thought and expressed how people of that tragic and heroic time expressed themselves. In this essay, we will touch (as a first approximation) three works on the civil war in Eastern Siberia: P. Nilin «Cruelty», S. Kitaicky, «Battlefield», and A. Tirikov «Black Shadows». These authors are united by the deepest interest in the psychology of the epoch, in the psychology of their heroes, in the realistic presentation of historical facts, with a certain amount of artistic reworking of the facts and images of historical persons.

Key words: Civil war in Russia, revolution, psychohistory, novels about the civil war in Eastern Siberia.

В первом очерке по психоистории гражданской войны в России [1] мы говорили о том, что психоаналитическое изучение художественных произведений, написанных участниками событий или по свежим следам после событий, с привлечением свидетельств очевидцев и фактографического материала, позволяет осуществлять качественное реконструктивное моделирование событий и поведение их участников с большой степенью достоверности. Дает возможность прочтения психологических причин и мотивации поступков активных участников.

¹⁰ Опубликовано: Винобер А.В. [Психоистория Гражданской войны в России \(1917-1922 гг.\). Очерк второй](#) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 2. - С. 20-26 .

По прошествии значительного числа лет (70 или 80 лет и более) это осуществить значительно сложнее – выпадает целый пласт – воспоминания очевидцев того исторического времени, которые мы пытаемся исследовать с помощью моделей исторической и психоаналитической реконструкции.

Гражданская война 1917-1922 гг. на территории Восточной Сибири оставила немало следов в народной памяти. Практически – прошло уже сто лет, и многие события, участники, герои и очевидцы – канули в Лету, почти не оставив документальных описаний. Поэтому, помимо архивных материалов и многочисленных исследовательских работ разных поколений и разных историко-политических ориентаций, большое значение для проникновения в менталитет эпохи имеют художественные произведения о гражданской войне.

В этом отношении, если можно так сказать, Иркутской области сильно повезло. Целый ряд авторов уделил внимание теме гражданской войны – по числу повестей и романов, освещающих это время, Иркутская область выделяется в целом на фоне России. Прежде всего, потому, что подавляющее число повестей и романов основано на реальных событиях, имевших место на территории области.

Первый советский роман «Два мира» Владимира Зазубрина, описывающий гражданскую войну в Сибири, был издан в Иркутске в 1921 году, в типографии политотдела 5-й Красной армии.

Далее, появились произведения И. Новокшенова, П. Петрова, И. Гольдберга, К.Седых, Ф. Таурина, Г. Маркова, А. Шастина, А. Гурулева...

В настоящем очерке мы коснемся (в первом приближении) трех произведений о гражданской войне в Восточной Сибири, трех разных авторов, один из которых, можно сказать, был очевидцем войны, а двое других – создавали свои произведения в 60-70-е годы. Но всех трех авторов объединяет самый глубокий интерес к психологии эпохи, к психологии своих героев, к реалистическому изложению исторических фактов, при определенной доле художественной переработки самих фактов и образов

исторических лиц – как было принято говорить в эпоху социалистического реализма – в образы типических литературных героев.

Первое произведение – повесть Павла Нилина «Жестокость» [3] была написана в 1956 году. Удивительное время хрущевской «оттепели», когда невозможное вдруг стало возможным, и народу советскому было позволено немного подышать свежим воздухом, и выразить такие мнения, которые «до» и «после» были немыслимы для жесткого советского строя.

Как писал Федор Абрамов: «Вся послевоенная городская психологическая литература с обостренным подходом к нравственным вопросам, с оценкой тех или иных периодов истории, на мой взгляд, пошла от Нилина, и прежде всего от такой великолепной книги как “Жестокость”».

Павел Нилин (1908-1981) в 20-е годы прошлого века, сразу по окончании гражданской войны (когда закончилась гражданская войны – этот факт установлен идеологическим путем и не соответствует историческим реалиям) служил в уголовном розыске в Тулуне и бывал в Балаганском районе, где действовала банда Д.Н. Донского. Но основной сюжет повести исходит из реальных событий 1929 года (Нилин работал со служебными материалами Иркутского губчека), связанных с разгромом и уничтожением банды Г.А. Кочкина, когда один из молодых чекистов (прототип героя Нилина Вениамина) застрелился после успешного проведения операции, потому что были арестованы (а кто-то и расстрелян) те люди, которые помогли проведению операции и которым он давал гарантии от имени Советской власти. В финале повести, перед самоубийством, главный герой Венька говорит: «Выходит, я обманул их! Обманул от имени Советской власти. Какими собачьими глазами я буду теперь на них смотреть...».

Пожалуй, впервые, в советской литературе так откровенно была отражена лицемерная и жестокая сущность методов действия представителей советской законной власти.

Второе произведение – роман «Поле сражения» Станислава Китайского [2], появился в 1973 году. На наш взгляд, это одно из самых ярких и глубоких

произведений о гражданской войне. Своеобразный психолого-исторический шедевр, явно недооцененный отечественной литературной критикой (может быть, за исключением последней статьи известного иркутского литературного критика Н. Тендитник).

Н.Тендитник в статье «Поле сражения Станислава Китайского» писала: «Роман «Поле сражения» - мозаика человеческих типов, схваченных в динамике поступков, в неумолимой атмосфере смены верований, властей, в обстановке, когда почва уходит из-под ног... Китайский пытается понять через человека логику непредсказуемых поворотов гражданской войны. История в романе Китайского изображена в её немыслимых сложностях и противоречиях... Историю подмяли и направили в своё русло деятели ревкомов, типа Горлова» [5].

В романе, один из сквозных, проходящих всё время действий, сюжетов: конфликт большевика Горлова с интеллигентным большевиком Машариным, выходцем из представителей господствующего класса. Такие люди как Машарин (Александр), интеллигентные и совестливые, стремящиеся оценивать все поступки через призму справедливости и человечности – были как «бельмо в глазу» - для радикальных (беспредельных) большевиков, если бы Александр Машарин не погиб в 1921 году, командуя отрядом ЧОНа, от рук бандитов, то «Горловцы» неизбежно отправили бы его в 30-е годы в разряд «врагов народа»...

Третье произведения – роман «Черные тени» Анатолия Тирикова [6] вышел из печати в 1980 году (есть сведения, что работать над ним А. Тириков начал в 1961 году и к 1965 году в основном завершил, но долго не мог опубликовать). И здесь прототипы главных героев: борцы с Советской властью Д.П. Донской и Г.А. Кочкин (ярко выраженные отрицательные герои). На наш взгляд, весьма вероятно, что Станислав Китайский знал о неизданном романе Анатолия Тирикова, и потому практически не использовал образы Донского и Кочкина в своем романе.

Роман «Черные тени» по своему духу более соцреалистичен, чем произведения (вышеназванные) П. Нилина и С. Китайского. Положительные и отрицательные герои у него «правильные», такие как было принято в соц. реализме («наш» и «не-наш»). Но психоисторическая линия четко прослеживается сквозь весь роман, хотя и с примесью общепринятых для того времени идеологических штампов – так было принято мыслить и так было принято описывать мысли героев литературного произведения.

Станислав Китайский и Анатолий Тириков в процессе написания своих произведений активно использовали рассказы очевидцев того времени, тех событий, и, потому, в первую очередь, им удалось ощутить и передать реальный дух того неоднозначного и местами злого до беспредельности времени.

Для сравнения хотелось бы привести книгу современного историка гражданской войны П.А. Новикова «Гражданская война в Восточной Сибири», изданную в 2005 году [4]. Как говорится в аннотации: «Книга посвящена малоисследованным, исключительно драматичным страницам истории Гражданской войны и партизанской войны в Восточной Сибири и Забайкальской области. Автор предпринимает совместное равнообъемное изучение белых и красных источников, и впервые события гражданской войны и крестьянского повстанческого движения рассматривает как взаимосвязанные явления».

Безусловно, роман и научная монография по истории – трудносопоставимые вещи. На материалах, изложенных в монографии можно написать десятки, если не сотни романов (и 99% из них, вероятно, никогда не будут написаны).

П.А. Новиков охватывает весь огромный пласт событий Гражданской войны в нашем регионе, довольно объемно и подробно отражая хронологию и невероятно большое число действующих реальных лиц. Можно сказать – это замечательный труд, значительно обогащающий наше представление об этом сложном времени.

Есть в монографии и некоторые сомнительные моменты (на наш субъективный взгляд): автор испытывает какие-то особенные симпатии к атаману Семенову, и всеми силами (не разглашая этого замысла) пытается создать образ более положительного героя. Адмирал Колчак на фоне атамана Семенова выглядит блекло и безжизненно (да и так о нем много чего написали, и фильм сняли и памятник поставили...). Есть отдельные неточности в деталях: например, С. 280 «Подпоручик Г.А. Кочкин был убит 4 июля 1929 года сотрудниками уголовного розыска при попытке захвата обоза с оружием у деревни Жердовка. В течение трех следующих дней был задержаны все 28 участников его отряда». Вероятно, это официальная версия из отчета спец. органов тех лет, но фактически общеизвестно, что Кочкина застрелил Михаил Михалев, один из участников его банды, который поверил чекистам и пытался спасти своего младшего брата, находящегося в заложниках (что в последствии стало главной сюжетной линией повести П. Нилина «Жестокость»). Об этом факте хорошо знал Анатолий Тириков, и, вероятно, использовал его во второй части романа «Черные тени», рукопись которой была утеряна в кабинетах Иркутского ОК КПСС. В частности, во время работы над романом, Анатолий Тириков неоднократно беседовал с Михаилом Михалевым, проживавшим в селе Капсал...

Вывод, в данном случае, прост и банален: для понимания истории нам одинаково необходимы серьезные научные исторические исследования и художественные произведения, глубоко проникающие в ментальную ткань времени, и дающие живое прочтение ушедшей эпохи, дающие понимание того, чем жили, как мыслили и как выражали себя люди того трагического и героического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44
2. Китайский С. Поле сражения : роман / С. Китайский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 448 с.
3. Нилин П. Ф. Жестокость: повесть. – М.: Знание, 1979. – 222 с.

4. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
 5. Тендитник Н. Поле сражения Станислава Китайского / Н. Тендитник // Сибирь. 2008. – 1. – С.
 6. Тириков А.Г. Черные тени: роман. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1980. – 400 с.
-

УДК 94

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1922 ГГ.). ОЧЕРК ТРЕТИЙ: «КРАСНЫЙ» И «БЕЛЫЙ» ТЕРРОР¹¹

В третьем очерке автор затрагивает и пытается осмыслить в самом первом приближении феномен «красного» и «белого» террора, проявившийся особо жестоко в годы Гражданской войны, сыгравший решающую роль в победе «красных» и определивший жизнь страны на несколько последующих десятилетий.

Ключевые слова: Гражданская война в России, «красный» террор, «белый» террор, революция, психоистория.

PSYCHOHISTORY CIVIL WAR IN RUSSIA (1917-1922 YY.). THE THIRD ESSAY: «RED» AND «WHITE» TERROR

In the third essay, the author touches upon and tries to comprehend, in the very first approximation, the phenomenon of «red» and «white» terror, which appeared especially cruel during the Civil War, played a decisive role in the victory of the «red» and determined the life of the country for several subsequent decades.

Key words: civil war in Russia, «red» terror, «white» terror, revolution, psychohistory.

Продолжая тему психоисторического осмысления, реконструкции и ретроспективного анализа событий Гражданской войны в России в 1917-1922 гг. (Начало см. [3, 4]), в третьем очерке мы затронем и попытаемся осмыслить в самом первом приближении феномен «красного» и «белого» террора, проявившийся особо жестоко в годы Гражданской войны, сыгравший решающую роль в победе «красных» и определивший жизнь страны на несколько последующих десятилетий.

Феномен террора, как психоисторическое явление, имеет свои древние корни и почти всегда сопровождает войну, особенно если это война гражданская. Как писал выдающийся психоаналитик и философ Э.Фромм в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности»: «Ни одна война не вызывает больше ненависти и жестокости, чем гражданская, в которой стороны особенно хорошо знают друг друга». [19]

Четыре года Первой мировой войны произвели в России серьезную переоценку всех ценностей, а в значительных слоях населения привели к

¹¹ Опубликовано: Винобер А.В. [Психоистория Гражданской войны в России \(1917-1922 гг.\). Очерк третий: «красный» и «белый» террор](#) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы/ 2019. – 1(3). – С. 81-87.

серьезному изменению сознания и ужесточению нравов. В руки этих агрессивных слоев населения попало большое число оружия. Революции февраля и октября 1917 года «разорвали» гражданское общество в России на много неравных частей. Резко возросла криминогенность на всей территории бывшей Российской империи, в обилии плодились вооруженные отряды и банды – генезис этого явления – революционной криминализации общества и её дальнейшей эволюции в течение пяти последующих лет Гражданской войны (в отдельных случаях и гораздо дольше: например, банда подпоручика Г. Кочкина в Иркутской губернии прекратила свое существование только в июле 1929) – явно недостаточно осмыслен в отечественной историографии. Хотя имеется немало довольно интересных опытов осмысления. В качестве примера, приведем две разномасштабные (по глубине и охвату исторических событий) работы. Хипхенов Г.И. в работе «Правда и «кривда» о красных отрядах...» [20] задался целью произвести оценку места и роли в установлении Советской власти деструктивных групп: анархистов, уголовных и военнопленных – надо сказать, это пока мало кому удалось в серьезной степени. Второй пример: монография Новикова П.А. «Гражданская война в Восточной Сибири» [13] (которую мы уже упоминали во втором очерке) – привлекает разнообразием источников и обилием действующих лиц, попыткой реконструкции логики развития событий и прослеживанием мотивов отдельных исторических лиц и отдельных групп населения, задает определенные векторы последующих аналитических и реконструктивных исследований. Хотя, как мы говорили ранее, не лишена своеобразных предпочтений в изображении отдельных исторических персон.

Мысль о том, что и у «красных» и у «белых» были свои герои и свои негодяи – она совсем не потеряла актуальности в историческом исследовании. А для понимания психоисторических движущих сил истории – она является во многом определяющей. [11, 12, 14]

Террор, проявившийся в ходе гражданской войны 1917-1922 гг. – был жесток и многолик. И, естественно, появился не на «пустом месте». Помимо

более ранних исторических корней, которые требуют особых «археологических изысканий» - на поверхности эволюции террора в России во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в., революционный террор «культивировался» и возрастал несколько десятилетий. За ним возрастал, как ответный, террор государственный, наиболее масштабно проявившийся в годы революционных событий 1905-1907 гг. Один из примеров – Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг. [9]

Истоки и эволюция террора в России – это тема для серьезных многолетних системных исследований: нет еще однозначных ответов на вопросы – кто его привнес в российскую реальность XIX века, кто способствовал дальнейшему развитию, кто обеспечивал финансовую «подпитку» террористических организаций и лиц [10].

«Красному» и «белому» террору посвящено значительное число работ отечественных и зарубежных историков. Много фактического материала, много статистики и предостаточно разнообразных субъективных рассуждений [13, 16, 18 и др.].

Мы согласимся с одной из распространенных (после 1991 г.) точек зрения, что «красный террор носил идейно целенаправленный, «нерассуждающий» характер, тогда как в «белом» терроре было слишком много элементов интеллигентской рефлексии и бессильной истероидности» [2].

По нашему субъективному мнению, революционный террор – это разновидность террора религиозного. Собственно, революция всегда несет в себе «кардинальную ересь» по отношению к устоявшемуся государственному строю и к устоявшейся или господствующей религии. Фанатизм религиозный и фанатизм революционный, как говорил поэт в начале XX века, «братья-близнецы». Поэтому в терроре времен Гражданской войны в немалой степени господствовали два мотива: идеологический и этнический, не считая многообразного психологического мотива, проявлявшегося часто спонтанно, в результате сложившихся обстоятельств и

условий, как например, беззащитность населения, возрастание злобы из-за колоссальных потерь и мн. др.

Есть мнение, что в годы Гражданской войны на территории Украины доминировал этнический террор, и погромы еврейского населения осуществляли «белые», «красные», «зеленые» и просто местные крестьяне. Причем, по мнению отдельных авторов [17] 50% погромов приписывают Белой Добровольческой армии, говоря о том, что у «красных» была лучшая дисциплина. О том, какая дисциплина была у «красных» на Украине хорошо описано в романе И. Бабеля «Конармия», за что впоследствии писателя подвергли жестокой критике «красные» командиры. Есть и другое мнение: «на деле «вымысел» Бабеля был лишь бледной тенью погромов и преступлений, сопровождавших путь Конармии в 1920 году» [1].

П. Гришанин в работе «Проблемы понимания феномена Гражданской войны в России» [5] выражает близкую нам мысль: «Познание прошлого – это ни что иное, как процедура его реконструкции, воссоздания». Объясняя причины Гражданской войны именно как национальной катастрофы русского народа, П. Гришанин считает, что «литературные произведения (романы, повести, рассказы) современников и участников политического противостояния более ярко отражают атмосферу социокультурного кризиса, состояние психологического надлома, переживаемого человеком в условиях политического и социально-экономического надлома России 1917-1920 гг.».

К этому хотелось бы добавить, что первый советский роман о гражданской войне Зазубрина В.Я. «Два мира» [7], написанный и изданный в 1921 году – в максимальной степени соответствует вышеописанной характеристике. Написанная позднее повесть «Щепка» [6] Зазубрина, где один из главных героев - председатель ГубЧК Срубов – вообще поражает провидческим писательским талантом. Достаточно сравнить две исторические работы, вышедшие в разное время на тему деятельности ВЧК и осуществления ленинско-сталинской политики «красного» террора: 1. «Из истории ВЧК 1917-1921 гг. (сборник документов) (1958) [8] и 2.

«Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири» [15] (2012) – мы просто поразимся провидческому дару Зазубрина, на два десятилетия вперед предсказавшего судьбу собственную и судьбу многих других участников Гражданской войны.

Вполне научно и целесообразно считать «красный» и «белый» террор 20-30-х годов продолжением Гражданской войны. Есть такая мысль, что Гражданскую войну необходимо считать завершившейся только 22 июня 1941 года. Вполне логичная версия, требующая самого серьезного исследования. По нашему субъективному мнению, с точки зрения психоистории, Гражданская война 1917-1922 гг. и по сей день продолжается в умах, поведении, психологических привычках и психотипических реакциях населения современной России. Но это уже тема для другого исследования, основанного на парадигме глубинного социального психоанализа.

Наследие революционного, государственного, этнического и религиозного террора XIX века и первой половины XX века исследовано и осмысленно совершенно недостаточно. Более того, оно вовсе не изжито, а вполне себе уютно дремлет (не исключено, что и осознанно культивируется) в отдельных нишах нашего государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабель И.Э. Конармия. – Киев: Днипро, 1989. – 349 с.
2. Булдаков В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №5 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-voyna-i-proza-1920-h-godov> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44
4. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк второй / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 2. - С. 20-26
5. Гришанин П.И. Проблемы понимания феномена Гражданской войны в России в оценочных характеристиках современников // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-ponimaniya-fenomena-grazhdanskoy-voyny-v-rossii-v-otsenochnyh-harakteristikah-sovremennikov> (дата обращения: 15.01.2019).

6. Зазубрин В.Я. Щепка: повесть / Проза 1920-1940-х годов. – М.: Слово/Slovo, 2001. – С. 359-412
7. Зазубрин, В. Я.. Два мира : роман. - Красноярск : Книжное изд-во, 1983. - 304 с.
8. Из истории ВЧК 1917-1921 гг.: сборник документов. 1958. – 511 с.
9. Максаков В. Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг. Документы и материалы / Подготовил к печати В. Максаков. – М-Л.: Соцэкгиз, 1932. – 463 с.
10. Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник ЧГУ. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-terrorizma-istoki-stanovlenie-i-evolyutsiya-v-rossii> (дата обращения: 15.01.2019).
11. Михайлов И.В. Начало и причины эскалации Гражданской войны в современной российской историографии // Вестник МГИМО. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-i-prichiny-eskalatsii-grazhdanskoj-voyny-v-sovremennoj-rossijskoj-istoriografii> (дата обращения: 15.01.2019).
12. Михайлов И.В. От революции к гражданской войне: парадоксы прошлого и современного восприятия // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-revoljutsii-k-grazhdanskoj-vojne-paradoksy-proshlogo-i-sovremennoego-vospriyatiya> (дата обращения: 15.01.2019).
13. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
14. Новиков П.А. Изменчивые мотивы людей: Восточная Сибирь в Гражданской войне // Вестник Евразии. 2002. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenchivye-motivy-lyudey-vostochnaya-sibir-v-grazhdanskoj-vojne> (дата обращения: 15.01.2019).
15. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 440 с.
16. Плюйко Д.В. «Белый» террор как основная форма социального противостояния на территории Сибири в трудах первых советских историков гражданской войны // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belyy-terror-kak-osnovnaya-forma-sotsialnogo-protivostoyaniya-na-territorii-sibiri-v-trudah-pervyh-sovetskih-istorikov-grazhdanskoj-voyny> (дата обращения: 15.01.2019).
17. Погромы в российской истории Нового времени (1881-1921) / Пер. с англ. – М.: Книжники, 2016. – 400 с. (История евреев).
18. Санин А.В. О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в годы Гражданской войны: некоторые размышления // Известия АлтГУ. 2009. №4-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predposylkah-i-osobennostyah-krasnogo-terrora-na-urale-v-gody-grazhdanskoj-voyny-nekotorye-razmyshleniya> (дата обращения: 15.01.2019).
19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.

20. Хипхенов Г.И. Правда и «Кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «Первой советской власти» в Восточной Сибири (1917-1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. №4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravda-i-krivda-o-krasnyh-otryadah-iz-voenno-politicheskoy-istorii-perioda-pervoy-sovetskoy-vlasti-v-vostochnoy-sibiri-1917-1918-gg> (дата обращения: 15.01.2019).

УДК 94

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1922 ГГ.). ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ¹²

В четвертом очерке автор обращается к трем историческим романам, два из которых посвящены Гражданской войне. Несмотря на различную степень исторической подготовки авторов, их индивидуально-личностные и ценностные установки, во всех трех произведениях мы наглядно наблюдаем существующие (почти без изменений) бессознательные императивы человеческих действий, обусловленные древними архетипами, живущими в психике людей разных эпох в латентном необнаруженном состоянии и наглядно проявляющиеся в экстремальных условиях войны, революции и абсолютной власти.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Нестор Махно, барон Унгерн-Штернберг, Иван Грозный, психоистория.

PSYCHOHISTORY CIVIL WAR IN RUSSIA (1917-1922 YY.). THE FOURTH ESSAY

In the fourth essay, the author refers to three historical novels, two of which are devoted to the Civil War. Despite the varying degrees of historical preparation of the authors, their individual personal and value attitudes, in all three works we clearly observe the existing (almost unchanged) unconscious imperatives of human actions caused by ancient archetypes living in the psyche of people of different eras in a latent undetectable state and clearly manifested in extreme conditions of war, revolution and absolute power.

Key words: Russian Civil War, Nestor Makhno, Baron Ungern-Sternberg, Ivan the Terrible, psychohistory.

Совершенно спонтанно и нечаянно, взял в январе-феврале в Иркутской областной библиотеке им. Молчанова и прочитал запоем три исторических романа, из них, два – посвящены Гражданской войне. Точнее, один из них, действительно роман, ультрасовременный, Игоря Малышева, под названием «Номах» [5]. Другой, как я считаю, не менее, чем роман – это историко-философское исследование Леонида Юзефовича «Самодержец пустыни» [7]. А почти вплотную, перед ними – исторический роман Михаила Гиголашвили, посвященный персоне Ивана Грозного [4]. Еще раз повторяюсь – сочетание совершенно случайное. Но объединяет все три произведения разноплановые попытки авторов осуществить как можно более полную психоисторическую реконструкцию отдельно взятой исторической персоны. Из трех персон – две, условно можно сказать, «близнецы-братья»: Нестор

¹² Опубликовано: Винобер А.В. [Психоистория Гражданской войны в России \(1917-1922 гг.\). Очерк четвертый](#) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2019. – 2. – С. 20-25.

Махно и барон Унгерн-Штернберг – широко известные герои Гражданской войны. Третья персона, безусловно, намного масштабнее по своему значению и своим историческим последствиям, и кроме того – из более раннего исторического времени: царь русский Иван Грозный (которого на западе нередко прозывали «Ужасным»).

Вот такой эксклюзивный набор случился: Нестор Махно – самый выдающийся анархист русской Гражданской войны, белый генерал барон Унгерн-Штернберг и средневековый русский царь Иван Грозный.

Но когда касаешься особенностей психики трех разноплановых и разно идейных героев, то с удивлением обнаруживаешь – как они поразительно похожи в проявлении своих индивидуально-неповторимых черт и свойств. Все трое – ни в грош не ценят человеческую жизнь, испытывают равнодушие (мягко говоря) ко всевозможным проявлениям садизма, и постоянно одержимы какими-то сверхценными идеями.

Исследование Леонида Юзефовича, несомненно, более документальное, более историческое и более глубинно психоаналитическое. Документально и исторически правдивое, где максимально исключен авторский вымысел и полет неудержимой фантазии.

Произведения И. Малышева и М. Гиголашвили – это современная беллетристика (если так можно сказать), где творческий полет автора, местами, границ исторических не признает. Произведения, рассчитанные на самые широкие круги читателей, не избалованных историческим образованием и адекватным пониманием степени исторической достоверности.

Игорь Малышев, относительно молодой прозаик (родился в 1972 г.), наверняка был еще в советской школе «октябренок», «пионером», а может даже и «комсомольцем», инженер-атомщик, технарь с высшим образованием – это всё без иронии – вполне уважительно, для того, чтобы проникнуть в идейную или идеологическую платформу автора, занимающегося

исторической реконструкцией и осмыслением психологии исторических личностей.

В интервью «Российской газете» [6] Игорь Малышев говорит, что ему «хотелось хотя бы немного очистить ту эпоху, отскоблить моего героя (Нестора Махно) от наслоений грязи, раскрыть его мотивы».

Трудно понять, каким образом автор собирался «очистить ту эпоху», но в целом, на наш субъективный взгляд, ему не удалось даже создать более менее понятный и целостный образ той эпохи – доминируют отвлеченные картины природы (которые иногда совсем не привязаны к историческому времени) и сугубо натуралистические картины казни и издевательств махновцев над ненавистными «белыми» – последние проходят как главные негодяи. Автор почему-то считает их главными преступниками Гражданской войны, «веками пившими народную кровь». В этих душераздирающих сценах нечеловеческого насилия и извращенного глумления над живыми и мертвыми, явно проглядывает смакование картин садизма и некрофилии. Надо сказать, что в целом произведение написано талантливо, но историческим романом назвать его грешно. Скорее это похоже на сценарий голливудского фильма ужасов про русскую Гражданскую войну.

В том же, вышеназванном интервью, И. Малышев с ностальгией отзывается о разрушенном Советском Союзе, о не построенном «светлом будущем» (разделяю с ним это чувство ностальгии – было в ушедшем Советском Союзе немало и добрых, и светлых страниц, но были и весьма печальные) и выражает симпатии по отношению к Гражданской войне и действующим в ней силам. «Для дворян и прочих кровопийц ни большевики, ни тот же Махно, счастливой жизни не предусматривали...». А вот сейчас, в наше время, «где-то по углам, словно вши, копошатся реликтовые князья, графья и прочее дворянство». Тут сразу и проявляется классовая непримиримая позиция автора к угнетателям и кровопийцам, и смакование сцен расстрела и издевательств над «белыми» – такой своеобразный гимн классовому геноциду... Правда, при этом автор как-то совершенно забывает

о том, что революцией и большевиками руководил потомственный дворянин Владимир Ильич Ульянов (Ленин), да и в целом, без активного участия «кровопийцев - дворян» ни самой революции могло бы не быть, и тем более, победы большевиков в Гражданской войне (Феликс Дзержинский, Александра Коллонтай, Сергей Лазо и многие другие имели дворянское происхождение, не говоря о большом числе офицеров-дворян, перешедших под знамена Красной Армии. В последствии, после победы «красных» они в подавляющем большинстве были репрессированы). Да и сам главный теоретик российского анархизма Петр Кропоткин тоже принадлежал к ненавистному классу кровопийц...

Как можно заметить [1, 2, 3], наш тезис о том, что Гражданская война по-прежнему жива в психоментальной сфере современных россиян, находит наглядное подтверждение в произведении «Номах» и в позиции автора, создавшего такой своеобразный исторический роман о Гражданской войне.

«Самодержец пустыни» Л.Юзефовича, конечно же, серьезно отличается от романа И. Малышева, но, несмотря на предельную степень документальной достоверности, по нашим субъективным меркам, это произведение более достойно именоваться историческим романом. Здесь есть обилие исторических портретов и художественно изображенных событий и сцен Гражданской войны, глубина проникновения в психосферу того времени (той эпохи) и в психосферу главного исторического персонажа и многих других действующих лиц. Здесь мы обнаруживаем реальную психоисторическую реконструкцию, позволяющую увидеть истинное лицо Гражданской войны, характеры, мотивы реальных исторических лиц, состояние и динамику их психоэмоциональных реакций и психопатологических проявлений.

Роман Михаила Гиголашвили, кандидата филологических наук, в свое время окончившего филологический факультет Тбилисского госуниверситета, «Тайный год», посвящен психоисторической реконструкции небольшого отрезка из жизни русского царя Ивана Грозного.

Роман написан, безусловно, талантливо, и читается «на одном дыхании», но, несмотря на внешний исторический антураж, на наличие в действии исторических персон, бывших в эпоху Ивана Грозного, во многом не выдерживает критики со стороны исторической достоверности. Во многих местах обнаруживается вольный полет авторских образов, несоответствующих документальным историческим свидетельствам. Но самая главная особенность этого исторического романа – обилие откровенных порнографических сцен, описанных, скажем так, лагерным жаргоном. Такое впечатление, что данное произведение создавалось по заказу «авторитетов» и было оплачено из их собственных финансовых каналов. Если не обращать внимания на эту особенность (а сделать это будет нелегко многим читателям), то в целом, можно сказать, опыт психоисторической реконструкции, художественно оформленный автором, вызывает много вопросов и наталкивает на мысль о необходимости реальной достоверной психоисторической реконструкции на основе документальных исторических материалов и свидетельств.

Несмотря на различную степень исторической подготовки авторов, их индивидуально-личностные и ценностные установки, во всех трех произведениях мы наглядно наблюдаем существующие (почти без изменений) бессознательные императивы человеческих действий, обусловленные древними архетипами, живущими в психике людей разных эпох в латентном, не обнаруженном состоянии и наглядно проявляющиеся в экстремальных условиях войны, революции и абсолютной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44
2. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк второй / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 2. - С. 20-26
3. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк третий: «красный» и «белый» террор / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы/ 2019. – 1(3). – С. 81-87

4. Гиголашвили М. Тайный год : роман. – М.: АСТ, 2017. – 736 с.
 5. Малышев И. Номах. Искры большого пожара: роман. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО Издательство К. Тублина», 2018.- 544 с.
 6. Рай по Номаху. Интервью с Игорем Малышевым. Режим доступа: <https://godliterature.ru/projects/intervyu-s-igorem-malyshevym-bolshaya-k>
 7. Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). – М.: ЭллисЛак, 1993. – 272 с.
-

УДК 94 (571)

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ОЧЕРК ПЯТЫЙ. ГРИГОРИЙ КОЧКИН: БАНДИТ-УГОЛОВНИК ИЛИ БОРЕЦ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?¹³

3 июля 2019 года исполнилось 90 лет со дня гибели Григория Кочкина, одного из последних открытых врагов Советской власти, или как именовали его тогда и в наше время – уголовного бандита Кочкина, который десять лет был «головной болью» Иркутского ГубЧК, потому как ежегодно проводимые мероприятия в отношении банды Г.Кочкина никак не давали окончательного результата – банда во главе с атаманом продолжала жить и действовать. Достоверной биографии Г. Кочкина по настоящее время не существует. Представлены разные точки зрения на биографию Григория Кочкина.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, психоистория, художественные произведения о гражданской войне в Восточной Сибири, банды Иркутской губернии, Григорий Кочкин, атаман Кочкин

PSYCHOHISTORY OF THE CIVIL WAR. THE FIFTH ESSAY. GRIGORY KOCHKIN: A CRIMINAL BANDIT OR A FIGHTER AGAINST THE SOVIET GOVERNMENT?

July 3, 2019 marked the 90th anniversary of the death of Grigory Kochkin, one of the last open enemies of the Soviet government, or as it was called then and in our time – the criminal bandit Kochkin, who for ten years was the "headache" of the Irkutsk Cheka, because the annual events held against the gang of G. Kochkin did not give a final result-the gang led by the ataman continued to live and act. There is no reliable biography of G. Kochkin at the present time. Different points of view on the biography of Grigory Kochkin are presented.

Key words: civil war in Siberia, psychohistory, works of art about the civil war in Eastern Siberia, gangs of Irkutsk province, Grigory Kochkin, ataman Kochkin

В истории – где в результате маловероятного события меняются «параметры» даже обычного, «статистического» поведения людей, например, то, что было вполне вероятным и «ожидаемым» в поведении человека в условиях февраля-октября 1919 года, было менее вероятно в 1915-1916 гг., и стало совсем маловероятным в 1938 году. И наоборот (что самое страшное). Другими словами: в предмете истории, в отличие от предмета физики, есть развитие. Ничего в истории (как и в биографии) не пропадает, и обратимых процессов не бывает.

Иосиф Левин. Юрист и философ.

¹³ Опубликовано: Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны. Очерк пятый. Григорий Кочкин: бандит-уголовник или борец против советской власти? / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2020. №1(3).С.13-19.

Как мы отмечали ранее [3,4, 5, 6] для понимания истории нам одинаково необходимы серьезные научные исследования и художественные произведения, глубоко проникающие в ментальную ткань времени и дающие живое прочтение ушедшей эпохи, дающие понимание того, чем жили, как мыслили и как выражали себя люди того трагического и героического времени как гражданская война в России.

3 июля 2019 года исполнилось 90 лет со дня гибели Григория Кочкина, одного из последних открытых врагов Советской власти, или как именовали его тогда и в наше время – уголовного бандита Кочкина, который десять лет был «головной болью» Иркутского ГубЧК, потому как ежегодно проводимые мероприятия в отношении банды Г.Кочкина никак не давали окончательного результата – банда во главе с атаманом продолжала жить и действовать.

В целом, в иркутской истории гражданской войны и послевоенных лет Г.Кочкин – персонаж глубоко отрицательный. Сложилась своеобразная мифология (еще в те далекие 20-е годы) приписывать Кочкину всевозможные злодеяния и особенно – нелюбовь к бурятскому народу.

Эта мифология продолжает жить и успешно поддерживается в наши дни – к 90-летию гибели Кочкина в интернет появилась публикация о героическом подвиге борцов с бандитизмом, где рассказывается о ликвидации бандита-уголовника и в качестве иллюстрации размещена фотография отряда верхнеудинского ЧОН. Всё бы ничего, но только верхнеудинский ЧОН и его brave бойцы (насколько известно из открытых источников) никакого отношения к ликвидации банды Кочкина не имели, а занимались этим вопросом иркутский ГубЧК, иркутские отряды ЧОН, а также отдельные специалисты по борьбе с бандитизмом, привлеченные из Москвы или Новосибирска.

Деятельность банды Г. Кочкина и история её ликвидации стала основой сюжета повести «Жестокость», появившейся на свет в 1956 году [11]. Автор повести Павел Нилин (1908-1981) в 20-е годы служил в уголовном розыске в городе Тулузе и бывал в Балаганском районе, где

действовала банда Д. Донского, в состав которой некоторое время входил Г. Кочкин.

Но основной сюжет повести основан на реальных событиях 1929 года (Нилин работал со служебными материалами ГубЧК, связанными с разгромом и уничтожением банды Г. Кочкина).

Позднее, в 1980 году, из печати вышел роман Анатолия Тирикова «Черные тени» [15], написанный, в основном, в 60-е годы, на основе опроса местных жителей-старожилов, хорошо помнивших события того времени. А также на основе неоднократных бесед с бывшим участником банды Михалевым, который предал атамана и застрелил его, на основании сговора с сотрудниками Иркутского ГубЧК, обещавших взамен не расстреливать его младшего брата, находящегося в заложниках в Иркутске.

Историк П.А. Новиков сообщает в своей работе, что «подпоручик Г.А. Кочкин был убит сотрудниками уголовного розыска при попытке захвата обоза с оружием у деревни Жердовка. В течение трех следующих дней были задержаны все 28 участников его отряда» [12].

Из сообщений того же Михалева, предавшего Г. Кочкина, известно, что в последний год в банде Кочкина было всего 5 человек. Остальные 23 – это, вероятно, бывшие участники, давно отошедшие от борьбы с Советской властью, а скорее всего – просто сочувствующие Кочкину и глубоко отрицательно относившиеся к Советской власти.

Кто же был этот неуловимый Григорий Кочкин – бандит-уголовник или же непримиримый борец с Советской властью?

В 20-е годы XX века в структуре ЧОН была создана мощная разведывательная служба, - пишет И.В. Брюханов [2], в результате чего, бандиты (они же – борцы против Советской власти – А.В.) лишились своих главных преимуществ: скрытности, мобильности, поддержки местного населения, источников снабжения, разведывательной информации.

1 августа 1923 года в докладе о состоянии бандитизма на территории Иркутской губернии, говорилось, что обследование на местах убедило, что

бандитизм в губернии почти изжит (в то время как продолжали свою деятельность банды Замащикова и Кочкина – А.В.). В докладе автор сообщает: «Наиболее часто и безнаказанно нападения на дорогах совершал печально известный бандит Кочкин. В течение 1927-29 гг. Кочкин систематически совершал разбойные нападения и грабежи на дорогах... Как правило, жертвы подвергались избиению. Убийства совершались достаточно редко» [2].

Достоверной биографии Г. Кочкина по настоящее время не существует, несмотря на художественное описание его в «Жестокости» и в «Черных тенях» и некоторые разнообразные описания в кратких очерках, имеющих в интернет, где Кочкин именуется «георгиевским кавалером», «казачьим урядником» или «вахмистром», «офицером контрразведки», «подпоручиком» и т.д. [7, 9, 10, 13, 14].

Также часто мелькает версия, что основой бандитизма Г.Кочкина послужило убийство отца Григория бурятами-чабанами, заподозрившими его в конокрадстве. Григорий с братьями люто отомстил жителям соседних улусов [1, 8].

Есть в интернет-очерках и другие версии. О том, что Григорий Кочкин всегда подчеркивал во время проведения своих «акций», что он борется против Советской власти, а не просто бандитствует (о чем свидетельствует и избирательный захват обозов с оружием, деньгами и золотом, которые были необходимы для продолжения борьбы). Если бы преследовалась цель – обогащение – «акции» не были бы такими демонстративными и частыми, и скорее всего, все свидетели просто бы уничтожались – такого, как правило, не происходило.

Успешность действий в 1927-29 гг. обуславливалась еще и тем, что во многих населенных пунктах (Жердовка, Капсал, Тугутуй, Куяда, Камой и др.) у Г.Кочкина были сочувствующие и осведомители (что было к тому времени совсем небезопасно), что позволяло ему своевременно уходить от погони и эффективно планировать свои «акции».

Причем во время проведения такого рода «акций» и захвата обозов или работников местных Советов, Григорий Кочкин был облачен в форму офицера царской армии и выглядел весьма представительно, напоминая всем очевидцам о том, что является представителем и защитником законной, досоветской власти.

По описаниям очевидцев, Григорий Кочкин не курил и никогда не бывал «на людях» в нетрезвом виде, и был человеком глубоко верующим.

После убийства Г.Кочкина 3 июля 1929 года – мертвый Кочкин с простреленной головой, был увешан оружием, посажен на стул, рядом со своей живой гражданской женой и спутницей, и сфотографирован работниками Иркутского уголовного розыска (или ГубЧК). Это единственная фотография, которая «кочует» в интернет из одного очерка в другой.

Также в последующие дни, «кристально чистые» сотрудники УР отпилили голову Г.Кочкина от туловища и поместили в большую банку со спиртом. Была организована целая экспедиция по окрестным селам (Оек, Никольское, Жердовка, Капсал и др.), во время которой местным жителям демонстрировалась голова убитого Кочкина, как свидетельство окончательной победы Советской власти. Впоследствии, голова Кочкина, заспиртованная в банке, долгое время экспонировалась в Иркутском краеведческом музее и хранилась в его фондах...

На протяжении 25 лет, интересуясь историей Григория Кочкина, автор неоднократно беседовал со старожилками сел Оек, Жердовка, Тугутуй, Капсал, Камой, Харат – некоторым из них приходилось воочию видеть живого Г.Кочкина – и по большей части, образ Кочкина, который они «рисовали» в своих рассказах весьма существенно отличался от того мифического уголовного-бандита, созданного советской пропагандой.

Можно посетовать на недостаток фактов, исторических свидетельств и на субъективность суждений, но если рассуждать логически – Григорий Кочкин – человек, не изменивший своей вере и своей присяге, имевший недюжинный военный талант и организаторские способности, воевавший за

Россию в первой мировой войне и после революции, любивший Россию и свою малую родину...

ЛИТЕРАТУРА

1. Банда Кочкина // Главное управление МВД России по Иркутской области. Режим доступа: <https://38.xn--b1aew.xn--p1ai/document/2345512>
 2. Брюханов И. В. Правоохранительная деятельность против уголовного бандитизма на территории Иркутской губернии и Иркутского округа в 1920-е гг. XX в. / И. В. Брюханов // Сибирский юридический вестник : регион. правовой журн. - 2009. - № 3. - С. 11-14
 3. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44.
 4. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк второй / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 2. - С. 20-26 .
 5. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк третий: «красный» и «белый» террор / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы/ 2019. – 1(3). – С. 81-87.
 6. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк четвертый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2019. – 2. - С. 20-25.
 7. Гергесова Л. Где хранятся сокровища Донского? / Л. Гергесова // СМ Номер один. - 2014. - № 36 (11 сент.). - С. 10
 8. Казачий мир. Режим доступа: <https://ok.ru/kazakmir/topic/62700469808053>
 9. Как брали банду Кочкина, которая наводила ужас на всю байкальскую тайгу. Режим доступа: <https://www.infpol.ru/180275-kak-brali-bandu-kochkina-kotoraaya-navodila-uzhas-na-vsyu-baykalskuyu-taygu/>
 10. Кочкин Григорий. Разгром его банды // Ирkipedia. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/kochkin_grigoriy_razgrom_ego_bandy
 11. Нилин П. Ф. Жестокость: повесть. – М.: Знание, 1979. – 222 с.
 12. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
 13. Сибирская Вандея // Персональный блог Романа Днепровского. Режим доступа: <http://tararuev.ru/2018/11/29/sib-vandeya/>
 14. Суханов О. Кончина атамана Кочкина / О. Суханов // Мои года : газ. пенсионеров Приангарья. - 2011. - № 6(5 февр.). - С. 18
 15. Тириков А.Г. Черные тени: роман. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1980. – 400 с.
-

УДК 94

**БАНДИТИЗМ 1920-Х ГОДОВ И ГРИГОРИЙ КОЧКИН:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ¹⁴**

Так как для нашего историко-реконструктивного исследования крайне важное значение имеет анализ психологии свидетельств – в силу сокрытости огромного числа фактографических и документальных описаний отечественной истории целых десятилетий XX века – автор уделяет серьезное внимание природе бытовавшей и бытующей лжи и намеренного (иногда непроизвольного) искажения исторических фактов и свидетельств, связанных с бандитизмом 20-х годов в Восточной Сибири. Отдельное внимание уделено в статье весьма известной исторической персоне 20-х годов прошлого столетия – атаману и так называемому «уголовнику» Григорию Александровичу Кочкину – активному участнику повстанческого движения 1920-х годов, память о котором жива в Иркутском и Эхирит-Булагатском районах (а может, и более того) и поныне.

Ключевые слова: гражданская война, Иркутская область, бандитизм, Григорий Кочкин, повстанческое движение, ретроспективный анализ

**BANDITRY OF THE 1920S AND GRIGORY KOCHKIN: RETROSPECTIVE
ANALYSIS**

Since the analysis of the psychology of evidence is extremely important for our historical and reconstructive research - due to the concealment of a huge number of factual and documentary descriptions of the national history of entire decades of the XX century – the author pays serious attention to the nature of the existing and existing lies and intentional (sometimes involuntary) distortion of historical facts and evidence related to banditry in the 20s in Eastern Siberia. Special attention is paid in the article to a very famous historical person of the 20s of the last century - the ataman and the so-called "criminal" Grigory Alexandrovich Kochkin - an active participant in the insurgent movement of the 1920s, whose memory is alive in the Irkutsk and Ehirit-Bulagat districts (and maybe even more) to this day.

Keywords: civil war, Irkutsk region, banditry, Grigory Kochkin, insurgency, retrospective analysis

Выдающийся французский историк XX века, герой антифашистского сопротивления Марк Блок считал историю наукой, переживающей детство. «История, как серьезное аналитическое занятие, еще совсем молода». Рассуждая об исторической критике и аналитике, Марк Блок отмечал, что «мифомания присуща не только отдельным индивидуумам, но и целым эпохам ... Наивно перечислять бесконечно разнообразные причины, побуждающие лгать. ... Но то, что нарушение истины порождает целую цепь лжи, что всякий обман почти неизбежно влечет за собой многие другие,

¹⁴ Опубликовано: Винобер А.В. Бандитизм 1920-х годов и Григорий Кочкин: ретроспективный анализ / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2021. 1(4). С. 68-85

назначение которых, хотя бы внешнее, поддерживать друг друга, - этому учит нас опыт житейский и это подтверждается опытом истории» [2].

Так как для нашего историко-реконструктивного исследования крайне важное значение имеет анализ психологии свидетельств – в силу сокрытости огромного числа фактографических и документальных описаний отечественной истории целых десятилетий XX века – целесообразно уделить серьезное внимание природе бытовавшей и бытующей лжи и намеренного (иногда непроизвольного) искажения исторических фактов и свидетельств.

Поэтому мы и обратились к работам Марка Блока, рассматривающим эти явления в контексте исторического исследования.

Как пишет Марк Блок: «Среди всех типов лжи – ложь самому себе – достаточно частое явление и слово «искренность» - понятие весьма широкое, пользоваться которым можно лишь после уточнения многих оттенков. Тем не менее, верю, что многие очевидцы обманываются совершенно искренне... Абсолютно правдивого свидетеля не существует, есть лишь правдивые или ложные свидетельства. ... Критика свидетельства, занимающаяся психическими явлениями, всегда будет тонким искусством. ... В основе почти всякой критики лежит сравнение» [2].

В силу искажения многих фактов действительности и довлеющего засилья идеологизированных текстов, в отечественной историографии и в обыденном сознании нетривиально мыслящих сограждан получил распространение термин «читать между строк», означающий навыки и умения критически интерпретировать какой-то опубликованный текст или факт об историческом событии.

Надо сказать, что смысл вышеназванного термина не утратил значения и по сию пору – скорее, стал многократно актуальнее, чем в прошлом веке.

Вероятно, что в связи с «психологией междустрочья» большое значение для контекста исторического исследования событий давно минувшего, а в данном случае – событий 1920-х годов в Восточной Сибири, большое значение имеет аналитическое изучение художественных

произведений, написанных об этих событиях позднее, но основанных на художественной интерпретации фактов, имевших место в реальной действительности того времени.

В качестве примера мы можем привести четыре таких произведения (это всего лишь субъективный выбор): 1) А.Иванов «Тени исчезают в полдень» (1963) [7], 2) П.Нилин «Жестокость» (1956) [14], 3) С.Китайский «Поле сражения» (1973) [8] и 4) А.Тириков «Черные тени» (1980) [26].

В романе «Тени исчезают в полдень», в основу которого (по широко распространенному мнению) положена фактическая история банды Черепановых, активно боровшихся с Советской властью в Верхотенском и соседних уездах в 1920-22 годах.

Этот же исторический сюжет вошел существенной частью в роман «Поле сражения» Станислава Борисовича Китайского, в котором они именуются Черепахиными.

И в первом и во втором случае исторические сюжеты были переработаны авторами по своему усмотрению, и получились весьма различные художественные образы конкретных исторических персон, обладающие в итоге трудносопоставимым различием. У А.Иванова Анна Черепанова (исходный исторический персонаж) превратилась (в значительной степени под влиянием исходной идеологической установки) в злобную, коварную и непримиримую религиозную фанатичку Пистимею. У С.Китайского, несмотря на исходную злобность исторического персонажа, получился (несмотря и вопреки) довольно романтический образ Анны Черепahiной (Черепановой), не лишенный женского очарования.

Но возвратимся из литературы в историю. В статье 1967 года двух персональных пенсионеров союзного и республиканского значения И.Пестуна и И. Канина говорится: «В 1922 году на основании постановления Советского правительства был опубликован приказ Реввоенсовета пятой армии о добровольной явке бандитов, гарантии им жизни. Многие раскаивались в совершенных злодеяниях, банды почти разложились... В

июне 1922 первыми с повинной явились в полном обмундировании, с оружием, гранатами и боеприпасами три поручика-колчаковца Шеметов, Шелковников и Большедворский 2-ой, а также штабс-капитан Яковлев. Они явились рано утром в кабинет председателя Верховенского уездного Совдепа И.С. Пестуна и его заместителя А.Е. Житова. ... Главарь всех главарей Черепанов Андриан и его жена Аннушка, явились последними в августе месяце». Но ранее по тексту: «в июне 1923 года, когда бандиты Черепанова и Развозжаева заняли с. Знаменку, убили начальника милиции т. Халберова и полностью разграбили кредитное товарищество» [17].

Как-то трудно логически увязать: в августе 1922 года Черепанов сдается под амнистию, а в июне 1923 года – снова бандитствует? Может, опечатка? Тогда зачем союзный пенсионер (в последствии) и тогдашний председатель уездного Совдепа называет злобную бандитку Анну Черепанову Аннушкой? Тоже какая-то странная оговорка. Неужели он не знал об уничтожении отряда ЧОНа Мишарина, которое организовала А.Черепанова?

В итоге – Анна Черепанова не понесла никакого наказания, и была случайно узнана в 70-е годы в городе Красноярске. И снова этот факт не получил общественно-политической огласки, какая-то мистика, в которую верится с трудом.

Как, впрочем, с трудом верится в версию, что Анатолий Иванов использовал образы Черепановых, как прототипов главных героев своего романа. Но литература – не история. Она вполне допускает многозначность толкований и интерпретаций.

Так, например, повесть Павла Нилина «Жестокость» в значительной степени написана на основе фактических материалов уголовного дела, связанного с уничтожением банды Григория Кочкина в 1929 году. Тем не менее, это вовсе не хроника, а художественное произведение, где автор, используя свое творческое воображение, комбинирует свой опыт (как

участника по борьбе с бандитизмом 1920-х годах, но в другой местности и с другими названиями).

Так Лазарь Баукин (его прототип – Михаил Михалев, участник банды Григория Кочкина, предавший и застреливший атамана во имя спасения своего брата, находившегося в заложниках), имеет отдельные черты самого Григория Кочкна. История о том, что старший брат Митрофан уговорил Лазаря вступить добровольцем в белую армию очень похожа на такую же у Кочкина, но только нигде не упоминается, что у Михалева был старший брат. В частности, Анатолий Тириков, использовавший беседы-воспоминания Михаила Михалева в своем романе «Черные тени», пишет как раз обратное: у Михалева был только один младший брат, который и попал в заложники, как ранивший милиционера.

Очень ярко в повести Павла Нилина описан один из главных героев (мягко скажем: не очень положительный персонаж) собственный корреспондент губернской газеты Яков Узелков, подписывающий свои статьи псевдонимом «Якуз». Когда читаешь статьи того времени о борьбе с бандитизмом – в некоторых обнаруживаешь точный стиль нилинского «Якуза». Например, статья «Борьба органов Чека с белобандитизмом. Памяти Кости» 17 декабря 1922 – об убийстве в районе Жердовки сотрудника советских органов по борьбе с бандитизмом [3].

В финале повести «Жестокость» главный герой Венька Малышев (прототип – Вениамин Дробышев – главный организатор ликвидации Григория Кочкина руками Михаила Михалева) перед самоубийством говорит другу такие слова: «У начальника – но у него нету никакой совести... Он хочет, чтобы мы оформили это дело так будто это не Лазарь Баукин повязал Воронцова, а мы повязали Воронцова, Баукина и всех остальных – выходит, что я обманул их от имени Советской власти!»

Запомните, уважаемый читатель этот фрагмент – далее по тексту, когда мы будем рассматривать подробности ликвидации атамана Григория Кочина, мы его прокомментируем.

Надо сказать, что под влиянием художественных произведений, кроме прочего, рождаются и новые мифы.

Где-то я уже упоминал, что в 90-е годы ушедшего столетия, в селе Тугутуй мне рассказывали, что роман «Тени исчезают в полдень» написан по событиям, происходившим в селе Тугутуй: «Вот там, на Мурине, на правом берегу – Марьин утёс, а на этой березе (показывали на отдельно стоящую березу за Тугутуйчиком), Кочкин повесил по очереди трех председателей Совдепа...».

Надо сказать, в сельской местности, особенно в Сибири, устное народное творчество частенько прямо таки процветает. Вот недавно натолкнулся на статью Л.Б. Мантракова в Эхирит-Булугатском вестнике, где он пишет: «Прочитав в новом издании роман Анатолий Тирикова нашего усть-ордынского писателя «Черные тени», соприкоснулся с далекими событиями 20-х годов прошлого века, ко времени становления советской власти в наших краях... Это происходило на глазах наших недавних предков, мы все это слышали из их уст» - дальше идут традиционные клише из советских газет былого времени (их много – не буду здесь приводить). Далее: «Случай в улусе Малой был связан с расправой со старшим братом Григория Кочкина. Узнав об этом от своих, Григорий решил расправиться с теми, кто осмелился дать отпор. И надо было именно расправиться с Илюхой Балдыновым, одним из участников отпора, комсомольцем-чоновцем 17-ти лет. ... Григорий, прошедший войну, люто ненавидел советскую власть. Он знал своих сверстников с соседних деревень, знал и Илью Балдынова, были знакомы».

Таким образом, мы узнаем, что 17-летний комсомолец Илья Балдынов, будущий Герой Советского Союза, был сверстником Григория Кочкина, полного георгиевского кавалера, прошедшего первую мировую и гражданскую войну.

«Подъехав к дому Ивана Балдынова (дяди Ильи), громко постучали в окна и в дверь. Но хозяева не открывали. Услышав ржание и топот коней,

они сразу поняли, кто такие и зачем они здесь, замельтешили, куда девать Илюшку, что делать. На полу спали ребятишки, укрытые одеялом и в ногах они были укрыты дохой. И вот под ноги детей они уложили Илюшку, сверху накрыли дохой.... Бандиты выстрелом наповал застрелили дядю Ивана – обшарили весь дом, заглянули за печку, в чулан, но Илью не нашли. Не найдя никого, они ринулись в соседний дом. В это время Илья выскользнул из дома и сумел скрыться» [12].

Все оно могло так и быть, но только как бандиты не смогли разглядеть лежащего под дохой у них на глазах – в это довольно трудно поверить.

По нашему субъективному мнению, каждая историческая эпоха имеет свои векторы развития и свои доминанты, которые являются определяющим субстратом для многих событий и во многом определяют поведение людей, живущих в эту эпоху.

Одним из основных доминантов в эпоху революции и гражданской войны, а также в последующие годы был террор. Революционный, контрреволюционный, «красный», «белый», «зеленый», анархистский. В одной из своих прежних работ мы в общих чертах рассматривали значение «красного» и «белого» террора в ходе гражданской войны [5].

К этому можно добавить, что Советская власть, от своих первых дней и во многие последующие годы всячески занижала масштабы «красного» террора. Даже в самый последний год своего существования (1991) вышла книга «РВС Республики», где рассказывается о репрессированных при Сталине выдающихся революционерах и красных высших командирах и комиссарах, присутствует фраза о том, что из-за стихийного террора было расстреляно в Крыму несколько белых офицеров [21]. Заметьте: всего несколько. При том, масштаб красных репрессий в Крыму потряс все местное население Крыма и европейские политические верхи. По данным целого ряда исследователей во время «красного» террора в Крыму с ноября 1920 по ноябрь 1921 г. было предано расстрелу от 70 до 150 тысяч сдавшихся добровольно офицеров и солдат белой армии Врангеля, которые отказались

покидать Родину и поверили большевистской пропаганде об амнистии. Помимо офицеров и солдат также расстреливались все подозрительные лица буржуйского происхождения, а также раненные офицеры и солдаты белой армии и весь медицинский персонал Красного креста.

Выдающийся теоретик большевистской революции Л.Троцкий, внедривший в Красной армии децимацию (расстрел каждого десятого бойца при отступлении части) и заградительные отряды, расстреливающие своих отступающих красных, «отец» будущей системы концлагерей (ГУЛаг) писал: «Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи» [27].

Только по официальным данным за первые два года революции было казнено чрезвычайной комиссией около 10 тысяч человек. По неофициальным данным отдельные авторы настаивают на увеличении этой цифры на порядок, т.е. десятикратно.

После покушения на Ленина в 1918 году, за раненного вождя было расстреляно «всего лишь» (опять же по официальным данным) 600 заложников.

Вполне естественно, что многие «красные» и «белые» продолжали исповедовать политику террора и по окончанию гражданской войны. Свидетельств об этом явлении предостаточно.

После основательного введения, на наш взгляд полезного и необходимого для вдумчивого читателя, мы подошли к заявленной теме нашего небольшого эссе: к бандитизму 1920-х годов в Иркутской губернии (области) и одному из ярких представителей этого явления – Григорию Кочкину, известному и упорному противнику Советской власти, часто именуемому в советской историографии бандитом и врагом советской бедноты.

Как излагает в своей статье П.Новиков: «При показной либеральности режима в марте-апреле 1920 года были неизбежные эксцессы, связанные с самоуправством новых властей на местах. Арестованные в Усть-Куте офицеры при отправке в Иркутск были расстреляны конвоем, не желавшим совершать далекий путь. Жившее вдоль Ангары, Лены, Бирюсы и других рек население долго помнило запретные для купания места, где топили пленных белогвардейцев. Во второй половине 1920 года помимо мобилизации в красную армию, сопоставимой с колчаковской по масштабам, большевики принесли в Сибирь практику изъятия продовольствия у крестьян. И уже в мае 1920 года началась в Сибири новая широкомасштабная война – теперь между большевиками и крестьянами» [15].

Современные историки трактуют по-разному этот период (завершение Гражданской войны и возникновение эпидемии крестьянских восстаний в Сибири – в данном случае мы преимущественно рассматриваем Восточную Сибирь). Появились термины «повстанческое движение», «протестное движение», «крестьянская война». Можно придумать еще пару десятков звучащих по-новому терминов, но остаться по-прежнему в рамках старой парадигмы. Поэтому нас больше интересует глубинная психология и социология событий, имевших место в рассматриваемый исторический период нашего общего прошлого. В качестве примера исследования вышеназванного явления крестьянского протеста против Советской власти мы решили рассмотреть (в первом приближении) две работы молодого иркутского историка Проскуряковой М.А. [18, 20].

Во-первых, обе работы импонируют широтой и основательностью рассматриваемых событий того времени и устремлений автора к обоснованной классификации событий.

Во-вторых, чувствуется стремление автора «докопаться» до сути вещей и подвергнуть факты нетривиальному осмыслению.

В-третьих, отталкиваясь от вышеназванных работ, мы хотели бы высказать свои сомнения и замечания.

Некоторая поспешность выводов. «В июле 1922 года говорилось о сочувственном отношении крестьян к повстанцам. Но уже в декабре 1922 года для поимки отряда Кочкина была сформирована добровольная дружина, в т.ч. 2-я Тугутуйская (13 человек)». Здесь нам видится попытка частное явление выдать за общую тенденцию. Это, кстати сказать, давняя традиция советских историков. Поясним: крестьянство – не однородная масса и оно никогда не имело единого мнения, и тем более – единого отношения. Те 13 человек Тугутуйских дружинников, скорее всего, изначально не поддерживали появившееся протестное движение и были сторонниками новой Советской власти. Как и были в то же время и после – те, кто всегда был противником Советской власти и по возможности (пока это не грозило его жизни) поддерживал протестное, антибольшевистское движение.

Также у нас большие сомнения по поводу перехода повстанчества к бандитизму, потому как это по-преимуществу идеологическая, а не правовая природа явления. Мария Анатольевна приводит следующий аргумент: «Понятие «бандитизм» нашло отражение в первом советском уголовном кодексе (от 26 мая 1922 г.). Начиная с 1924 года в документах ОГПУ стали применять выражение «политический бандитизм» и «уголовный бандитизм». Позднее, в уголовном праве коммунистической власти появятся новые понятия и нормы, имеющие идеологическую природу и позволяющие лишить свободы и жизни любого гражданина республики Советов. То есть в конце 20-х и в 30-е годы произойдет тотальная идеологизация уголовного права в СССР, что позднее будет классифицировано (опять же идеологически) как «культ личности» и «период репрессий». То есть, с точки зрения естественного и позитивного права – это полное игнорирование правовых институций и элементарных прав человека.

Поэтому мы не согласны с формулой «повстанчество перешло в новую форму социального протеста – бандитское движение». По нашему субъективному мнению, это не социальный протест, а борьба против новой власти тех исторических персон, которые считали новую власть не

легитимной и антикрестьянской. И выбор это был не просто стихийный и эмоциональный – это был вполне осознанный выбор, основанный на вере, убеждениях и мировоззренческом опыте таких персон.

«После 1924 года говорится исключительно о негативном отношении крестьян к бандитам». Здесь у нас закономерный вопрос: кем говорится? И где? И кто этот великий и всемогущий, который смог зафиксировать (путем опроса всего крестьянского населения) этот единогласный факт негативного отношения крестьян к бандитам? Бандиты, они же, как и крестьяне – все разные. Один – действительно бандит, а другого – кто-то так обозвал. На каких основаниях? Покажите протоколы уголовного расследования и судебного разбирательства?

И последнее замечание. Как совместить такие утверждения: 1) «Хозяйство в Сибири в 1926 году было восстановлено». 2) «В конце 20-х годов стал расти кулацкий бандитизм. В 1929 году насчитывалось 456 случаев возникновения банд (в 1928 – 67 случаев)». Как такое возможно при восстановлении хозяйства?

Ольхонский краевед Н.А. Король отмечает: «В 1923 году... в Эхирит-Булугатском аймаке продолжали действовать банды Кочкина, Огнева, Суханова и других. Но их действия попадали под определение – уголовный бандитизм» [10].

Тот же вопрос: почему «уголовный», а не «политический бандитизм»? На чем основывается этот исторический диагноз?

В другой статье Н.А. Король описывает открытое вооруженное выступление 23 ноября 1931 года повстанческого отряда под руководством Иннокентия Марковича Жбанова и Ивана Александровича Иванова – с целью выступления – изменение экономического курса развития села – т.е. уничтожение колхозной формы собственности. Далее отмечает по тексту: «Вооруженные выступления отмечены по всей стране... За вторую половину 1931 года и начало 1932 года гг. по Бурят-Монгольской АССР

ликвидировано 12 контрреволюционных организаций, численностью более 1000 человек, из них – три вооруженных восстания» [11].

Как на этот раз можно диагностировать: это «уголовный бандитизм», «повстанческое движение» или «акции протеста»? Или это четвертый вариант: борьба с Советской властью?

Например, в статье И.В. Брюханова [4] говорится: «Создана мощная разведывательная служба, в результате чего бандиты (*борцы с Советской властью – А.В.*) лишились своих главных преимуществ – скрытности, мобильности, поддержки местного населения, источников снабжения, разведывательной информации».

С И.В. Брюхановым трудно не согласиться – к 1929 году уже действительно существовало довольно развитая сеть информаторов (ГПУ, Угрозыска). Понятно, что это мощная разведывательная служба была по преимуществу тайной. Но поощрялись также и открытые формы информаторства.

Например, в газете «Голос бедноты» от 12 июля 1929 года читаем под рубрикой «Селькоры пишут»: «По 300 рублей общественных денег носят в карманах председатели Бургасского и Захальского селькресткомов Оекского района. При таком хранении денег недолго и до растраты докатиться. С.Н.» [29].

Думается, что такие селькоры, как «С.Н.» в 30-е годы весьма активно принимали участие в информировании соответствующих органов по поводу образа мыслей и устремлений своих односельчан. Видимо, в то время уже бытовал малоизученный историками термин «сигнализировать», который сохранялся в практике советского строительства до конца 1991 года.

Вообще, в газетах того времени и в официальных документах имеют место сообщения совершенно противоречивого характера.

Например: «1 августа 1923 года бандитизм в губернии почти изжит». И далее: «В течение 1927-29 гг. Кочкин систематически совершал разбойные

нападения на дорогах. Как правило, жертвы подвергались избиению. Убийства совершались достаточно редко» [4].

Здесь мы вплотную подошли к рассмотрению весьма известной исторической персоны 20-х годов прошлого столетия – атамана и так называемого «уголовника» Григория Александровича Кочкина – активного участника повстанческого движения 1920-х годов, память о котором жива в Иркутском и Эхирит-Булагатском районах (а может, и более того) и поныне.

О Григории Кочкине имеется довольно обильная совокупность мифов, преданий и заведомо ложных измышлений. Эту мифологическую совокупность можно разделить на две части: 1) газетно-журналистское художественное творчество и 2) устное народное творчество и сказания очевидцев, живущее уже в третьем и четвертом поколении. Помимо двух серьезных художественных произведений, которые напрямую касаются Г.Кочкина – это повесть П.Нилина «Жестокость» и роман А.Тирикова «Черные тени». Есть целый цикл статей иркутского журналиста О.Суханова, который мы далее прокомментируем.

Из попыток научных осмыслений реальных устремлений и свойств, человеческих качеств исторической персоны – Г.Кочкина, мы знаем только две работы. Кроме нашей публикации [6] из цикла очерков психоистории гражданской войны (очерк пятый – февраль 2020 г.), на несколько лет раньше появилась статья М.А. Проскуряковой «Объективно о Григории Кочкине» [19].

Скажем откровенно, работая совершенно независимо, мы пришли во многом к сходному мнению о судьбе повстанца и «бандита» Григория Кочкина.

Как отмечает в своем очерке М.А. Проскурякова: «Целостную картину о Кочкине никто предложить не мог... Настоящая биография его отсутствует, что заставляет усомниться в правдивости некоторых фактов о нем» [19]. Мы бы здесь добавили следующее: весьма вероятно, что материалы биографические о Григории Кочкине были засекречены в начале

20-х годов и вот уже на протяжении столетия являются «запретной зоной» для исследователей. То есть, до настоящего времени не рассекречены. Причина этого, скорее всего, заключается в том, что реальная биография и реальная деятельность Григория Кочкина содержала совсем иной образ, чем искусственно создаваемый представителями Советской власти.

Поэтому до настоящего времени требование, высказанное в публикации М.А. Проскуряковой, о необходимости восстановить историческую справедливость и рассматривать личность Кочкина в исторической действительности, практически не реализуемо, пока не будут опубликованы все действительные факты его биографии и его противосоветской борьбы в 20-е годы прошлого века.

Из-за отсутствия достоверных данных, которые (весьма вероятно) есть и хранятся в труднодоступных архивах, мы не можем ответить на многие вопросы: 1) Где и как воевал Григорий Кочкин в Первую мировую войну?, 2) Полный или неполный кавалер Георгиевского креста? 3) Где находился и чем занимался Кочкин во время революции и Гражданской войны? 4) Входил ли он в состав отрядов (банд) Прокопьева и Донского? 5) Какие имеет отношения Григорий Кочкин к событиям в Оеке 30 апреля 1921 года? 6) Каким образом его заманили в ловушку (с помощью Мих. Михалева) 3 июля 1929 года? 7) И многие другие вопросы, которые позволят создать правдоподобный исторический портрет, а не произвольное собрание мифов и вымыслов, накопившихся за целое столетие.

Ниже мы еще раз коснемся мифов и вымыслов, которые бытуют в средствах массовой информации и в научной литературе по поводу жизни и смерти Григория Кочкина [1, 9, 13, 22-25, 30, 31 остальное и др.].

Миф «Как погиб Григорий Кочкин».

П.А. Новиков, в своей объемной монографии «Гражданская война в Восточной Сибири» сообщает: «Подпоручик Г.А Кочкин убит сотрудником угрозыска при попытке захвата обоза с оружием у деревни Жердовка. В течение последующих дней задержаны все 28 участников его отряда» [16].

Да, действительно, такова версия, созданная сотрудниками угрозыска и активно тиражируемая в первые дни и месяцы убийства Г. Кочкина.

Более достоверную версию сообщает писатель Анатолий Тириков, тесно общавшийся с членом банды (отряда) Г.Кочкина Михаилом Михалевым, который был вынужден затрелить Кочкина, спасая своего младшего брата, которому грозил расстрел. Эту версию в 60-90 е годы регулярно озвучивал иркутский журналист О.Суханов [22-25].

Признаюсь честно: читать О.Суханова интересно и увлекательно. Четверть века, если не больше, он переписывал одну и ту же статью. Когда я читаю сухановские статьи про Г.Кочкина – всегда вспоминаю Якова Узелкова – журналиста губернской газеты из повести П.Нилина «Жестокость».

То в одной статье атаман велит своей подруге Анисье спрятаться в ельнике и ждать, то в следующей статье предлагает Анисье спрятаться в сосняке и ждать (видимо, местные жители написали в редакцию, что там нет и никогда не было ельника).

Михаила Михалева, застрелившего Кочкина в затылок из кочкинского же карабина, когда тот, взобравшись на сосну, рассматривал в бинокль обоз, Суханов называет то лучшим другом атамана, то киллером. И обоз они почему-то ждут в землянке, где Михалев и застрелил атамана.

«Когда показался обоз – Гришка начал разглядывать его в бинокль» (видимо, обоз проезжал рядом с землянкой).

На посмертной фотографии, где Григорий Кочкин, гладко выбритый, опоясанный оружием, снят с живой подругой – Анисьей. И вдруг у О.Суханова – отрезанная голова с пышной черной бородой...

Почти каждый второй абзац можно комментировать и спрашивать себя: «Как такое может быть? Где же здесь логика?». Но местами попадаются любопытные моменты.

А.Барутчев, которому приписывают успех операции по уничтожению Г.Кочкина, вдруг говорит: «Хоть икону с него пиши... Он был великолепный

наездник, стрелял без промаха. ... Его осторожность, от Бога дальновидность, природная сила и ловкость, и к тому же Кочкин не пил, не курил и не любил матерных слов. ... «Два последних дела многотомного следствия с грифом «Хранить вечно» лежат передо мной». «... Этот материал написан на основании документов архивов УВД и КГБ, воспоминаний участников операции по ликвидации Кочкина...».

Видимо, есть оно где-то многотомное дело.

12 июня 1929 в газете «Голос бедноты» вышла статья «Убит бандит Кочкин», в которой есть следующий фрагмент: «В день убийства ранним утром Кочкин с Дорой (Анисьей Соломатовой – А.В.) и друзьями, оседлав коней, двинулся из тайги на тракт, неподалеку от деревни Жердовка. Около семи утра банда увидела возчиков, везущих в Качуг груз. В тот самый момент, когда Кочкин и его сподвижница в бинокли стали наблюдать за избранными жертвами предстоящего грабежа, **Кочкин был убит выстрелом из винтовки сотрудником уголовного розыска Н.** (выделено шрифтом – А.В.). Пуля попала в шею и вылетела в правый глаз» [28].

После ликвидации банды Кочкина в августе 1929 года в Оеке и Жердовке появилось пять новых колхозов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банда Кочкина ликвидирована // Власть труда. 1929. № 153 (6 июля). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qZi>
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, доп. Пер. с фр. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
3. Борьба органов Чека с белобандитизмом. Памяти Кости // Власть труда. 1922. № 289 (17 дек.). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qZ2>
4. Брюханов И. В. Правоохранительная деятельность против уголовного бандитизма на территории Иркутской губернии и Иркутского округа в 1920-е гг. XX в. / И. В. Брюханов // Сибирский юридический вестник : регион. правовой журн. - 2009. - N 3. - С. 11-14
5. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк третий: «красный» и «белый» террор // Вестник Института развития ноосферы/ 2019. – 1(3). С. 81-87.

6. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны. Очерк пятый. Григорий Кочкин: бандит-уголовник или борец против советской власти? // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2020. №1(3).С. 13-19.
7. Иванов А. Тени исчезают в полдень. - М.: Вече. 2016. 576 с.
8. Китайский С. Поле сражения : роман / С. Китайский. - Иркутск : Вост. - Сиб. кн. изд-во, 1988. - 448 с.
9. Конец банды Кочкина. Рассказ комсомольца 20-х годов // Анграсские огни. 1988. № 129 (29 окт.). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qUP>
10. Король Н. Приольхонье. Хозяева тайги // Байкальские зори. 2019. № 10 (14 марта). Режим доступа: <http://baikzori.ru/articles/media/2019/3/14/priolhone-hozyaeva-tajgi-1/>
11. Король Н. Приольхонье. Шесть страниц про «Великий перелом» // Байкальские зори. 2019. № 46 (28 нояб). Режим доступа: http://baikzori.ru/inova_block_issueset/464/58965/
12. Мантраков Л.Б. Из жизни генерала Балдынова // Эхирит-Булагатский вестник. 2020. № 24 (19 июня). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qV4>
13. Не забудем! // Анграсские огни. 1966. № 71 (15 июня). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qVc>
14. Нилин П. Ф. Жестокость: повесть. - М.: Знание, 1979. - 222 с.
15. Новиков П.А. «Долой продрозверстку, долой мобилизацию, долой коммунистов» (антибольшевистские выступления в Иркутской губернии в 1920-1921 гг.) / П. А. Новиков // Земля Иркутская. - 2003. - № 1 (21). - С. 55-62.
16. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. - 415 с.
17. Пестун И., Канин И. Бесславный конец бандитизма // Ленинская правда. 1967. № 13. С. 2. Режим доступа: <https://goo.su/Kt8>
18. Проскурякова М.А. К вопросу о крестьянском протесте в Восточной Сибири в 1918-1929 гг. // Молодой ученый. 2015. 12. С. 669-671
19. Проскурякова М.А. Объективно о Григории Кочкине // Эхирит-Булагатский вестник, 2015г. № 45 (13 ноября). С. 7
20. Проскурякова М.А. Повстанческое движение в Иркутской губернии в 1920-1929 гг // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : мат. Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти профессора В.И. Дулова (Иркутск, 22 апреля 2015). – Иркутск. 2015. С. 169-174.
21. РВС Республики / Под ред. Ненарокова А.П. - М.: Издательство политической литературы. 1991. 464 с.
22. Суханов О. «Простое» дело // Советская молодежь. 1971. № 60 (22 мая). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qS9>
23. Суханов О. Конец атамана // Восточно-Сибирская правда. 1996. № 174/175 (24 авг). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qSw>
24. Суханов О. Смерть иркутского атамана // СМ-номер один. 1998. № 183 (21 сент). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qTQ>

25. Суханов О. Три месяца года // Советская молодежь. 1971. № 133 (11 нояб). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qSV>
 26. Тириков А.Г. Черные тени: роман. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1980. - 400 с.
 27. Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. – М., 1920. С. 57
 28. Убит бандит Кочкин // Голос бедноты. 1929. № 47 (12 июля). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qTt>
 29. Селькоры пишут // Голос бедноты. 1929. № 47 (12 июля). Режим доступа: <https://clck.ru/Z7qTt>
 30. Фомина В.М. Дядя Миша, или воспоминания об отце // Прогулки по старому Иркутску : альманах. 2020. Вып. 1(5). С .144-159.
 31. Фомина В.М. Родословная Фоминых // История в лицах и поколениях : [сборник] / Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркут. о-во "Родословие" ; отв. ред. Ю. П. Лыхин ; редкол.: Л. А. Казанцева [и др.]. - Иркутск : Репроцентр А1, 2013. С. 202-208.
-

УДК 94 (571)

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ: ЯНВАРЬ 1919-ФЕВРАЛЬ 1920 ГГ.
(ФРАГМЕНТЫ РЕКОНСТРУКТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКЦИИ)¹⁵**

В данном кратком очерке мы делаем фрагментарный обзор решающего периода войны, приведшего к поражению правительства адмирала Колчака, выборочно анализируя отдельные ключевые (на взгляд автора) события.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, адмирал Колчак, вмешательство иностранных держав, ретроспективный анализ

**CIVIL WAR IN SIBERIA: JANUARY 1919-FEBRUARY 1920 (FRAGMENTS OF
RECONSTRUCTIVE AND ANALYTICAL RETROSPECTION)**

In this brief essay, we make a fragmentary review of the decisive period of the war that led to the defeat of the government of Admiral Kolchak, selectively analyzing certain key (in the author's opinion) events.

Key words: civil war, Siberia, Admiral Kolchak, intervention of foreign powers, retrospective analysis

В продолжение предыдущих публикаций по ретроспективному анализу событий гражданской войны в Сибири [3, 4] в данном кратком очерке мы делаем фрагментарный обзор решающего периода войны, приведшего к поражению правительства адмирала Колчака, выборочно анализируя отдельные ключевые (на наш взгляд) события.

Рассматривая январь 1919 года, надо сразу же отметить большую слитность событий этого месяца с декабрем 1918 года. Вообще, искусственно выделяя для ретроспективного анализа любой хронологический период, мы всегда должны помнить, что содержание событий в этом отдельно взятом периоде (временном промежутке) во многом обусловлено самыми разными причинами и событиями предшествующих периодов, и всегда существует вероятность обнаружения степени и силы причинного влияния на последующие события.

В декабре 1918 года мы бы отметили два ключевых события, оказавших серьезное, а может и решающее влияние на ход последующих событий гражданской войны.

¹⁵ Опубликовано: Винобер А.В. Гражданская война в Сибири: январь 1919-февраль 1920 гг. (фрагменты реконструктивно-аналитической ретроспекции) / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2020. №1(3). С. 20-29.

Первое. Восстание большевиков в Омске в ночь с 22 на 23 декабря, подавленное колчаковскими службами и войсковыми частями на следующий день. По нашему субъективному убеждению, это восстание носило характер провокации и в его подготовке участвовали как агенты колчаковской контрразведки, так и агенты иностранных миссий. Адмирал Колчак был тяжело болен, простудившись на параде, с трудом мог говорить, и почти не вставал с постели. 14 декабря 1918 года Верховный совет стран-победительниц потребовал от Колчака подчинения генералу Жанену – главе французской миссии, и адмирал Колчак, как верховный правитель, выразил категорическое несогласие.

В результате через неделю происходит спровоцированное восстание и без ведома адмирала Колчака производятся массовые расстрелы [1, 7]. В том числе – самосудная расправа с членами учредительного собрания. Неблагоприятный резонанс этого события чрезвычайно невыгоден Колчаку, так как вызывает раскол в рядах антибольшевистских сил на Востоке России. Кому это было выгодно, и кто за этим стоял? Скорее всего, сговор и заказ иностранных миссий, при участии большевиков и белочехов, а также агентов, внедренных в контрразведку Колчака, не считая агентуры эсэров и иных антиколчаковских политических сил.

Последствия этого провокационного события будут влиять на целую цепь событий в течение всего описываемого периода: с января 1919 по февраль 1920 года, приведут к предательству и гибели адмирала Колчака, и во многом повлияют на последующее поражение белых армий под предводительством Верховного правителя.

Второе событие, на первый взгляд, малозаметное и маловлиятельное, но также имеющее существенные последствия. 24 декабря 1918 года армия Пепеляева, разбив «красных», заняла Пермь. Победителям достались весьма богатые трофеи, в том числе, было взято в плен 20 тысяч красноармейцев. Командующий армией Пепеляев приказал распустить их по домам...

Очень странная и непозволительная роскошь во время гражданской войны, тем более, что с 30 августа 1918 года, большевиками был объявлен «красный террор».

Как писал Б. Симонов: «Контрреволюционные элементы в тылу... в результате колоссальной работы, произведенной при широком участии пролетарских масс нашими чрезвычайными комиссиями (ЧК)... утратили значительную долю своих кадров» [15].

За этой скромной фразой скрывается несколько десятков тысяч расстрелянных офицеров, не принимавших Советскую власть [5, 6, 13].

По логике событий, из взятых в плен красноармейцев можно было бы организовать вполне боеспособные части белых – хотя бы 50% из числа пленных – это было бы 10 тысяч новых бойцов в рядах «белых» (и такая практика была уже известна в конце 1918 года).

Революционно-демократические акции генерала Пепеляева будут позднее иметь свои негативные последствия.

Отвлечение 1. У того же Б.Симонова находим такой любопытный фрагмент: «Значение Каспийско-кавказского фронта и операций на нём в начале 1919 года, поскольку действиями этого фронта Деникин был на несколько месяцев задержан на Кубани и Северном Кавказе, и тем позволил нам обеспеченно разгромить Колчака (это задержка Деникина исключила для него возможность установления взаимодействия с Колчаком)» [15].

Действительно, если бы во время весеннего (в начале марта 1919 года) успешного наступления колчаковских армий, произошло бы слияние белых армий Деникина и Колчака в Волго-Уральском районе, мог бы возникнуть единый фронт белых, с сильной концентрацией именно на восточном направлении, что позволило бы лишить армии красных свободы маневра и переброски войск с юга на восток и в обратном направлении.

Далее, произведем небольшой сравнительный анализ ситуации на Восточном фронте гражданской войны (для Колчака – это западный фронт),

для чего воспользуемся мнениями двух выпускников царской академии генштаба: «белого» П.Петрова и «красного» К. Какурина.

1. Полковник (в последствии – генерал-лейтенант) Павел Петров, участвовавший в белом движении с июля 1918 года (однокурсник Каппеля), достаточно детально и достоверно описывает ситуацию в рядах «белых» Колчака зимой-весной 1918-1919 гг. и весеннее наступление 1919 года.

Приведем некоторые фрагменты из его описаний [12]:

1) Какие задачи ставил Омск на зиму на фронте нам было неизвестно.

2) Омск к весеннему нашему наступлению, как центр военного управления, почти ничего не сделал. Пример – подготовленный в тылу «курень Шевченко», прибыв на фронт сразу перешел в лагерь «красных» (и где здесь работа пресловутой колчаковской контрразведки? – А.В.).

3) подробный разбор военных операций 1919 года когда-нибудь будет сделан: одностороннее он был сделан в советских органах...

4) май 1919 – Симбирская бригада: один полк целиком перешел к красным. 13 мая Колчак-Каппелю: «Не ожидал этого... Прошу не падать духом» (опять пополнение из тыла – А.В.).

5) Челябинскую операцию разрабатывал генерал Сахаров и начальник штаба генерал Лебедев (на наш взгляд, весьма одиозные фигуры у Колчака – разработали такую операцию, где поражение «белых» можно было предсказать на 95% - А.В.).

6) Тылы «белых» оставались большими – на 25 тысяч штыков было 140 тыс. кормящихся (Это, конечно, парадокс. Но это вполне объяснимый факт – много беженцев и много любителей тыловой жизни в колчаковских армиях. У «красных» такого не было или было несравнимо меньше – А.В.).

7) после Омска (14 ноября 1919 года) до Тайги – сравнительный порядок. В 20-х числах декабря 1919 года мы выбрались в Мариинск, где стоял штаб 2-й армии генерала Войцеховского – масса ошеломляющих новостей, сулящих полное безнадежное будущее для белой

армии (предательство Красноярского гарнизона во главе с генералом Зиневичем и мн. др.) [12].

4 марта 1919 года Колчак прорвал фронт, двинулся к Волге, планируя у Саратова соединиться с Деникиным [17].

2. К. Какурин [9]. Фрагменты:

1) 6 марта начала наступление Уфимская операция противника, к середине апреля разрослась уже в прорыв против центра Восточного фронта.

2) критическое положение красного фронта вызвали приток свежих здоровых сил к нему – поэтому красные армии из всякого своего поражения выходили свежими и обновленными... ЦК РКП в своем обращении к губкомам и уездкомам призвал их довести свою работу по обслуживанию армии до высокой степени напряжения... Вся эта мощная струя активных и политически сознательных пополнений почти исключительно направлялась на Восточный фронт. ... Известия из многих мест свидетельствовали о необычайном подъеме и энтузиазме, с которым проходила мобилизация. Успеху мобилизации много содействовали организация её пропаганды в общероссийском масштабе и выделения для неё лучших сил.

3) 29 мая 1919 года – крупный успех красных на Восточном фронте, и обозначился сдвиг белых в обратном направлении... Выяснилась несостоятельность для белых пермско-вятского направления – начали снимать войска, но перегруппировка значительно запоздала и потому не принесла тех результатов, если бы она была предпринята ранее.

4) к вечеру 9 июня (1919) красные войска вновь вступили в г. Уфу. Белые некоторое время упорно держались. Только 16 июня ударные силы красных форсировали р. Белую. После чего началось общее отступление белых к Востоку. ... С потерей Уфы наметилась утрата уральских заводов, с размещенными в них заказами колчаковских органов снабжения. Белые лишились в уфимском районе огромных продовольственных запасов – 12 млн. пудов зерна и 200 тыс. пудов гречневой крупы...

5) 12 июля в своем дневнике военный министр колчаковского правительства барон Будберг записывает: «Фронт совершенно развалился, многие части перестали исполнять приказания и без всякого боя и не видя по несколько дней противника, уходят на восток, обирая население, отнимая у него лошадей, подводы и фураж» [2].

Выразим здесь некоторое сомнение по поводу высказывания военного министра – судя по описаниям П. Петрова [12] у колчаковского командования не было адекватного представления ситуации, сложившейся на фронте. Белые вышли на Tobол 30 сентября (отступление от Уфы до Тобола заняло 3,5 месяца). (Если бы это было такое бегство и развал фронта, как описывает Брудберг, то расстояние между Уфой и Тоболом можно было бы преодолеть за две недели... Скорее, основной развал происходил в Омске, в генштабе и у военного министра. – А.В.)

Отвлечение 2.

23 ноября 1918 года атаман Семенов отказался признать Колчака Верховным правителем. В Омске пришли к выводу о намеренном перерыве Семеновым железнодорожного и телеграфного сообщения с Дальним Востоком. 1 декабря Колчак приказом снял Семенова с должности. А 27 мая 1919 года Семенов признал Колчака Верховным правителем - более полугода политической игры принесло значительные негативные последствия для белых. Но и в конце мая 1919 года конфликт не был исчерпан. 13 июня 1919 года иркутский казачий полк в лице представителя войскового атамана Оглоблина отказался признавать власть командующего войсками Артемьева. После переговоров, не приведших к изменению создавшегося отношения, полк был разоружен и арестован [14]. Подобные «эксцессы» были весьма на руку красным.

«В белом движении не было единства, силы значительно уступали Красной Армии, действия не подкреплялись политическими мерами для обеспечения поддержки населения» [17].

В январе 1919 года в Уфе для оказания помощи сибирскому подполью было создано Урало-Сибирское бюро РПК (б) во главе с Ф.И. Голощекиным, печально знаменитым участием в расстреле царской семьи в 1918 году. Бюро направило в Сибирь более 200 человек для подпольной работы, издания газет, налаживания связи и проведения силовых акций. Оно оказывало материальную помощь и пересылало ориентировки и указания по тактике борьбы [11].

10 января 1919 года партизаны Канского уезда начали бои с белыми войсками. Для борьбы с партизанами был создан Канско-Тайшетский фронт, который возглавил полковник Красильников [8].

В конце февраля 1919 года министр внутренних дел В.Н. Пепеляев добился согласия чехословаков на их участие не только в охране дороги, но и в операциях в сельских районах.

Партизанская война против белых не столь героически однозначна, как это было принято описывать в советские времена. И выводы отдельных исследователей о наличии серьезных деформаций и психической патологии в нравственно-психологическом облике участников партизанского движения Сибири заслуживают серьезного внимания и более детального изучения [10].

Как, впрочем, и карательные операции Красильникова, белочехов, не говоря уже о беспределе барона Унгерна.

По нашему сугубо субъективному мнению, судьба Восточного фронта и армии Колчака решилась в июне-июле 1919 года. В это время наглядно проявилась неспособность Омского командования понимать ситуацию на фронте. Не исключено, что это было вполне сознательное вредительство со стороны агентов из числа белых офицеров и генералов, состоявших на содержании иностранных разведок (Франции, США, Англии), имевших установки от своих правительств. О чем может косвенно говорить обращение 3 июля 1919 года пяти ведущих держав к Колчаку... Участь белых и самого Колчака была решена далеко от линии фронта, в дипломатических кругах

Европы и США, на основе решения финансово-политического лобби, давшего «зеленый свет» диктатуре красного большевизма в России...

Аналогичная ситуация произошла с белыми на юге России – их последний прорыв на Москву был обречен при отсутствии надежного тыла и сворачивании поддержки стран Антанты.

Большевикам удалось успешно обмануть не только внешних, но и внутренних врагов, и в первую очередь, крестьян-середняков, которые впоследствии будут жестоко «раскулачены» и репрессированы. Как, впрочем, и большинство офицеров, привлеченных под красные знамена и воевавших со своими «белыми братьями по оружию и по призванию». У большевиков было призвано 48,5 тыс. офицеров и 12 тыс. «бывших белых офицеров», более 90% которых будет репрессировано (в основном – расстреляно) в 20 и 30-х годах.

Отвлечение 3.

27 августа 1919 года в Иркутск прибыла представительная делегация чехословацкого национального собрания – состоялся парад чехословаков – свыше 16 тыс. человек.

Уже тогда было всё ясно для бывших союзников России и большевиков (а колчаковские армии отходили с боями к Тоболу, не зная о том, что они окончательно преданы и обречены).

Неделей раньше, из эшелонов войск, которые были отправлены на фронт из Иркутска в начале августа, большинство мобилизованных солдат разбежалось – в Иркутске большевики вели очень эффективную пропаганду, которой бело-правительственные офицеры и чиновники не смогли противопоставить что-либо по-настоящему конкурентноспособное [16] (выражаясь современным рыночным языком).

Отвлечение 4.

Традиционный штамп историков-большевиков о том, что «период колчаковщины – самый мрачный в истории Сибири» - это хорошая занавесь на долгие годы, которая отводила глаза от «мрачного периода ЧК-

НКВД в 20-е и 30-е годы», против которых «мрачность колчаковщины» выглядит, мягко говоря, «слабосильной инквизицией». Но это уже вопрос сравнительного анализа белого и красного террора, с последующими репрессиями.

15 января 1920 года Верховный правитель адмирал Колчак был выдан чехословаками (под руководством коллеги и заместителя Колчака – французского генерала Жанена) Иркутскому Политцентру, который позднее передал его Иркутскому ГубЧека. В ночь с 6 на 7 февраля адмирал Колчак был расстрелян...

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. С предисловием Николая Старикова [Протоколы засеания Чрезвычайной следственной комиссии (21 января – 6 февраля 1920 г.)]. – СПб.: Питер, 2014. – 272 с.
2. Будберг А. Дневник белогвардейца. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.
3. Винобер А.В. Сибирь: декабрь 1918 года (ретроспективный анализ) / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2018. – 2. – С. 6-8.
4. Винобер А.В. Сибирь: ноябрь 1918 года (ретроспективный анализ) / А.В.Винобер // Сибирь: прошлое - настоящее - будущее. - 2018. - 1. - С. 6-13.
5. Волков С. Российское офицерство как служивое сословие // Офицерский корпус русской армии (опыт самопознания). – М.: Военный университет, Русский путь, 2000.С. 514-536.
6. Домин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии (опыт самопознания). – М.: Военный университет, Русский путь, 2000. – С. 489-513
7. Допрос Колчака / Заверил Зам. предс. Ирк. Губ. Ч.К. К. Попов. - Иркутск, 1920.- 224 с. (нет стр. 225-232)
8. Иванов Н.Т., Портнягин П.В. Гражданская война в Восточной Сибири – Иркутск: ИГПУ, 1999. – 113 с.
9. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. – 2-е изд., уточн. – М.: Политиздат, 1990. – 431 с.
10. Курышев И.В. К характеристике партизанского террора в Западной Сибири (1918-1919). Нравственно-психологический аспект // Вестник Омского университета. 2014. - 4 (74). С. 118-121.
11. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
12. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых М.: Айрис-Пресс, 2011. – 544 с.
13. Пивоваров М.С. Революционные трибуналы в Сибири: ноябрь 1919 - январь 1923 г. : автореф. дисс... к.и.н. – Кемерово, 2007.

14. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. – 559 с.

15. Симонов Б. Разгром Деникинщины. Почему мы победили в октябре 1919 г. – М-Л.: ГИЗ, 1928. 64 с.

16. Шевелев Д.Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистского правительства в годы Гражданской войны: по материалам периодической печати : автореф. дисс... к.и.н. - Томск, 1999-27с.

17. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция 1926 № 2 С 6, 16-17.

УДК 908 : 281.93

НОВЫЕ ФРАГМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ ИРКУТСКОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ¹⁶

Во вводной части статьи автор повествует о личном опыте познания и исследований (изысканий) по истории Иркутского Вознесенского монастыря. Во второй части статьи - представляет несколько фрагментов, которые подчеркивают богатое поле для последующих изысканий: об основателе монастыря старце Герасиме, настоятеле о. Иакинфе (Никите Яковлевиче Бичурине) и православном историке Александре Александровиче Ионине.

Ключевые слова: Иркутский Вознесенский монастырь, Иркутская епархия, Святитель Иннокентий (Кульчицкий), Старец Герасим, отец Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин), Александр Александрович Ионин.

NEW FRAGMENTS FROM THE HISTORY OF THE IRKUTSK VOZNESENSKY MONASTERY

In the introductory part of the article the author tells about personal experience of knowledge and research (research) of the history of the Irkutsk Voznesensky monastery (Irkutsk monastery of the Ascension of Christ) . In the second part of the article is a few snippets that highlight a rich field for further investigations: the founder of the monastery the elder (ascetic) Gerasim, Abbot O. Iakinf (Nikita Yakovlevich Bichurin) and the orthodox historian Alexander Alexandrovich Ionin.

Key words: Irkutsk Voznesensky monastery, Irkutsk monastery of the Ascension of Christ, Irkutsk diocese; Irkutsk bishops, St. Innocent (Kulchitsky), the elder (ascetic) Gerasim, Abbot O. Iakinf (Nikita Yakovlevich Bichurin) and the orthodox historian Alexander Alexandrovich Ionin.

Невзирая на постоянное,
повседневное, сознательное и
бессознательное общение, каждый
человек совершает свой путь и
осуществляет свою судьбу в глубоком и
неизбывном одиночестве.

**Иван Ильин. Русский
религиозный философ**

С апреля 1917 по 1 января 1918 - 10 человек солдат постоянно проживало в монастыре (были приглашены из 10-го полка). Окарауливали монастырь ночью, а иногда и днем. ... 10 месяцев прошло после революции, но везде и все разрушается... Бог знает, что ожидает нас в будущем.

**Из летописи Иркутского
Вознесенского монастыря с 12 января
1913 по 7 февраля 1918. [7]**

¹⁶ Опубликовано: Винобер А.В. [Новые фрагменты из истории Иркутского Вознесенского монастыря](#) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4). – С. 151-180.

Введение

О существовании в Иркутске мужского Вознесенского монастыря я впервые услышал осенью 1982 года, едва поступив на 1 курс факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, и тогда уже знал о том, что на факультете охотоведения учились в 50-х годах будущие православные священники о. Александр (Мень) и о. Глеб (Якунин). Причина таких элементарных познаний была проста – еще учась в 7 классе сельской школы (в целинном Северном Казахстане), неожиданно открыл в себе интерес к истории христианства и к архитектуре православных храмов, оттого, приехав в Иркутск, обошел все музеи и все действующие и недействующие православные храмы (последних было тогда большинство). И больше всего был очарован красотой Крестовоздвиженской церкви. Позднее, узнал, что ученые называют этот храм «архитектурным шедевром сибирского барокко». А еще позднее – появилась замечательная книга И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской области» [18], прочитал в ней описание Крестовоздвиженской церкви и поразился совпадению – как будучи первокурсником, и не зная всех этих умных слов, отражающих особенности архитектурного стиля, я умудрился испытать и пережить глубокие эмоциональные ощущения от красоты, созданной в XVIII веке...

О Вознесенском монастыре я узнал тогда только два момента: вот это место в Жилкино, у Ангарского моста, где когда-то стоял монастырь и от него осталась последняя безглавая церковь (Успенская), и на окраине Ново-Ленино, где сейчас находится Михайло-Архангельская церковь – там раньше был монастырский скит, который появился еще в XVII веке (уже в XXI веке узнал, что скит появился на месте будущего Вознесенского монастыря).

Случайная и единственная встреча с о. Дионисием (Садовниковым) (настоятелем возрожденной Успенской церкви) в 2002 году вновь пробудила интерес к удивительной истории Вознесенского монастыря, дремавший с 1994 года, когда удалось познакомиться с информацией о масштабах и

значимости этого православного учреждения для истории Иркутской области, для Сибири и для всей России.

Столько ярких духовных ликов и личностей под разрушенными сводами храмов Иркутского Вознесенского монастыря: и основатель старец Герасим, и святитель Иннокентий Кульчицкий, и первый архимандрит-настоятель Антоний Платковский, и монах-ученый отец Иакинф, и многие другие духовные лица сибирской и российской истории.

Время от времени я заглядывал в архивы, в отделы редких книг, находил интересные сведения о событиях прошлых веков из жизни монастыря и думал: вот появится свободное время, не будет житейских проблем – и тогда смогу серьезно погрузиться в историю православного Иркутска, и даже, возможно, смогу увидеть что-то новое, чего не смогли до сих пор разглядеть историки-профессионалы. Но житейские проблемы имеют свойство быть бесконечными и времени свободного никогда почти не бывает.

Все мы ходим под этим небом и все мы смертны. Но иногда нас посещают светлые мысли.

В первых числах января нынешнего 2018 года, после посещения светлой мысли, я позвонил о. Константину (Мануйлову), нынешнему настоятелю Успенской церкви Вознесенского монастыря, и сказал, что возможно в этом году я уеду из Иркутска и что у меня есть пять месяцев, относительно свободных, которые хотел бы посвятить исследованию по истории Вознесенского монастыря (с о. Константином мы знакомы четвертый десяток лет, с тех пор, когда были студентами факультета охотоведения в 80-е годы прошлого века).

И так, благодаря одобрению и поддержке о. Константина (Мануйлова) мне удалось на пять месяцев погрузиться в прошлые века, точнее, поработать в архивах, библиотеках и музеях Иркутска. Итогом поиска стала рукопись монографии «Исследования по истории Вознесенского монастыря», оформление которой я завершаю в ближайшие дни, и передаю настоятелю

Успенской церкви возрождаемого Вознесенского монастыря иеромонаху о. Константину, в надежде, что сей скромный труд окажется полезным и востребованным. [3]

Несколько слов о содержании самой работы (рукописи): в значительной степени она является поиском и систематизацией сведений из иркутских летописей, а также из научных публикаций, касающихся истории Вознесенского монастыря. Все извлеченные сведения изложены в хронологической последовательности и в этой части автор выступает только составителем, старавшимся не упустить значимые события из жизни монастыря. Разумеется, никогда невозможно избежать субъективности в оценке тех или иных исторических событий, фактов, дат и персон – и поэтому нельзя считать составленную хронологическую последовательность исчерпывающей.

В процессе поиска и работы с архивными материалами появились новые факты и новое видение отдельных исторических событий и персон – здесь автор дал большую свободу своей субъективной оценке, и она выразилась в виде аналитических обзоров, предваряющих каждую главу. Например, «Вознесенский монастырь в составе Тобольской епархии» и др.

Не все документы и книги, связанные с Иркутским Вознесенским монастырем оказались доступны. В отдельных случаях – они находились в процессе сканирования, в других – в реставрации или в аварийном состоянии. Не удалось поработать с книгой Прокопия Громова «Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий первый епископ Иркутский» в научной библиотеке Иркутского государственного университета - в этом удовольствии нам просто отказали, не объяснив причин. Но так как большая часть текста этой книги ранее публиковалась на страницах Иркутских епархиальных ведомостей, которые были успешно просмотрены и прочтены, мы внесли эту книгу в библиографический список. «Иркутские епархиальные ведомости» - настоящий кладезь уникальной информации по истории православия Восточной Сибири. С «Ведомостями» хорошо работалось в

отделе редких книг Иркутского областного краеведческого музея и в отделе книжных памятников областной библиотеки им. Молчанова-Сибирского. 4 марта произошло небольшое чудо и тексты «Иркутских епархиальных ведомостей» появились в интернет, на сайте проекта библиотеки «Хроники Приангарья». Также приятно было работать на этом сайте с книгой А.Ионина «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья)». Иркутск, 1895, и другими источниками.

Очень удобно и комфортно работалось в Государственном архиве Иркутской области (на ул. Трилиссера) и в Архиве Новейшей истории Иркутской области (на ул. Марата).

Разумеется, лучше было бы посвятить этому исследованию пять лет, а не пять месяцев...

Ниже автор представляет несколько фрагментов, которые подчеркивают богатое поле для последующих изысканий: необычная история и судьба монастыря, его роль как духовной святыни православия в Сибири.

Старец Герасим – основатель Иркутского Вознесенского монастыря

В 2019 году исполняется 350 лет как старец Герасим приступил к основанию Вознесенского монастыря на левом берегу Ангары в четырех верстах от Иркутского острога. «Основание Иркутскому Вознесенскому монастырю положил старец Герасим около 1670 года. Он исходатайствовал у Преосвященного Корнилия Митрополита Сибирского в 1672 году грамоту на построение монастыря, а еще в 1669 от воеводы Яковлева: с этого времени и должно считать начало нашего Вознесенского монастыря». [17]

Вместе с казаками и вслед за ними пришли разные люди, всякого чина и звания, и в том числе монахи и старцы, искавшие новых мест для своих подвигов. Один из таких старцев, по имени Герасим, удалился на 5 верст от Иркутского острога вниз по течению р. Ангары и здесь на невысоком холме, на левом берегу реки в местности, покрытой в то время дремучим лесом и

окруженной болотами, основал небольшую пустынь, в которой и поселился с другими лицами, искавшими монашеских подвигов. Но пустынь не могла удовлетворить людей, стремившихся к иноческой жизни, и потому среди братии новооткрытой пустыни очень скоро возникла мысль об учреждении монастыря. В осуществление этой мысли приняли участие и жители Иркутского острога. Чтобы дать прочное основание новой обители и обеспечить её дальнейшее существование, старец Герасим в 1669 году отправился в Енисейск и подал тамошнему воеводе челобитную, которою просил «для монастырского строения дать под хлебную пашню и под сенные покосы и под скотской выпуск земли ниже Иркутского острогу за Ангарою рекой». [42]

В 80-е и 90-е годы XX века значительное время исследованию историю Вознесенского монастыря уделила иркутский историк Г.А. Бухарова. Ниже мы приводим её версию о начале истории обители с ссылкой на первые три грамоты, где говорится о выделении земель для монастыря и разрешения на строительство монастыря. Ко всем трем грамотам причастен старец Герасим и везде присутствует его имя.

Основателем Вознесенского мужского монастыря Иркутская летопись считает старца Герасима, который через 5 лет после постройки Иркутского острога, на противоположной левобережной излучине реки Ангары, ниже острога на пять верст, в таежной местности, окруженной болотами, построил Пустынь. Где и поселился с монашеской братией, желающей иметь свои земляные дачи с пашнями, покосами и лесами. Спустя три года монахи просили Енисейского воеводу К.А. Яковлева отвести им земли для хозяйственных нужд.

Дошедшая до нас грамота Енисейского воеводы, которая представляет большой научный интерес, свидетельствует: «Данная о земле под монастырь и под пашню, и сенные покосы и под скотный выпуск из Енисейска лета семь тысяч сто семьдесят седьмого сентябрь ввосьмый на десять день ... сентября 14-й день бил челом Великим Государем а в Енисейском в съезжей избе

Стольнику и воеводе Кирилу Аристарховичу Яковлеву подал челобитную Старец Герасим (1666-1675 гг.) завел де он на Ангаре реке Пустыню и чтоб Великие Государи пожаловали ево старца Герасима велели для монастырсково строения дать под хлебную пашню и под сенные покосы и по скотской выпуск земли ниже Иркутцково острогу за Ангарою рекой ... земли отвести ему Старцу Герасиму и той отводной земли учинить межи и грани и всякие межевые признаки оной той земли заруками прислать в Енисейский острог и велеть подать в съезжей избе Стольнику и Воеводе Кирилу Аристарховичу Яковлеву а ся Память отдать Старцу вместо Данной а той земли ему Старцу никому не продавать не заложить до Указу Великих Государей владеть самому. У сей Памяти Великого Государя Царя... Печать земли Сибирския Енисейсково острогу Стольник и воевода Кирило Аристарховаич Яковлев положил...»

После получения Памяти (Данной) монахи, во главе со старцем Герасимом обратились за денежной помощью к служилым, посадским и гулящим людям для постройки монастыря, так как Пустынь не могла удовлетворять возрастающие запросы верующих. Собрав необходимую сумму, Старец Герасим исходатайствовал у Преосвященного Корнилия, митрополита Сибирского и Тобольского в 1672 году грамоту на постройку монастыря такого содержания:

«Лета 180 декабря в 13 день Великому Господину Преосвященному Корнилию Митрополиту Сибирскому и Тобольскому били нам челом Енисейково уезду Иркутцково острогу сын боярский Иван Максимов и служилые люди казачий пятидесятник Онисимко Михалев десятник Ивашко Турчанинов с товарищи чтоб нам ... пожаловать Старцу Герасиму в Иркутцком остроге покрай реки Ангары построить монастырь и церковь воздвигнуть во имя Вознесения Господа Бога и Спаса Иисуса Христа и велели Старцу Герасиму ниже Иркутцково острогу покрай Ангары реки построить монастырь...»

Так под руководством старца Герасима была заложена деревянная Вознесенская церковь (впоследствии по храму и монастырь стал называться Вознесенским), монашеские келии и деревянная ограда вокруг монастыря.

Но спустя немного времени старец Герасим вновь просит отвести ему пустопорожные земли под пашню и покосы, на что получает следующую грамоту:

«Лета 7183 (1675 г.) октября в 30 день велено отвесть Иркутскому приказному Енисейскому сыну боярскому первому Самойлову Иркутсково ж монастыря Вознесенсково строитель Старцу Герасиму збратиею земли где буде обыщут и по обыску Вознесенсково Монастыря строителя и по челобитной их збратиею Иркутской Приказной Енисейской сын боярской первой Самойлов ездил со служивыми людьми земли осматривать: с пятидесятником Сонисимкой Михалевым да срядовыми Соегоркой Фроловым Сывашкой Игнатьевым Иркутской приказной Енисейской сын боярской первой Самойлов по досмотру со служилыми людьми земли досмотря отвел и велел нашу Землю Вознесенскому монастырю строителю Старцу Герасиму збратиею Данную – дать на пустыя земли вновь нароспашь под хлебную пашню и под скотный выпуск и под дворовые поставки а та земля на Енисейской стороне по Иркуту реке вверх на левой стороне Ялани от Гнилой Курьи вверх по Иркуту до Елового острова до утесу и по правую сторону счерными лесами а згнилой Курьи – сусья грани загранены на толстой сосне и на лиственнице прямо по той Курье до камени и ему старцу Герасиму в тех урочищах землю распахать под хлебную пашню и владеть ему Старцу Герасиму збратею тою землею до Указу Великих Государей а на сторону той земли никому не продавать и незаложить и владеть самими и со всеми угодыями и срыбными ловами для брацкого прокормления и по досмотру Иркутсково приказного Енисейского сына боярского первова Самойлова и служилых людей Анисима Михалева стоварищем от них Старца Герасима ясачным людям и пашенным крестьянам утеснения никакова не будет а пашенных крестьян от них Старца Герасима заимки в дальном

расстоянии. К сей Данной Иркутской Приказной Енисейской сын боярской первой Самойлов печать приложил...» [Бухарова, 1990 цит. по: ГАИО Ф.121. Оп.1. Д. 1 Л.43-45 [8]].

Вот по этой третьей грамоте иркутский Приказчик Самойлов с пятидесятником Анисимом Михалевым, Иваном Игнатьевым, Егором Фроловым и отмежевали еще пустопорожные земли, расположенные уже по реке Белой. [2]

Иркутские жители чтут Герасима как святого; с 1900 года еженедельно по субботам после ранней обедни служилась панихида по старцу, а в часовне лития.

Старец предпринял путешествие в Енисейск в 1669 и в 1675. И во втором путешествии исходатайствовал у воеводы М.В. Приклонского расширение угодий.

Среди иноков Вознесенского монастыря современниками старца Герасима известны подвижники благочестия Никон, Тарасий, Ефрем и Исая¹⁷.

По преданию старец Герасим был высокого роста и атлетического телосложения. Святитель Иннокентий очень чтит память схимонаха Герасима. О часто посещал пещеру старца и молился в ней.

Происхождение старца Герасима. По преданию принял постриг от митрополита Тобольского Герасима (вероятно в 1647 г.)

Архиепископ Герасим (Кремлев) (? Новгород – 16 (26) июня 1650, Тобольск). Архиепископ Сибирский и Тобольский. Иконописец. С 12 июня 1634 года – игумен Тихвинского Успенского монастыря. Будучи иконописцем, в 1636 году испросил у царя Михаила Федоровича разрешение на поновление хранившейся в монастыре чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, которая сильно пострадала от времени и пожаров. 31 мая 1640 года – хиротонисан во епископа Сибирского и Тобольского с возведением в сан архиепископа. Был образованным архипастырем своего времени. Любил

¹⁷ Святые земли Сибирской // Иркутская епархия. Режим доступа: <http://iemp.ru/eparhia/sviatii.php>

книги и следил за современным книгоиздательством, приобретая новинки, выходившие с Московского печатного двора. Сам писал хорошим слогом, имел красивый и твердый почерк. Занимался иконописанием¹⁸.

Старец Герасим был хорошо знаком, и вероятно, был другом казаков Максима Перфильева и Ивана Похабова.

Максим Перфильев (1580 (1600) – ок. 1657). Казачий атаман, подъячий Енисейского острога. Отец Иркутского воеводы Ивана Перфильева. В 1631 г. основал Братский острог. В 1641 г. сопровождал караван с ясаком в Москву. В 1642-1651 гг. служил приказчиком в Братском и др. острогах. В августе 1647 г. енисейский сотник Максим Перфильев и Тобольский пятидесятник Ларька Едомский привезли на Ленский волок около 30 ссыльных семей, в их числе находился священник Иван Федоров. Максим Перфильев был провожатым (до Усть-Кута (?)). По преданиям Максим Перфильев был другом Ивана Похабова¹⁹.

Иван Похабов (1610-1667 (68) гг.) – основатель Иркутского острога на острове Дьячем в 1652 г., участник двух походов на Байкал. Прибыл в Енисейский острог в чине боярского сына из Москвы в 1642 г. В начале 1660 г. вернулся в Енисейский острог. Получил поместье в размере 268 десятин земли, где и умер в 1667-68 гг.²⁰

Выскажем 4 гипотезы происхождения старца Герасима (появления в Иркутске):

1. Из новгородской свиты Митрополита Герасима. «Всего же, включая домашних, в Сибирь в 1640 году вместе с новым архиепископом Герасимом отправилось 60 человек. До Восточной Сибири добрались единицы». [13]
2. Из группы сопровождавших в 1647 году семей ссыльных.
3. Из команды Ивана Похабова, ставившей первый острог на о. Дьячем в 1652 г.

¹⁸ Герасим // Православная энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/164579.html>

¹⁹ Перфильев (Перфирьев), Максим «Историческая энциклопедия Сибири» (2009) // Иркипедия.– Режим http://irkipedia.ru/content/perfilev_perfirev_maksim_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009

²⁰ Похабов, Иван Иванович // Иркипедия. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/pohabov_ivan_ivanovich

4. Из команды Якова Похабова, пришедшей в 1661 году и ставивших Иркутский острог и ходивших на Байкал.

Яков Похабов – дальний родственник Ивана Похабова (по некоторым сведениям – двоюродный брат). Яков Похабов 6 июля 1661 г. по приказу воеводы Енисейска поставил острог на правом берегу реки Ангары, позднее названный иркутским. Дальнейшая судьба Якова Похабова неизвестна²¹.

В замечательной статье сотрудника Центра сохранения историко-культурного наследия С.И. Медведева «Иркутский Вознесенский монастырь», богато иллюстрированной редкими историческими фотографиями, появившейся в первом номере журнала «Земля Иркутская» в 1994 году, и ставшей откровением для многих иркутян (в том числе – для автора этих строк) – есть много фактов, подчеркивающих необычную судьбу иркутской обители.

Остановимся на одном из них, наиболее важном. Еще в 1727-1731 гг. в стенах монастыря жил первый самостоятельный епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий Кульчицкий, человек высоконравственных качеств, честный и неподкупный. Спустя много лет после смерти Иннокентия (1731 г.) имя епископа вновь связывается с историей монастыря. Указом Святейшего Синода тело архиерея, пробывшее нетленным многие годы, не тронутое огнем во время истребительного пожара 1783 года, признается за совершенные Святые мощи, прославляется и открывается для всенародного чествования. 9 февраля 1805 года мощи торжественно переносятся в соборную Вознесенскую церковь. [25]

О святителе Иннокентии существует много публикаций [9, 22, 26, 36, 40 и др.], и трудно сказать что-то новое и неизвестное. Не так давно вышла книга под редакцией Сидоренко В.В. «Первосвятитель Иркутский, епископ Иннокентий 1 (Кульчицкий)» (2006) [33]. Поэтому мы ограничимся в этой

²¹ Похабов, Яков Иванович // Иркипедия. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/pohabov_yakov_ivanovich

работе приведением фрагментов из разных авторов, без своих субъективных комментариев.

Современник святителя Иннокентия - первый архимандрит-настоятель Вознесенского монастыря Антоний Платковский, сыгравший заметную роль в судьбе свят. Иннокентия в иркутский период, и о котором сохранилось немало противоречивых сведений, заслуживает отдельного исследования и мы представляем в монографии предварительный анализ жизнедеятельности о. Антония, как самобытной исторической персоны, но решили в настоящий очерк не включать фрагменты, посвященные Антонию Платковскому.

Прокопием Грозовым и Модестом Стрельбицким в «Иркутских епархиальных ведомостях» в целой серии публикаций подробно описана деятельность архиепископов Иннокентия II Неруновича и Софония Кристалева, архимандрита Синесия и других выдающихся духовных лиц, связанных с историей монастыря. [14, 21, 27, 28, 29, 34, 38, 39 и др.]

Особый исследовательский интерес вызвали у меня две яркие исторические персоны, имеющие отношение к истории обители: одна из них в самом начале, а другая – в конце XIX века. Что-то невидимо общее объединяло их судьбы. Вероятно, это то, что оба они, будучи духовными лицами, достигли всероссийского признания на научном поприще своего времени: Иакинф Бичурин и Александр Ионин.

Отец Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин)

Настоятелем Вознесенского монастыря в 1802-1806 гг. являлся молодой тогда архимандрит Иакинф (в миру Никита Яковлевич Бичурин), ставший позднее ученым-синологом с европейским именем [25].

о. Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин) 29 августа (9 сентября) 1777 – 11 (23) мая 1853 гг.

Архимандрит Русской Православной церкви в 1802-1823 гг. Востоковед и синолог. В 1808-1821 находился в Пекине. Из-за пренебрежительного отношения к миссионерской деятельности был подвергнут суду Святейшего Синода. В 1823-1826 гг. находился в ссылке на острове Валаам. В 1828 г. был

избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии. В 1819-1851гг. выпустил в свет 14 книг и около 100 статей о Китае и сопредельных странах. Многие труды так и остались неопубликованными.

7 ноября 1801 г. получил в управление Казанский Иоанновский монастырь (в Пекинской миссии активно циркулировали слухи, что Иакинф был незаконнорожденным сыном Амвросия). 16 мая 1802 г. неожиданно назначен настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря. На эту должность претендовал Лаврентий, ставленник иркутского епископа Вениамина, но митрополит Амвросий, покровитель Иакинфа, настоял на его кандидатуре. 4 августа 1802 года Иакинф прибыл в Иркутск. Светский образ жизни и слишком резкие меры по реформированию учебного процесса в духовной семинарии и внедрение дисциплины, привели к конфликту Иакинфа, семинаристов и братии монастыря. Иркутская консистория отредила Иакинфа от священнослужения и отстранила от должности настоятеля и ректора семинарии. Указом Синода от 29 января 1806 года эти меры были подтверждены и виновного в соблазнах архимандрита было велено отправить в Тобольск учителем в семинарии под надзор архиепископа Антония. Вместе с тем, 9 семинаристов, виновных в «буйстве» приговорили к телесным наказаниям и сдаче в солдаты.

Делами русской духовной миссии в Пекине занимался Амвросий, духовный покровитель Иакинфа. 11 февраля 1807 года с Иакинфа было снято запрещение на священнослужение. 5 марта 1807 император Александр I утвердил его главой пекинской духовной миссии. Главный аргумент: «основательное знакомство Иакинфа с китайским языком». Где и когда архимандрит успел познакомиться с этим языком остается неясным²².

²² Иакинф (Бичурин) // Википедия : свободная энцикл. - Режим доступа: [ru.wikipedia.org/wiki/Иакинф_\(Бичурин\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Иакинф_(Бичурин))

Отвлечение. Востоковеды и историки, изучающие биографию о. Иакинфа как исследователя Китая и соседних стран, с недоумением восклицают: «Когда архимандрит успел познакомиться с китайским языком остается неясным».

Предоставим слово иркутскому историку В. Шахерову: ««Иркутский купец Федор Петрович Щегорин вывез из Китая большое количество рукописей и книг. В 1802 году он передал в дар Иркутского народному училищу более 1000 китайских и маньчжурских книг» [43].

Зная неутолимую жажду архимандрита к истории и к языкам, разве мог он пройти мимо этого удивительного собрания китайских и маньчжурских книг – именно здесь, в Иркутске, подлинные истоки начального становления всемирно признанного сиолога, востоковеда и ученого монаха Иакинфа (Бичурина), оставившего яркую страницу в истории Иркутского Вознесенского монастыря.

С китайским языком о. Иакинф познакомился в Иркутске, имея круг общения с иркутскими купцами, неоднократно бывавшими в Китае и владевшими основами языка и привозившими в Иркутск китайские книги. Ко времени появления в Иркутске о. Иакинф в разной степени владел французским, латинским, древнегреческим, немецким и чувашским языками.

Помимо удивительного научного подвига, который совершил монах о. Иакинф (вот уже почти 200 лет его научные труды не теряют международного значения и признания, и до сих пор еще не опубликовано его рукописное наследие, помимо 14 книг и 100 научных статей, переведенных на разные языки мира), привлекает его жизнь, полная противоречий...

Не менее противоречивы и исторические сведения о нем, с которыми удалось познакомиться у разных авторов. Особенно это касается небольшого иркутского периода, когда в течение неполных 4 лет о. Иакинф пребывал в Иркутском Вознесенском монастыре.

Во-первых, сразу бросается в глаза, что отдельные авторы указывают разные сроки пребывания архимандрита в звании настоятеля иркутской обители. Одни указывают 1802-1806 [16, 25, 43], другие 1802-1803 [9, 24, 35].

Самое раннее упоминание второй версии (1802-1803 гг.) я обнаружил в статье П. Громова «Перенесение мощей свят. Иннокентия» [33: цит. по Громов П. «Начало христианства...»]. В примечании сказано, что архимандрит Иакинф был отстранен в 1803 году от настоятельской должности и временно настоятелем является Иоасаф. Присутствие о. Иакинфа на торжестве (1805 г.) вообще не упоминается (по автору – он отсутствует). То же - в публикации Санникова А.П. [35].

Но возникает вопрос: каким образом архиепископ Вениамин может отстранить от должности настоятеля архимандрита, назначенного Святейшим Синодом? И в каком режиме осуществлялось следствие, которое длилось 3 года? Отдельные авторы упоминают о нем так, будто бы архимандрит Иакинф был отстранен от должности и едва ли не изолирован от монастырской жизни.

Но есть и иная точка зрения. Иркутский исследователь Тарасов В.И. дает иную интерпретацию в статье «Открытие, которого никто не заметил: иркутское общество в портретных миниатюрах 1805 года» (2017). «Картина «Перенесение мощей святителя Иннокентия» неизвестный художник. Начало XIX в. Иркутск. Хранится в Иркутской Крестовоздвиженской церкви. Написанная не позднее 1806 г., она лишь однажды упомянута в описях Вознесенского монастыря 1840 г. В 30-х гг. прошлого века она оказалась в Иркутской Крестовоздвиженской церкви, куда свозились предметы культа для организации антирелигиозного музея. Первыми удалось определить портретные изображения священнослужителей высокого сана. Это епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин Багрянский и архимандрит, настоятель Иркутского Вознесенского монастыря Иакинф Бичурин. Табель к рапорту, «учиненному за прошлый 1804 год», поданный настоятелем монастыря архимандритом Иакинфом в Иркутскую духовную консисторию, дал

сведения по четырем иеромонахам, изображенным в центральной части картины. Это казначей монастыря Иероним и иеромонахи Нафанаил, Мисаил и Иов.» [37].

Это лишь небольшой фрагмент серьезной статьи, за которой проделана большая работа по реконструктивно-аналитической идентификации исторических персон (побольше бы таких вдумчивых и доискивающих исследователей).

Но, обратите внимание: настоятель Иакинф, отстраненный от должности в 1803 году, подает табель к рапорту, «учиненному за прошлый 1804 год». Какая-то в этом есть непонятность: отстранен, под следствием, но рапорты и табели подает на имя Вениамина и художник изображает его стоящим рядом с Вениамином...

Далее, в архиве (ГАИО), мы обнаруживаем Доношение преосвященному Вениамину о перемене в Успенской церкви святого антими́нса (обветшал) от 17.11.1804 года, подписанное о. Иакинфом. [5]

Далее: в книге реестров входящих и исходящих Вознесенского монастыря мы видим три письма (одно другого изысканнее): рапорты казначея Нафанаила преосвященному Вениамину, датированные второй половиной 1806 года, где он в талантливом, художественном стиле излагает о своей наивности и доверчивости при передаче казны монастыря (перед отъездом о. Иакинфа в Тобольск в марте 1806 года), что, мол, недосмотрел, а через какой-то срок обнаружил недостающие отчеты и просит преосвященного Вениамина вернуть о. Иакинфа из Тобольска в Иркутск. [6]

Возникает вопрос: каким образом, отстраненный от должности в 1803 году архимандрит Иакинф передает монастырскую казну казначею Нафанаилу только в 1806 году?

1802-1806 гг. При внимательном изучении этого периода в жизни Вознесенского монастыря обнаруживается еще один любопытный факт: никто из историков XIX века: Прокопий Громов, Архимандрит Модест (Стрельбицкий), Александр Ионин, никто из современных историков не

упоминает о содействии в принятии решения канонизации святителя Иннокентия в 1804 году митрополита Амвросия. «В 1800 г. граждане Иркутска подали прошение епископу Вениамину о ходатайстве перед Синодом «об общецерковном прославлении Иннокентия». Ходатайство подписали 389 жителей. После убийства Павла I вопрос о канонизации не поднимался два года. 5 марта 1803 г. Синод вновь запросил у епископа Вениамина, не было ли «изменений в мощах». Епископ подтвердил прежний акт о нетлении мощей и прислал в Синод выписку о вновь совершенных чудесах. Он сообщал, что «всенародное почитание святейшего продолжается и ширится», но Синод медлил с решением. Тогда епископ Вениамин обратился за помощью к генерал-губернатору Ивану Осиповичу Селифонтову, с которым они вновь осмотрели мощи. Селифонтов, обращаясь к первоприсутствующему в Синоде митрополиту Амвросию и к обер-прокурору Голицыну, выразил свое и всей Сибири настояние об открытии нетленных мощей. После обсуждения в Синоде мнение о канонизации епископа Иннокентия было представлено императору Александру I и 28 октября 1804 г. утверждено». [35]

В 1804 году ознаменован крупной победой Иркутской церкви, сумевшей добиться канонизации первого иркутского архиепископа Иннокентия Кульчицкого, управлявшего епархией с 1727 года. В 1805 году этому событию в городе были посвящены пышные церковные церемонии. [12]

Почему бы не упомянуть при этом, что первейший член Святейшего Синода митрополит Амвросий, явно сыгравший в процессе принятия решения главную роль, потому как пользовался большим доверием императора Александра I, был одновременно давним покровителем архимандрита Иакинфа, предложив кандидатуру Иакинфа на должность настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря. Как и в последствии, 5 марта 1807 года оказал решающее влияние на подписание императором

Александром I документа о назначении архимандрита Иакинфа главой духовной миссии в Китай.

Архиепископ Амвросий (Подобедов), (30 ноября 1742-21 мая 1818). Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Выборгский. Первенствующий член Святейшего правительствующего синода. 15 сентября 1811 освятил Казанский собор в Санкт-Петербурге²³.

Кстати, немногие историки вспоминают об успешном взаимодействии архимандрита Иакинфа с купцами Иркутска и гражданскими властями, включая генерал-губернатора Селифонтова. Умалчивают – по чьей инициативе появилась часовня на могиле старца Герасима, построенная на средства купца Чупалова в 1803 году, как появились «столичные» башенные часы (возможно, единственные в Сибири) на колокольне Иркутского Вознесенского монастыря и был построен новый двухэтажный дом настоятеля монастыря...

Для понимания решающей роли митрополита Амвросия в принятии решения о канонизации святителя Иннокентия говорит тот момент, что субъективное отношение всегда имеет решающее значение. В 1804 году в России было около 500 монастырей. Почти каждый монастырь хотя бы однажды обращался в Святейший синод с просьбами о канонизации своих чудотворцев – и таких обращений в Синод были сотни, а положительные решения принимались в единичных случаях.

Еще одна небольшая справка об исторической роли митрополита Амвросия. «Когда «беспокойный» обер-прокурор поднял протест ... синодалы через митрополита Амвросия пожаловались императору Павлу. Жалоба была не только уважена, но государь даже предоставил почитаемому им митрополиту Амвросию и другим членам Синода самим избрать удобного им кандидата на должность обер-прокурора и представить на высочайшее утверждение... после утверждения 10 мая 1799 в качестве обер-прокурора,

²³ Амвросий // Православная энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/114402.html>

граф Дм. Ив. Хвостов добровольно передал в руки митр. Амвросия всю полноту церковного управления, подписывая минимум бумаг лишь номинально. С 21 октября 1803 новый обер-прокурор в лице князя А.Н. Голицына возвысил свою власть на небывалую высоту над всей иерархией. [19] Добавим, что долгие годы Голицыну противостоял митрополит Амвросий и, по крайней мере, он имел у императора Александра I значительный авторитет.

Возвращаясь к нашей ситуации: мы считаем, что обращение генерал-губернатора Селифонтова в Святейший синод изначально инициировал архимандрит Иакинф и наверняка было сопроводительное письмо Иакинфа своему покровителю Амвросию.

Очень выдержанный и стремящийся к исторической и научной достоверности П.Громов вдруг неожиданно проявляет по отношению к Иакинфу исторически недостоверное изложение фактов его пребывания в Иркутске.

Громов Прокопий Васильевич. 7 июня 1801 – 31 августа 1880. Протоиерей. Окончил Иркутскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. С 1847 г. – член Иркутской Консистории. С 1862-1870 – редактор Иркутских епархиальных ведомостей²⁴.

Все вышеперечисленные моменты говорят о том, что на протяжении десятилетий в Иркутской духовной консистории существовало предвзятое отношение к бывшему архимандриту Иакинфу. Конфликт 1802-1806 гг., имел продолжение в 20-е годы XIX века после возвращения архимандрита Иакинфа из Китая, и основные причины последующего лишения духовного сана и ссылки на Валаам нужно искать не столько в состоянии русской православной миссии в Китае, сколько в том негативном мифе, который сложился и успешно развивался в Иркутске. Например, архимандрит Никодим (настоятель в 1833-1840 гг.) в «Описании Иркутского

²⁴ Громов, Прокопий Васильевич // Иркипедия. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/gromov_prokopiy_vasilevich

Вознесенского первоклассного мужского монастыря... 1840 г.» [32], перечисляя настоятелей обители пишет «студент Иакинф», прекрасно зная, что в должности (сане) архимандрита Иакинф пребывал 1802-1823 гг., а в 1828 году был избран член-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Александр Александрович Ионин

Следующий фрагмент мы посвятили истории удивительно талантливого православного историка Александра Александровича Ионина. Когда читаешь его книгу «Новыт данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья)» [15], открываешь для себя ушедший мир прошлых столетий как живой и соседствующий рядом с нами, в нашей суетной современности. Никто так глубоко не проник в историю Иркутского Вознесенского монастыря как священник А. Ионин. Можно сказать, что история Вознесенского монастыря прошла сквозь его недолгую земную жизнь, от юности и до последних дней...

А.А. Ионин (17 ноября 1859 Тобольск - 14 августа 1901 Иркутск). Священник, историк, законоучитель Иркутской мужской гимназии, член ВСОИРГО. Родился в семье священника. В 1882 году окончил Тобольскую духовную семинарию, в том же году поступил в Киевскую духовную академию, и успешно пройдя полный четырехлетний курс, был удостоен звания действительного студента. По просьбе архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина (Благонравова), способный и подающий большие надежды А. Ионин был 14 июня 1886 года в Киеве рукоположен в сан диакона, а на следующий день – в священника и послан в Иркутск. Здесь он был определен учителем Иркутской мужской гимназии и священником её домово́й Александро-Невской церкви, где и прослужил до смерти. ...Об уважении и любви к о. Александру говорит тот факт, что чин его

*отпевания совершал архиепископ Тихон в сослужении многочисленного духовенства и в присутствии учителей и учащихся*²⁵.

За опубликованную «Летопись Вознесенского монастыря» ему было присуждено звание магистра академии (?). Судьба его библиотеки осталась неизвестной. Из писем публициста, исследователя Сибири Н.М. Ядринцева к А. Ионину известно, что гонения со стороны директора мужской гимназии И.Н. Румова, мешали А. Ионину заниматься наукой [23, 24].

В поисках опубликованной летописи Вознесенского монастыря А. Ионина, пришлось пережить еще одно незабываемое приключение.

Пока, на данный момент, эта летопись, как отдельное произведение, нами не обнаружена, но жива надежда на встречу с ней в будущем.

Но в процессе поиска мы столкнулись с брошюрой «Краткое историко-статистическое описание Иркутского Вознесенского монастыря со списком настоятелей его», (1905г. 53 стр.) [42] Составитель одной - Леонид Шавельский. Данное сочинение весьма популярно – многие исследователи его цитируют в своих работах. Производит впечатление стиль и слог, легкость владения историческим материалом, представленном в «Кратком описании...». Но дальше начинается необъяснимое – составитель описания не имеет отношения к Иркутской епархии – по крайней мере, пока мы не обнаружили следов его пребывания в Иркутске (за исключением, может быть, его сына, колчаковского офицера в 1919-1920 гг.).

Шавельский Леонид Юлианович. В 1894 г. стал первым секретарем Владикавказской Духовной консистории. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. В июне 1898 г. Шавельского сменил Н.В. Нумеров. В сентябре 1914 года последовал новый Указ Св.Синода – Петр Квесит был назначен секретарем Костромской консистории, а секретарь Костромской духовной консистории Леонид Шавельский назначен во Владикавказ. Л. Шавельский уже занимал должность секретаря Владикавказской духовной

²⁵ Горашенко А.Н. Иркутский исторический некрополь. Иерусалимское кладбище. Иркутск, 2016. С. 249-250

*консistorии в 90-х годах. Он оставался во главе духовной консistorии до 1917 года.*²⁶

В поиске иркутских следов Леонида Шавельского мы случайно наткнулись на краткое пребывание в Иркутске его неполного «тезки» - Георгия Шавельского – последнего протопресвитера российской армии и флота в 1917 году (оба Шавельских закончили Витебскую духовную семинарию, затем – Санкт-Петербургскую духовную академию).

*Шавельский Георгий Иванович. 18 января 1871-2 октября 1951. Последний протопресвитер российской армии и флота*²⁷.

Следы пребывания в Иркутске – встреча с А.Н. Гайдуком.

Из опубликованных воспоминаний Шавельский Г.И. Протопр. В школе и на службе. Воспоминания. Москва-Брюссель. 2016 [41]: в конце января 1906 г. с эшелоном 145-го Новочеркасского пехотного полка двинулся в путь. В г. Иркутске наш эшелон сделал остановку. Я воспользовался этим случаем, чтобы свидеться со своим академическим товарищем Алексеем Никифоровичем Гайдуком, служившим здесь секретарем консistorии. Узнав, что я еще в октябре 1905 г. награжден Святейшим Синодом саном протоиерея и доселе не возведен в этот сан, он предложил мне просить благочестивейшего Иркутского архиепископа Тихона возвести меня в протоиерейский сан. Мне приятнее было прибыть в Санкт-Петербург протоиереем, чем прибывши туда, там посвящаться. Я согласился. Согласился и владыка Тихон. В праздник Сретения Господня в Иркутском кафедральном соборе состоялось мое посвящение, после которого я угощался обедом у посвятившего меня. По своему благочестию и благостности архиепископ Тихон был одним из самых лучших архиереев того времени. В тот же день наш поезд двинулся дальше [41].

Гайдук Алексей Никифорович. Секретарь Иркутской духовной консistorии. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. В 1909

²⁶ Из истории Владикавказской духовной консistorии. Режим доступа: <https://blagos.ru/content/iz-istorii-vladikavkazskoy-duhovnoy-konsistorii>

²⁷ Шавельский Г.И. Протопр. В школе и на службе. Воспоминания. Москва-Брюссель. 2016

году произведен в чин коллежского асессора. Есть другая версия: по сведениям В.К. Гайдука – внука Алексея Никифоровича, последний закончил Санкт-Петербургский университет, философское отделение, защитил диссертацию, получил ученую степень, и готовился к дипломатической деятельности. Был отправлен в Иркутск на должность советника губернатора по православию²⁸.

Отвлечение. Алексей Никифорович Гайдук, безусловно, яркая историческая личность, по крайней мере, для города Иркутска. Его сын в 1937 году в Харькове стал единственным иркутским шахматистом-победителем всесоюзных соревнований (иногда пишут - чемпионом СССР).

Следы А.Н. Гайдука в советское время мы не обнаружили, за исключением наличия одной рукописи 1930 г. Алексея Гайдука – лесоустроителя в Качугском районе Иркутской области – и почерк в этой рукописи удивительно каллиграфический для советского лесоустроителя. [4]

Неизвестно, сколько лет пребывал Леонид Шавельский в Костромской духовной консистории и где он служил после увольнения из Владикавказской духовной консистории – может быть в Киеве или где-то еще – это задача будущего исследования. Но в Иркутске следов мы его не обнаружили (точнее – пока). Но нам удалось обнаружить удивительное сходство стилей изложения исторического материала в книге А. Ионина «Новые данные...» и в «Кратком описании...» Л. Шавельского (на данный момент – всего лишь рабочая версия, гипотеза).

О том, что библиотека и архив умершего А. Ионина перекочевали в Иркутскую духовную консисторию - вероятность весьма велика. Исторические изыскания А. Ионина всегда вызывали благожелательное внимание у руководства Иркутской епархии, и, соответственно, у духовной консистории. Если бы архив А. Ионина был передан или куплен светскими лицами или Восточно-Сибирским отделом ИРГО (где Александр

²⁸ Бочкаревы: энциклопедическая справка // Иркипедия. Режим доступа: <http://irkipedia.ru/content/bochkarevy>

Александрович как исследователь и историк был в большом почете и внимании) – это непременно было бы озвучено в периодических иркутских изданиях – но этого не обнаружено.

Любопытно, что секретарь Иркутской духовной консистории Алексей Гайдук, гипотетически мог иметь доступ к архивным материалам А. Ионина, в том числе и к материалам его многолетних изысканий по истории Вознесенского монастыря...

Отвлечение. Иногда я думаю, что если бы не ужасный пожар 22-24 июня 1879 года, когда сгорела почти четверть города Иркутска и погибли знаменитые коллекции Краеведческого музея, собрания многих просвещенных иркутских купцов, а также богатейший архив по истории православия Восточной Сибири протоиерея П. Громова – мы бы имели поистине удивительное архивное и библиографическое богатство.

После 1917 года

После революции 1917 года деятельность Иркутского Вознесенского монастыря продлилась всего несколько лет – в истории этого времени много белых пятен и она ждет своего серьезного исследования.

Главные сведения советского времени хранятся в разных архивах Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга – и не потеряли надежды увидеть свет и открыть суровую правду жестокого и буйного времени.

Для примера, два небольших, но характерных документа обнаружены нами в архиве новейшей истории Иркутской области.

В первом случае – доклад начальника губернского отдела ГПУ т. Бермана о расколе среди духовенства и принятия по нему секретного решения.

Здесь очень четко прослеживается схема, точнее алгоритм пролетарского правосудия и его неотвратимости: секретная телеграмма из Москвы – секретное решение на заседании Губисполкома – и немедленное осуществление карательных мер. Этот механизм, в частности, уже был внедрен в 1918 году, и использовался, например, при расстреле семьи

последнего российского императора Николая II Романова. Свое полное и завершённое развитие алгоритм получил в 30-е годы (можно уверенно сказать, что этот алгоритм не изобретение Сталина, Ежова и Берии – он изначально был усвоен «пролетарскими» революционерами).

Доклад т. Бермана о расколе среди духовенства.

Протокол №8 секретного заседания Президиума Иркутского Губисполкома РКП от от 25 апреля 1922.

Слушали доклад нач. губ. отдела ГПУ тов. Бермана об иркутском высшем духовенстве, которое в связи с изъятием церковных ценностей ведет черносотенно-погромную агитацию и намерено на днях выпустить листовку погромного содержания... Т. Берман находит своевременным арест группы духовенства во главе с архиереем, тем более, что последний в ближайшие дни собирается ехать в Москву.

Постановили: С арестом группы духовенства во главе с архиереем согласиться. Таковой произвести губотделу ГПУ самым выдержанным образом. Следствие быстро закончить и передать в губревтрибунад. Приписка: на другой день ареста компрометирующие материалы должны быть опубликованы в печати. [30]

Во втором случае – мы тоже имеем дело с еще одним алгоритмом пролетарского правосудия – человека арестовывают без всяких санкций, без причин и без улик – и он сам должен написать на себя донос, т.е. написать заявление, в котором должен покаяться перед советской властью и просить у неё снисхождения за несовершенные преступления. А дальше – власть решит сама: сразу его расстрелять или чуть попозже, и, может быть (временно), даже выпустит на свободу, но никогда уже не лишит своего надзора над самопокаявшейся личностью.

Ходатайство мирян перед губсудом об освобождении Томского и Иркутского епископов (Протокол № 38 от 14 апреля 1924)

Протокол № 8 закрытого заседания Президиума Иркутского Губкома.

Губсуд считает необходимым, чтобы заключенные епископа лично обратились к Совестью власти об их освобождении, и не через мирян, и только после их личного обращения можно принять меры к их досрочному освобождению.

Поддержать точку зрения Губсуда в отношении бывших Томского и Иркутского епископов. [31]

В 1926-1927 гг. происходит окончательное запрещение деятельности Иркутского Вознесенского монастыря.

Несколько записей из дневника настоятеля Иркутской Знаменской церкви (бывшего Иркутского женского Знаменского монастыря) священника Петра Попова [11], касающихся событий этих лет.

26 янв. 1926. День кончины схимонаха Феодора. Почитатели устремились в Вознесенский монастырь, где покоится о. схимонах.

22 сент. 1926 ст.ст. Монахам Вознесенского монастыря разрешено занимать кельи в одном из монастырских корпусов. Все немонастырское население из пределов монастыря выселено.

3 окт. 1926 ст.ст. Сегодня получились известия, что епископ Евсевий в Вознесенском монастыре, куда он определен митрополитом Сергием в число братии, предполагал устроиться в качестве настоятеля. Но приходской совет Подгородно-Жилкинского села не принял преосвященного Евсевия в качестве настоятеля.

12 янв. 1927 ст.ст. Крестный ход в Вознесенский монастырь в день юбилея не разрешен.

Вознесенский монастырь на рубеже XX и XXI веков: вера и надежда на возрождение

Историк Г.А. Бухарова в 1995 году, еще до возрождения Успенской церкви, высказала своевременную и верную мысль: «Желательно, чтобы Вознесенский монастырь стал элементом возрождения духовной культуры Иркутска. Поэтому необходимо оставшиеся объекты Вознесенского

монастыря (Успенская церковь, трапезная, монашеские кельи) более активно использовались в краеведческой экскурсионной работе». [1]

Время земной жизни нашей скоротечно. Вот уже и век минул с того года, как потрясена была Россия в 1917 году и наступили долгие годы тяжелых испытаний.

О. Дионисий (Садовников) - настоятель храма Успения Божией Матери, в публикации 2000 года писал: «Ныне, Божией милостью, происходит возрождение православных храмов Иркутской епархии, постепенно передаются уцелевшие объекты на территории монастыря – ризная, кельи. Приход церкви Успения Божией Матери постоянно растет. Развивается воскресная школа, работает небольшая сельскохозяйственная ферма, и есть надежда, что радением благодетелей возродится порушенное» [10]

Настоятель храма Успения Божией Матери (с сентября 2011 г.) иеромонах Константин (Мануйлов) в 2017 году, отражая жизнь возрожденного прихода, с верой и надеждой утверждает, что: «несмотря на множество затруднений, многое делается для того, чтобы Вознесенский монастырь вновь обрел своё былое величие и значение в духовной жизни края». [20]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарова Г. А. Вознесенский мужской монастырь, как центр духовной культуры старого Иркутска // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях. -Иркутск, 1995.-С.52-53
2. Бухарова Г.А. Северо-Западные пригороды Иркутска в конце XVII - начале XX вв. Ленинский район. – Иркутск, 1990. 52 с.
3. Винобер А.В. Исследование по истории Иркутского Вознесенского монастыря. Рукопись. Иркутск. 2018. 180 с.
4. Гайдук А. Таксационное описание Верхне-Ленского и Иликтинского лесного массива Качугского района Ленского лесничества. 1930. Рукопись.
5. ГАИО Ф. 121. оп.1.д.26
6. ГАИО ф. 121.оп.2. д.2
7. ГАИО Ф. 121. Оп.2. д. 17
8. ГАИО Ф.121. Оп.1. Д. 1. Л.43-45
9. Громов П. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий первый епископ Иркутский / П.Громов. – Иркутск ,1868. – 410 с.

10. Дионисий, (Садовников) О. Иркутский Вознесенский монастырь / (Садовников) О. Дионисий, А. Макаров // Тальцы : архитектура, этнография, этническая история, топонимика, филология : научно-популярный иллюстрированный альманах. - 2000. - N 1. - С. 53-58
11. Дневник настоятеля Иркутской Знаменской церкви (бывшего Иркутского женского Знаменского монастыря) священника Петра Попова. 23 апреля 1922 г. – 15 марта 1927 г. : науч. изд. / О. Т. Базалийская, Е. В. Ильина, Т. А. Крючкова ; Арх. аг-во Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл. – Иркутск: Оттиск, 2011.
12. Дулов А.В., Красная Н.Н. Из истории охраны и использования памятников истории и культуры Иркутской области // Памятники истории и культуры Приангарья. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. – С. 5-27
13. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. В 2 ч. Иркутск. 2006.
14. Епископ Иннокентий Нерунович (1734). Крещение инородцев // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1866. – 4. – С. 39-47
15. Ионин А.А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). Иркутск, 1895.
16. Иркутская епархия в XVIII – начале XX века : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; науч. ред. : А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 209 с.
17. Иркутский Вознесенский монастырь // Иркутские губернские новости, 1857. – 7. – С. 6-12
18. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии XVII — начало XX века. М.: Галарт, 2000. – 496 с.
19. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Очерки по истории русской церкви. – М.: Терра, 1992. – 569 с.
20. Константин (Мануйлов) и. Иркутский Вознесенский монастырь: История и современность: рукопись выпускной квалификационной работы; Хабаровская Духовная Семинария. 2017. – 96 с.
21. Краткие сведения о Преосвященном Софронии, 3-м епископе иркутском // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1871. - 13. – С. 172-175
22. Крючкова Т.А. Иркутский Святитель // Земля иркутская. 1994. – 1. – С. 15-18
23. Куликаускене Н.В. Духовенство Иркутской епархии и книга (XVII – начало XX вв) / Н.В. Куликаускене // Иркутский кремль. 2009. – 3. – С. 20-41
24. Куликаускене Н.В. Духовенство Иркутской епархии и книга в XVIII – XIX вв. // В сборнике: Из истории Иркутской епархии сборник научных трудов. Иркутское областное отделение ВООПИК Центр по сохранению историко-культурного наследия комитета по культуре Иркутской областной администрации. Иркутск, 1998. С. 57-72
25. Медведев С.И. Иркутский Вознесенский монастырь / С. И. Медведев // Земля Иркутская - 1994. - N 1. - С. 19-31

26. О проповедничестве Св. Иннокентия первого Иркутского епископа и чудотворца. С присокуплением поучений и снов, известных с именем Св. Иннокентия. Исследование ректора Иркутской духовной семинарии, Архимандрита Модеста. Иркутск, 1873. 262 с.

27. Обзор управления Епископа Иннокентия Неруновича иркутской епархией. Церкви в г. Иркутске // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. - 40. – С. 487-494

28. Обзор управления Епископа Иннокентия Неруновича иркутской епархией. Состояние монастырей // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. - 48. – С. 569-580

29. Обзор управления Епископа Иннокентия Неруновича иркутской епархией. Школа // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. - 49. – С. 581-593

30. ОГКУ ГАНИИО. Ф.1. оп.1. д. 1019

31. ОГКУ ГАНИИО. Ф.1. оп.1. д. 1786

32. Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужского монастыря, составленное на основании монастырских актов Настоятелем монастыря и Ректором Иркутской Семинарии Архимандритом Никодимом, в 1839 году. Санкт-Петербург, в типографии Департамента Внешней Торговли 1840.

33. Первосвятитель Иркутский, епископ Иннокентий 1 (Кульчицкий) / Сост. Сидоренко В.В.; вступительное слово архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима. Иркутск: Иркутская епархия совместно с АНО изд. Иркутский писатель, 2006. 576 с.

34. Последний взгляд на управление Епископа Иннокентия Неруновича. Преследование питейных заведений // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. - 51. – С. 615-620

35. Санников А.П. Епископ Вениамин (Багрянский): штрихи к биографии // Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX - начала XX века: Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции. – Иркутск: ГБУК Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2017. - С. 142-149.

36. Сирин А. Д. Вознесенский монастырь // Сибирь. 1991. – 1. – С. 175-193

37. Тарасов В.И. Открытие, которого никто не заметил: иркутское общество в портретных миниатюрах 1805 года // Краеведение Приангарья: материалы к краеведческим чтениям, 29-30 ноября 2017 года. – Иркутск, 2017. - С.89-99

38. Управление Святителя Иннокентия (1728). Состояние монастырей. Иркутский Вознесенский монастырь // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1863. - 49. – С. 807-814

39. Управление Святителя Иннокентия (1728). Состояние монастырей. Иркутский Вознесенский монастырь (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1863. - 50. – С. 827-831

40. Чернышова Н.К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского: итоги и дальнейшие перспективы изучения историкокнижных аспектов // Труды ГПНТБ СО РАН. 2013. - 5. С. 95-103.

41. Шавельский Г.И. Протопр. В школе и на службе. Воспоминания. Москва-Брюссель. 2016

42. Шавельский Л. Краткое историко-статистическое описание Иркутского Вознесенского монастыря со списком настоятелей его / Сост. Л. Шавельский. Иркутск, 1905. 53 с.

43. Шахеров В.П. Реформатор из Иркутска (Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина) // Земля Иркутская. 1994. - 1 (1). - С.11-14.

УДК 94 (571)

СИБИРЬ: НОЯБРЬ 1918 ГОДА (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)²⁹

Представлены некоторые размышления о военном перевороте А.В.Колчака 18 ноября 1918 г., в результате которого он был объявлен Верховным правителем России. Главный исторический факт заключается в том, что А.В.Колчак не сумел использовать тот исторический шанс, который получил в результате переворота в тогдашней столице Сибири городе Омске. Другой вопрос: насколько этот исторический шанс был утопическим, а насколько – реально осуществимым? Автор отмечает возрастающее значение в исторических исследованиях методов ретроспективного анализа, в том числе и находящегося в стадии формирования метода (или методов) психоисторического анализа и реконструктивно-аналитического моделирования событий и процессов исторического характера.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, история Сибири, Белое движение, А.В.Колчак, психоистория.

SIBERIA: NOVEMBER 1918 (RETROSPECTIVE ANALYSIS)

Some thoughts on the military coup of A.V. Kolchak on 18 November 1918, as a result of which he was declared the Supreme ruler of Russia, are presented. The main historical fact is that A.V.Kolchak failed to use the historical chance that he received as a result of the coup in the then Siberian capital Omsk. Another question: was this utopian historical chance so, and how feasible is it? The author notes the increasing importance in historical research of methods of retrospective analysis, including the method (or methods) of psychohistorical analysis and reconstructive analytical modeling of historical events and processes.

Key words: Civil war in Siberia, history of Siberia, White movement, A.V. Kolchak, psychohistory.

В нынешнем ноябре исполнилось 100 лет одному историческому событию, которое могло бы изменить ход истории России на всё последующее столетие, но в силу известных, малоизвестных и до сих пор неизвестных причин так и не сумело совершить исторического перелома. Впрочем, мы оговорились: события сами не совершают действий и переломов, они просто имеют место быть в историческом процессе. Действия и переломы совершают люди, конкретные исторические персоны (лидеры, вожди, герои), организованные и неорганизованные сообщества и людские массы (толпы). Есть, правда, версии, что события обуславливают и совершают какие-то безымянные движущие силы истории и закономерности и механизмы, регулирующие и определяющие ход истории (формации,

²⁹ Опубликовано: Винобер А.В. [Сибирь: ноябрь 1918 года \(ретроспективный анализ\)](#) / А.В.Винобер // Сибирь: прошлое - настоящее - будущее. - 2018. - 1. - С. 6-13.

базисы, производственные отношения, космические силы и т.п.) – в данном случае мы не будем их рассматривать, по причине их неясности и неуловимости, роднящих с категориями «невидимой руки», «злого рока», «провидения» и «воли небес». Мы склоняемся к основной гипотезе, что историю творят люди, организации, массы. Определенным образом организованные, в разной степени целеустремленные и волевые, в разной степени материально, технически и финансово оснащенные, в разной степени осознающие свои цели, поступки и поведение. Обладающие сильной или слабой энергией. Сплоченные или разрозненные, сытые или голодные, злые или добродушные, ученые или безграмотные – это ведь всегда живые люди. И всякая история, большая или малая (по степени значимости и последующего влияния происходящих исторических событий) есть, прежде всего, психоистория. Это всегда процессы понимания, выбора, самоопределения, личностной позиции, проявления личностных и коллективных качеств в противодействии либо в сотрудничестве с другими личностями, социальным, организованным либо стихийным объединением.

И когда мы погружаемся в плотные или разряженные слои прошедших исторических событий, фактографических данных и документальных источников, мы должны понимать, насколько историческое прошлое является сложным, неоднозначным и субъективно воспринимаемым отражением многих умов и свидетельств, подверженных действию времени, идеологических интерпретаций и установок, конъюнктурных и субъективных предпочтений и многих других факторов, которые могут затемнять и искажать ушедшую историческую реальность, и без того неотличающуюся ясностью и прозрачностью всех совокупных процессов, имевших место быть в ускользнувшем прошлом. Отсюда и проистекает возрастающее значение в исторических исследованиях методов ретроспективного анализа, в том числе и находящегося в стадии формирования метода (или методов) психоисторического анализа и реконструктивно-аналитического моделирования событий и процессов исторического характера. Здесь мы не

задавались целью говорить и выводить четкие определения и пояснения вышеназванных методов исследования, так как существуют уже определенные традиции в отечественной и зарубежной исторической науке, но не существует их единого и строгого толкования. Это предмет отдельного теоретического исследования, поэтому ограничимся ссылкой на наш недавний опыт, открывающий серию очерков по психоистории Гражданской войны в России [2]. Это лишь первый шаг или первый эскиз, почти пунктирными линиями и штрихами, обозначающий контуры предстоящей серьезной работы, которую мы совершаем ежедневно.

В связи с чем и возвращаемся к обозначенному нами событию.

«В ночь на 18 ноября 1918 г. подталкиваемый монархически настроенным офицерством и западными союзниками военный министр директории А.В. Колчак совершил военный переворот и был объявлен Верховным правителем России» [15].

Такая вот отправная точка наших размышлений и такая вот любопытная формулировка исторического события.

Сразу возникают вопросы:

1) Колчак совершил переворот. Он что, был настолько влиятельный и могучий, чтобы совершить такой переворот, или переворот все таки совершили значительное число лиц, военных и гражданских объединений, имеющих свои определенные мотивы и интересы, но не имеющих жесткого подчинения тому же адмиралу Колчаку?

2) Колчак совершил переворот и был объявлен Верховным правителем. Может, если он совершил переворот он же и объявил себя Верховным правителем? Если он объявлен кем-то, значит это силы вне его непосредственного управления, силы, взявшие на себя ответственность - объявить Колчака Верховным правителем? Кто эти силы, какова их иерархия, и как они взаимодействовали с Колчаком? Кто играл «первую скрипку»: монархически настроенное офицерство или западные союзники? Кого и по какой причине низложили этим переворотом и с какой целью?

У историков российских, советских и зарубежных на все эти вопросы существует много разнообразных вариантов ответов, и они редко совпадают между собой в гипотетическом солидарном объективном описании, и в трактовании рассматриваемого нами события.

Например, в прошлом году появилась объемная и насыщенная многими фактографическими данными монография известного историка Гражданской войны в России В. Кокоулина «Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1920 гг.)» [8, 7, 3]. Автор, много работавший в архивах разных сибирских городов, говорит о том, что «в настоящее время мы знаем о Гражданской войне много больше, чем ранее, но с пониманием исторических процессов времен Гражданской войны дело обстоит заметно хуже». Он подвергает критике два господствующих направления в историческом отражении Гражданской войны: «теорию ошибок», господствующую в эмигрантской публицистике, сводившую причины поражения колчаковского режима к ошибкам военных и политических руководителей Белого движения в Сибири, к особенностям личности самого адмирала А.В.Колчака; и теорию социально-классового анализа движущих сил революции 1917 года, господствовавшую в советское время, выдвигая во главу угла фактографический подход (во всей его полноте и достоверности) к исследованию исторических событий и процессов Гражданской войны, позволяющий максимально объективно зафиксировать реальный ход исторических процессов и их движущих сил в виде политических партий и групп. При этом автор утверждает, что можно установить однозначную интерпретацию большинства реальных исторических фактов, что именно архивный материал во всей его полноте и в однозначности интерпретируемых фактов дает единственно верную историческую картину и максимально приближает нас к исторической истине...

Ранее, в советское время, у большинства историков нашего отчества доминировала в качестве «единственно верной» призма идеологической

интерпретации любых исторических фактов (вариант №1 – сталинская версия «Краткой истории ВКП (б)»).

В настоящее время, с начала 90-х годов прошлого века, многие российские историки стремятся к максимальной фактографичности («факты говорят сами за себя» и «исторически однозначная интерпретация факта»).

Еще один пример: много публикаций на основе архивных газетных материалов [13, 14, 15 и др.].

«Летом-осенью 1918 года горожане в основной своей массе поддержали анти-большевистский переворот и в дальнейшем были главной социальной опорой политических режимов контрреволюции» [14].

«На территории Сибири до середины ноября 1918 г институт военных цензоров не был сформирован». [13]

«12 декабря 1918 г. была введена предварительная цензура печати. Печать ощутила жесткую руку диктатуры» [15].

«Демократические правительства гораздо больше были заняты собственными политическими амбициями, нежели устройством государственной жизни» и «пассивность населения, низкая политическая культура, противоречивость взглядов и жесткие условия Гражданской войны не позволили нормально функционировать земствам» [5].

Скажите, что нового дают перечисленные газетные (архивные, фактографические) открытия в понимании движущих сил и процессов Гражданской войны в Сибири? И скажите, почему мы должны игнорировать «теории ошибок», появившиеся в результате многолетнего осмысления хода событий Гражданской войны из-под пера непосредственных участников и свидетелей того самого исторического процесса и отдавать предпочтения статистическим розысканиям архивных и газетных фактов, на которых снисходит благодать «однозначной интерпретации» с точки зрения исторической науки или точнее, с точки

зрения отдельно взятого историка, преисполненного своих субъективных предпочтений и способов «объективного» видения газетных заметок и партийных протоколов?

Кроме «теории ошибок», почему мы должны пренебрегать серьезным ретроспективным и психоисторическим анализом «теории заговоров» [11]? Ведь это действительная историческая реальность и она подлежит самому серьезному не только фактографическому, но и психоаналитическому исследованию – в ней всегда содержатся фрагменты реальной исторической действительности.

Также нуждаются в реконструктивном моделировании и ретроспективном социально-психологическом анализе все серьезные работы историков советского времени, когда отслеживаешь «рамки идеологической парадигмы». Из этих конъюнктурных исследований возможно извлечь немало любопытных сведений фактографического характера, которые получают совершенно новую и порой совершенно неожиданную интерпретацию [4, 6, 12].

О том же А.В.Колчаке написаны тома исследований и мемуаров, где Верховный правитель предстает то в качестве неисправимого злодея, то в качестве «святого борца и мученика» [6, 9].

Но главный исторический факт заключается в том, что А.В.Колчак не сумел использовать тот исторический шанс, который получил в результате переворота 18 ноября 1918 г. в тогдашней столице Сибири городе Омске [1]. Другой вопрос: насколько этот исторический шанс был утопическим, а насколько – реально осуществимым? Какова была необходимость простывать на параде и болеть полтора месяца, резко снижая эффективность своей диктаторской работы? Ведь это не тиф, не зараза, которая действует стихийно и неотвратимо. Просто передай полномочия по проведению парада доверенным лицам и езжай в гостиницу (место проживания) – восстанавливай силы, поддерживая оптимальный режим для крайне ответственной работы по спасению

Родины. Мало того – на фронте и в тылу – обилие проблем, которые предрекают поражение [10], а Верховный правитель «влюбился по уши» и всю свою энергию тратит на любимую женщину, в то время, когда надо сконцентрировать эту энергию в поиске ответственных решений по спасению отечества...

Безусловно, Александр Васильевич Колчак – яркая личность, умный исследователь и отважный адмирал, но как говорят в народе «хороший парень – не профессия». Когда действительно возник исторический шанс изменить ситуацию в ходе Гражданской войны, объединить силы в борьбе с большевистской властью и вернуть России реально демократический путь развития (возможен ли был такой?) – надо было «наступать на горло» своему нарциссизму, своему привередливому «Я», мобилизовать волю, энергию и интуицию, объединить вокруг себя истинных патриотов, а не «тыловых крыс».

Понятно, что выше – мы просто дали некоторую волю полету фантазии, но этот вариант никак нельзя исключить при построении многофакторной модели реконструктивно-исторических и ретроспективно-психоисторических исследований, где найдется место для отдельных динамических моделей поведения военных союзников, чехословацкого корпуса, самих «белых» и «красных» армий, правительственных, партийных и тыловых структур и многое другое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вибе П.П. Материалы к истории гражданской войны в Сибири / П.П. Вибе // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. - 1993. – 2. – С. 117-148
2. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44
3. Добровольский А.В. Феномен колчаковщины в контексте политической борьбы в Сибири в годы Гражданской войны (рецензия на книгу В.Г. Кокоулина "Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 - декабрь 1919 г.)". Новосибирск: НВВКУ, 2017. 528 С.) / А.В. Добровольский // Гуманитарные проблемы военного дела 2017. - 4 (13). – С. 190-191

4. Допрос Колчака / Заверил Зам. предс. Ирк. Губ. Ч.К. К. Попов. - Иркутск, 1920.- 224 с. (нет стр. 225-232)
 5. Захаренко О.О. Местное управление в Сибири летом – осенью 1918 г. в новейшей отечественной историографии конца XX – начала XXI вв. / О.О. Захаренко // История мировых цивилизаций: восприятие, образ, репрезентация власти: материалы IX Всероссийской научной конференции (Красноярск, 21 апреля 2015 г.). – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016 - С. 5-17
 6. Иванов Н.Т., Портнягин П.В. Гражданская война в Восточной Сибири. – Иркутск, 1999. – 133 с.
 7. Кокоулин В.Г. «История Белой Сибири: новый взгляд» : беседа / И.В. Лихоманов // Гуманитарные проблемы военного дела 2017. - 3 (12). – С.241-243
 8. Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1920 гг.). – Новосибирск: НВВКУ, 2017. – 528 с.
 9. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. – М.: Вече, 2017. – 592 с.
 - 10.Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых М.: Айрис-Пресс, 2011. – 544 с.
 - 11.Стариков Н.В. Русская смута XX века. – СПб.: Питер, 2017 – 384 с.
 - 12.Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). – Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1966. – 471 с.
 - 13.Шереметьева Д. Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 года) / Д.Л. Шереметьева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2009. – 1. - С. 129-134
 - 14.Шереметьева Д.Л. Электоральное поведение горожан Сибири на начальном этапе гражданской войны (июль - ноябрь 1918 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnoe-povedenie-gorozhan-sibiri-na-nachalnom-etape-grazhdanskoy-voyny-iyul-noyabr-1918-g> (дата обращения: 15.11.2018).
 - 15.Якимов О.Д. Печать Восточной Сибири под властью А.В. Колчака (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) / О.Д. Якимов // Вестник Томского государственного университета. 2010. – 2(10). – С. 100-104
-

УДК 94

СИБИРЬ: ДЕКАБРЬ 1918 ГОДА (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)³⁰

Декабрь 1918 года в Сибири, можно сказать, первый месяц Гражданской войны при Верховном правителе адмирале А.В. Колчаке. Месяц «строительства» Белой армии и определения стратегии и тактики осуществления властных диктаторских полномочий. Ошибки этого месяца во многом предопределили ход событий последующих месяцев.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, история Сибири, Белое движение, А.В.Колчак.

SIBERIA: DECEMBER 1918 (RETROSPECTIVE ANALYSIS)

December 1918 in Siberia, it can be said, the first month of the Civil War during the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak. The month of the «construction» of the White Army and the determination of the strategy and tactics for exercising dictatorial powers. The errors of this month largely predetermined the course of events of the following months.

Key words: Civil war in Siberia, history of Siberia, White movement, A.V. Kolchak.

Декабрь 1918 года в Сибири, можно сказать, первый месяц Гражданской войны при Верховном правителе адмирале А.В. Колчаке. Месяц «строительства» Белой армии и определение стратегии и тактики осуществления властных диктаторских полномочий. Ошибки этого месяца во многом предопределили ход событий последующих месяцев.

23 ноября забайкальский атаман Г.М. Семенов, поддерживаемый оккупационными японскими силами, отказывается признать А.В. Колчака Верховным правителем. Под воздействием информации британских «союзников» в Омске пришли к выводу о намеренном перерыве железнодорожного и телеграфного сообщения с Дальним Востоком (основания для таких суждений имели место в действиях атамана Семенова). 1 декабря адмирал Колчак приказом снял Семенова с должности. Конфликт между Колчаком и Семеновым был разрешен только к 25 мая 1919 г. 27 мая Семенов признал Колчака Верховным правителем – недоразумение сроком полгода, привело к значительным негативным последствиям для белых. [2] Решающую роль в этом конфликте играли британские и японские представители спецслужб, дипломатических кругов и оккупационных войск,

³⁰ Опубликовано: Винобер А.В. [Сибирь: декабрь 1918 года \(ретроспективный анализ\)](#) / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2018. – 2. – С. 6-8.

сумевшие спровоцировать конфликт между двумя антибольшевистскими группировками. Под «маркой» этого конфликта, некоторые иркутские политические деятели умело изымали грузы военного и гражданского назначения, размещая их в складской системе г. Иркутска (в первую очередь на ст. Иннокентьевской и Батарейной), что существенно ухудшило снабжение Колчаковской армии. Впоследствии, при отступлении белых, в феврале 1920 года, это было обнаружено.

После прихода к власти в ноябре 1918 года правительства адмирала Колчака [1], съезд большевиков в Томске принимает решение об организации общесибирского восстания. Наиболее активно восстание большевиков готовилось в Омске, где оно и произошло в ночь с 22 на 23 декабря. Белая разведка была информирована о подготовке восстания, поэтому были проведены предупредительные аресты, что резко ослабило ряды восставших, и усиленные правительственные войска быстро подавили восстание. Было убито 250 восставших и по приговорам расстреляно 170 человек. Помимо этого, часть офицеров, без прямого указания Колчака, который в это время был тяжело болен, осуществила самосудную расправу над несколькими членами Учредительного собрания, содержащимися в тюрьме – эта провокационная акция произвела неблагоприятный резонанс для правительства Колчака, и вызвала серьезные оппозиционные изменения среди антибольшевистских сил. Можно сказать, что произошел раскол в рядах антибольшевистских сил на Востоке России.

Почти за 10 дней до этих событий, 14.12.1918, верховный совет стран-победителей потребовал от Колчака подчинения генералу французской миссии Жанену. Вполне вероятно, что отказ Колчака впоследствии мог спровоцировать акцию самосуда со стороны отдельных офицеров, ангажированных английскими и французскими спецслужбами, с целью вызвать раскол в рядах белых, что впоследствии и случилось.

В конце декабря 1918 года армия А.Н. Пепеляева двинулась в 40-градусные морозы через Урал на Пермь, и заняла город 24 декабря, разбив

красных. Взятых в плен 20 тысяч красноармейцев, Пепеляев приказал распустить по домам. Позволяли ли подобную роскошь благородства красные, когда брали в плен белых? Маловероятно, хотя бы потому, что с 30 августа 1918 года был объявлен «красный террор».

Демократические революционные жесты А.Н.Пепеляева будут позднее иметь свои негативные последствия. По логике событий, из взятых в плен красноармейцев можно было бы организовать вполне боеспособные части белых, хотя бы на 50% из числа пленных – это было бы 10 тысяч новых бойцов...

Можно сказать, что в конце ноября и декабре 1918 года правительством адмирала Колчака был допущен ряд принципиальных ошибок, не позволивших консолидировать антибольшевистские политические силы и более качественное «строительство» вооруженных сил Белой армии и её тылового обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Сибирь: ноябрь 1918 года (ретроспективный анализ) / А.В.Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2018. – 1. – С. 6-13.
 2. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
-

УДК 94 (476)

ПСИХОИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ 1941-1944 ГГ. ОЧЕРК ПЕРВЫЙ (К 75ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ)³¹

Автор статьи излагает субъективные принципы мировоззренческой установки на проблему социально – психологического и психоисторического исследования партизанской войны 1941 – 1944гг., позволяющие осуществить процесс объективного реконструктивно-аналитического моделирования психосферы военного времени и ее влияния на развитие партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Беларусь, партизанская война 1941-1944 гг., партизанское движение, психоистория, психология войны.

THE PSYCHOHISTORY OF THE PARTISAN WAR IN BELARUS 1941-1944YY. FIRST ESSAY (ON THE 75TH ANNIVERSARY OF LIBERATION OF BELARUS FROM GERMAN-FASCIST CAPTURERS)

The author of the article sets out the subjective principles of the worldview on the problem of socio-psychological and psychohistorical research of the partisan war of 1941 - 1944, allowing to carry out the process of objective reconstructive and analytical modeling of the wartime psychosphere in Belarus during the Great Patriotic War.

Key words: Belarus, partisan war of 1941-1944 yy., partisan movement, psychohistory, psychology of war.

У каждой войны – своя психоистория. Как, впрочем, и у каждого человека. А когда людей тысячи и миллионы – множество психоисторий сливается в единую, многомерную и необъятную психоисторию. Можно было бы сказать просто: «История». Но история – это, чаще всего, перечень событий, фактов, основные герои и всевозможные итоги. Психологическая сторона истории, чаще всего, остается за бортом внимания историков. Это как при социологическом исследовании, в итоге которого получаются проценты, экстраполируемые на всё население (а остальные 99,99% населения никто не опрашивал!). Невозможно узнать мысли и чувства каждого участника исторического события. Но узнать и понять психологию

³¹ Опубликовано: Винобер А.В. Психоистория партизанской войны в Беларуси 1941-1944 гг. Очерк первый (к 75летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2019. – 3(5). – С. 78-87.

всего события и всей эпохи – мы можем только путем изучения большого числа индивидуальных историй.

Партизанская война в Беларуси в 1941-1944 годах – это многомерный и объемный феномен из мировой истории XX века, давно привлекавший немало исследователей и летописцев, идеологов и всевозможных критиков [3, 18, 21].

Можно сказать, один из самых масштабных феноменов из истории партизанских войн. Возможно, партизанская война в Китае где-то сопоставима по масштабности, но это совершенно разные, уникальные, психоисторические феномены.

После распада Советского Союза, с 1991 года появилось много «новых» историков-энтузиастов, жаждущих тотальной ревизии и переоценки всего исторического прошлого. Не минула сия участь и историю Беларуси (ранее – Белорусскую ССР, а древнее – Великое княжество Литовское и Речь Посполитая). Послушаешь отдельных историков из «новых» (иногда – бывших московских студентов или соискателей) – так просто удивление разбирает. Оказывается, в эпоху Речи Посполитой вся Беларусь утопала в полном благоденствии и процветании! Ни одного бедняка или батрака, ни одного холопа или униженного – сплошь одни князья, короли, магнаты-богатеи: Радзивиллы, Сапеги и иные. И как же этим «новым» историкам не пересмотреть историю XX века и не переписать её заново? Соблазн весьма велик. Понятно, что движущая сила в подобных случаях – это субъективное мировоззрение автора, его ценности, убеждения и, разумеется, идеологические установки. Приступая к такой сложной и практически необъятной, трудно постижимой теме, автор не может избежать субъективных предпочтений, но должен стремиться к объективному отражению исторических событий, которое полнее проявляется на пересечении разных точек зрения, разных авторов и мнений лиц, что были активными участниками событий. К этому мы будем стремиться в нашей серии очерков, посвященных партизанской войне в Беларуси 1941-1944

годов, делая особенный акцент на психологической стороне этого яркого и трагического феномена истории.

Как утверждает Е.С. Синявская, автор ряда монографий по психологии современных войн: «Советское партизанское движение в период Великой Отечественной войны и психологию его участников следует рассматривать как особый предмет исследования, требующий своих подходов и методов... Особые условия действия партизанских отрядов порождают крайне специфическую психологию «партизанской вольницы», иные нормы отношения к противнику, законам и обычаям войны». [17]

Мы также разделяем два следующих утверждения Е.С. Сенявской:

1) огромное число военно-исторических работ в основном обходило историко-психологическую проблематику;

2) чтобы проследить эволюцию психологических факторов войны – необходимо восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо и само их понимание. [17]

Одна из первых зарубежных монографий о партизанской войне, подготовленная британскими авторами, «Коммунистические партизанские движения», рассматривает феномен партизанского движения как новейшую тенденцию военных событий XX века, и придает особое значение изучению опыта партизанской войны 1941-1945 годов. Авторы оценивают качественные и количественные характеристики партизанской войны на оккупированной территории СССР, и заметное внимание уделяют событиям и масштабу партизанской войны на территории Беларуси. В частности, авторы приводят свидетельские показания фельдмаршала фон Манштейна: «В 1944 году в полосе группы армии «Центр», партизаны, в течение семи часов совершили около тысячи налетов на шоссейные и железные дороги в нашем тылу, а в Крыму такие налеты совершались каждый день» [7].

«Около тысячи налетов за семь часов» - восклицают авторы – «Цифры генерала Пономаренко, по-видимому, не далеки от истины» (имея ввиду

количественные данные о результатах боевой деятельности белорусских партизан).

В 90-е годы прошлого века стало почти модой в публикациях, посвященных Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., оспаривать приводимую ранее официальную советскую статистику о боевых действиях, операциях, вооружениях и потерях.

В качестве наглядного популярного примера приведем две книги.

Первая – Поляков В.Е. «Страшная правда о Великой Отечественной войне: партизаны без грифа «секретно» (М., 2009) [16]. Книга о крымских партизанах, о войне в Крыму и о репрессированных крымских татарах, с обзором литературы о крымских партизанах. Приводятся отдельные свидетельства и фрагменты различных документов. Собственно партизанской войны почти нет: есть одни ошибки, неоправданная гибель людей, мародерство и каннибализм. В целом – авторская позиция сомнительная и направлена на искажение объективной картины имевшей место партизанской войны в Крыму.

В конце ноября 1941 года в Крыму действовало 33 истребительные батальона, созданные при отступлении советской армии. И выше мы приводили свидетельства фельдмаршала фон Манштейна о том, что налеты в Крыму партизаны совершали каждый день, что привело к созданию штаба по борьбе с партизанами и проведение карательных операций против партизан и местного населения уже в ноябре 1941 года.

Вторая книга – Горбач В. «Авиация в Курской битве» (М., 2008) [6]. Книга, не поверите, написана к 65-летию Курской битвы. Книга не о партизанах, но она типична своим подходом к фальсификации данных о результатах боевых действий и о потерях сторон в Курской битве. Автор осуществляет тотальную ревизию потерь в Красной Армии и в Вермахте. Генеральная идея автора – советская авиация в 2-3 раза завышала потери в рядах германской (немецко-фашистской) авиации. Как он утверждает: соотношение реальных потерь противостоящих сторон долгое время

оставалось за рамками официальных исследований. И приводит при этом обилие данных из зарубежных источников, которые, на его взгляд, объективны и неоспоримы.

Так как для полноценного понимания психологической атмосферы партизанской войны важно иметь достоверную историческую реконструкцию имевших место событий, выраженную в качественных и количественных характеристиках, приведем еще один пример, более глубокого анализа и сопоставления прежних официальных данных о партизанской деятельности в Беларуси и в других оккупированных регионах СССР.

А.В. Меркулов, в статье «Полемика И.Г. Старинова и П.К. Пономаренко по истории партизанского движения в СССР 1941-1944 гг. утверждает, что «в отчетности белорусского партизанского движения имелись «дутые цифры» и приписки, что это может, в конечном счете, привести к возможности фальсификации многих страниц истории нашей страны» [13].

Автор статьи позиционирует субъектов своего исследования, как две ярких противоположности: «Для Старинова – история – материал для извлечения боевого опыта, требующего объективного анализа. Для Пономаренко – пластичный материал для получения дополнительного политического капитала». [13]

Но если подойти к анализу текста Меркулова А.В. с позиции методов нейролингвистического программирования и психоанализа, мы сразу обнаруживаем двусмысленность и предвзятость подачи материала в тексте статьи. Маленький пример: «... мы видим, что история партизанского движения в СССР 1941-1944 гг. продолжала вызывать споры и в 1970-1990-е годы, даже между его руководителями и участниками, которыми являлись Старинов И.Г. и Пономаренко П.К.». Обратите внимание: непринужденно меняя последовательность и порядок слов, автор превращает И.Г. Старинова в руководителя партизанского движения, а П.К.Пономаренко становится

просто участником, желающим «получения дополнительного политического капитала». Как, впрочем, в описываемом случае не было реальной полемики, а было просто письмо И.Г. Старинова Зимянину М.В. – секретарю ЦК КПСС, на которое просто не было никакого ответа. И еще один маленький фрагмент: Меркулов А.В. приводит своё мнение о том, что «Пономаренко П.К., упорно доказывает особенную доблесть белорусских партизан» и в качестве контраргумента приводит данные Старинова И.Г., утверждающего, что деятельность партизан на Украине не уступала, а по ряду позиций превосходила боевые результаты белорусских партизан. При том, не приводя серьезной развернутой аргументации и не утруждая себя убедительным анализом статистики партизанского движения на территории Украины и на территории Беларуси. [1, 13]

Ранее цитируемый В. Горбач, красной линией проводит в своей книге мысль о том, что статистика Вермахта едва ли не на порядок качественнее статистики Красной Армии. Но из показаний генералов и офицеров Вермахта, мы имеем наглядный пример такой «достоверности» - неоднократно, при проведении карательных акций, в которых участвовали подразделения Вермахта, расстреливали тысячи заложников из мирного населения, которые в последующих отчетах фигурировали как уничтоженные партизаны. [14]

Помимо различных приемов фальсификации реального содержания военно-исторических событий [9], существует также своеобразная форма вольной художественной интерпретации и мифологизации с учетом современных исторических, политических и психологических мотивов.

В качестве примера – публикация из интернет: «Партизанская война: неизвестный множитель победы» (И. Каминская, преподаватель): «Истоки победоносной партизанской войны уходят далеко в древность и в глубоко психическое бессознательное народов леса и степи, уретрально-мышечных людей, которых теперь отчего-то разделили на русских, украинцев белорусов... «Парадокс кочевников», когда вопреки логике и расчетам более

«слабый» побеждает более «сильного» унаследован нами от общих предков – воинов Чингисхана, покорителей Евразии. ... В партизаны шли добровольцы и романтики... Воевать в партизанах нужно с шиком, а главное – весело и беззаботно... Наша родина – уретральная вольная батьковщина» [8]... Видимо, такой стиль и такая интерпретация былых трагических событий более доступна для массового сознания современников.

В Республике Беларусь издана многотомная историко-документальная хроника городов и районов Беларуси «Память», где событиям Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. уделено самое значительное внимание, в том числе и описанию партизанского движения. Замечательное издание и очень полезное для проведения историко-реконструктивного моделирования и анализа давно ушедших событий военной истории. Естественно, что в таком издании преобладает материал, извлеченный из отчетов, сводок и других исторических документов, дополняемый фрагментами воспоминаний участников событий и очевидцев. [15] Это весьма важно, но недостаточно для полноценной реконструкции психоистории партизанской войны. Помимо архивного поиска, необходимо привлечение большого объема субъективных свидетельств, отражающих самые разнообразные тенденции и проявления в сфере повседневного сознания, фронтового быта, морали, духа и идеологии.

Что же касается абсолютной достоверности статистики, отражающей все стороны партизанской войны в Беларуси, маловероятно, что мы можем это выяснить по прошествии 75 лет, и обрести полный консенсус в многообразной среде исследователей, изучающих феномен партизанской войны на всей оккупированной территории СССР с разных идеологических позиций и разных субъективных точек зрения. Хотя, стремиться к максимальной исторической объективности необходимо, но в психоистории решающую роль объяснительных факторов играют не только цифры, но и все вышеперечисленные психологические факторы, отражающие и объясняющие духовно-смысловую жизнь эпохи и всех активных и пассивных деятелей эпохи, составляющих единое целое.

На территории Беларуси в разное время действовало 70 тысяч подпольщиков, а также 213 партизанских бригад, которые объединяли 997 отрядов и 258 отдельных отрядов. В них насчитывалось 374 тысячи партизан и около 400 тысяч в резерве. К концу 1943 года освобожденные и контролируемые партизанами районы составляли 60% оккупированной территории Беларуси, а 37,8 тыс. км² были освобождены полностью. [2]

Много ли мы знаем о том, как жили в партизанских районах и в партизанском крае? Много ли мы знаем о том, как жил партизанский отряд? Как пишут зарубежные авторы [7]: «Трудно себе представить, как партизаны ухитрялись жить в болотах и действовать оттуда» и вскоре снова дезинформируют своих доверчивых читателей: «Многие партизанские отряды к началу боевых действий имели огромные запасы продовольствия вооружения и снаряжения» - скорее, как показывает внимательное изучение – очень немногие отряды имели такие запасы.

Самой маленькой организационной единицей партизанского движения был отряд, и если отталкиваться от имеющейся статистики – отрядов было более тысячи (не считая тех, что прекратили свое существование в первые годы войны).

30 мая 1942 год был создан штаб партизанского движения (начальник штаба П.К. Пономаренко), но не все отряды попали под его координацию – ряд отрядов сохранил свою независимость. Каждый отряд – это был свой мир, свои отношения, своя самобытность. У каждого отряда была своя траектория движения в пространстве вражеского тыла, своя неповторимая история. Одни – совершали подвиги, проявляли максимальную самоотверженность, другие (полагаю, были и такие) – осторожничали, выжидали, не лезли на рожон или просто старались уцелеть и выжить... Особенно в 1941-1942 гг., когда было немало слабовооруженных и малоопытных отрядов.

В советское время, было распространена господствующая точка зрения, что главной движущей силой партизанского движения было то, что

фашизм угрожал социалистическим завоеваниям советского народа, его духовным и материальным ценностям, поэтому народ поднялся на священную отечественную войну против фашизма [7]

Всегда ли так было на самом деле? Что было движущей силой каждого партизанского отряда, каждого партизана? Очень мало исследований отвечают на эти вопросы.

Как погибали партизаны, как погибали целые отряды, как лечили раненых, как поддерживали строжайшую дисциплину, как казнили предателей, как сохраняли веру и дух – это всегда было по-разному, и это нуждается в исследовании и осмыслении, потому как являлось основанием психологической сферы партизанской войны. [19, 20, 12, 4 и др.]

В статье Тищенко Е.М. «Медицина партизанских зон Беларуси» говорится о том, что «к середине 1942 года в партизанских соединениях Витебской области уже насчитывалось 12 бригадных и 67 отрядных госпиталей на 2700 коек и в них работало 394 человек медицинского персонала... На момент соединения с Красной Армией в партизанских формированиях на территории Беларуси было 580 врачей и 2133 средних медицинских работников». [19] Подумайте: какая работа, какой риск, какая самоотдача – чтобы обеспечить это важнейшее направление в условиях вражеского тыла.

Кроме прямых карательных операций, немецко-фашистские оккупанты активно использовали против партизан специально подготовленных диверсантов и специально организуемые лжепартизанские отряды. Да и в собственно партизанской среде находились отряды, которые, так скажем, исповедовали трудно совместимую идеологию. [5] Это целый пласт психоистории партизанской войны. Откуда брались диверсанты и предатели, что ими двигало, какие убеждения, цели?

С.В. Кулинок считает, что в оккупированном Борисове существовало 5 школ диверсантов и подготовили они около 3300 агентов, и что правомерно говорить о существовании на территории Беларуси от 25 до 30 различных

лежпартизанских групп и отрядов (а возможно и больше) [10, 11]. Цель таких групп и отрядов – дискредитация партизанской борьбы в глазах гражданского населения.

Психоистория партизанской войны – это вся повседневность партизанской жизни и жизни мирного населения в условиях немецко-фашистской оккупации. Серьезное исследование психосферы военного времени может обнаружить немало новых или малозамечаемых ранее фактов и способствовать более обоснованному восприятию трагической военной эпохи. Восприятию, более адекватному к исторической реальности и не перегруженному идеологическими штампами, стереотипами, и мифологией советских или постсоветских времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг Д. Украинский национализм: Факты и исследования. - М.: Центрполиграф, 2008. — 368 с.
2. Баландин К. И. Операция «Багратион» и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков // Наука и техника. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operatsiya-bagratiion-i-osvobozhdenie-belarusi-ot-nemetsko-fashistskih-zahvatchikov> (дата обращения: 24.03.2019).
3. Белорусские партизанские края и зоны 1941-1942 гг. // Военное обозрение: сетевое издание. Режим доступа: <https://topwar.ru/98357-belorusskie-partizanskie-kraya-i-zony-1941-1942-gg.html> (дата обращения: 24.03.2019).
4. Беспалая М.А. Коллекция рукописных партизанских журналов в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны как исторический источник // ВМ. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektsiya-rukopisnyh-partizanskih-zhurnalov-v-fondah-belorusskogo-gosudarstvennogo-muzeya-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-kak> (дата обращения: 24.02.2019).
5. Благов С.В. Партизанская мимикрия в Западной Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (на примере Столбцовского батальона Армии Крайовой) // Наука. Общество. Оборона. 2018. №3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partizanskaya-mimikriya-v-zapadnoy-belorussii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-primere-stolbtsovskogo-batalona-armii-krayovoy> (дата обращения: 24.02.2019).
6. Горбач В. Авиация в Курской битве. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 512 с.
7. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия / Сокращенный перевод с английского под редакцией полковника А. А. Прохорова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. — 291 с.

8. Каминская И. Партизанская война: неизвестный множитель победы / Каминская И. // Системно-векторная психология Юрий Бурлан. Режим доступа: <https://www.yburlan.ru/biblioteka/partizanskaya-voina-neizvestnyi-mnozhitel-pobedy>

9. Кобрин М.В. Фальшивая история Великой Отечественной войны: взгляд из Беларуси // Наука. Общество. Оборона. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falshivaya-istoriya-velikoy-otechestvennoy-voyny-vzglyad-iz-belarusi> (дата обращения: 24.02.2019).

10. Кулинок С.В. Правда о «Сатурнах»: немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы в Борисове в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. №1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravda-o-saturnah-nemetskie-razvedyvatelno-diversionnye-shkoly-i-kursy-v-borisove-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 24.02.2019).

11. Кулинок С.В. Деятельность лжепартизанских соединений на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2017. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-lzhepartizanskih-soedineniy-na-territorii-belarusi-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-po-dokumentam-natsionalnogo-arhiva> (дата обращения: 24.02.2019).

12. Литвинова О.Н. Субкультура партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subkultura-partizanskogo-dvizheniya-na-bryanschine-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 24.02.2019).

13. Меркулов А. В. Полемика И. Г. Старинова с П. К. Пономаренко об истории партизанского движения в СССР 1941-1944 гг. // История: факты и символы. 2018. №3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polemika-i-g-starinova-s-p-k-ponomarenko-ob-istorii-partizanskogo-dvizheniya-v-sssr-1941-1944-gg> (дата обращения: 24.02.2019).

14. Мюллер Н. Вермахт и оккупация 1941-1944 (О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории). – М.: Воениздат, 1974. – 387 с.

15. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Сенненскага раёна. - Мн.: ПК «Паліграффармление», 2003. – 616 с.

16. Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 384 с.

17. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке - исторический опыт России. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. - 383 с.

18. Суржик Д.В. Реалии и мифы белорусского партизанского движения в трудах Российско-белорусской ассоциации историков «Союзная инициатива памяти и согласия» // НП/НР. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realii-i-mify-belorusskogo-partizanskogo>

dvizheniya-v-trudah-rossiysko-belorusskoy-assotsiatsii-istorikov-soyuznaya-initsiativa (дата обращения: 24.02.2019).

19. Тищенко Е. М. Медицина партизанских зон Беларуси // Журнал ГрГМУ. 2010. №2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-partizanskih-zon-belarusi> (дата обращения: 24.02.2019).

20. Шарков А.В. Партизанское правосудие на оккупированной территории Беларуси // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. №2-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partizanskoe-pravosudie-na-okkupirovannoy-territorii-belarusi> (дата обращения: 24.02.2019).

21. Широкоград А. Партизанская Белоруссия (Часть 2) / Широкоград А. // Союзное государство: Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/history/196491/>

УДК 94 (476)

ПСИХОИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ 1941-1944 ГГ. ОЧЕРК ВТОРОЙ³²

В процессе осмысления и описания такого сложного, масштабного, многомерного феномена как массовая партизанская война часто на первый план выходят идеологическая установка авторов и их субъективно-мировоззренческие ориентиры и предпочтения. Широкое развитие народного сопротивления (партизанского движения) во многом было обусловлено фашистским террором и жаждой мести. Автор считает, что между ростом партизанского движения в Белоруссии и фашистским террором на оккупированной территории существует прямая зависимость. Судьбы участников партизанской войны требуют психоисторического прочтения этого периода Великой отечественной войны, на основе повторного анализа и реконструкции событий и фактов, оптимального осмысления идеологических и субъективно-психологических описаний исторической действительности.

Ключевые слова: Беларусь, партизанская война 1941-1944 гг., партизанское движение, психоистория, психология войны, геноцид еврейского народа Белоруссии

THE PSYCHOHISTORY OF THE PARTISAN WAR IN BELARUS 1941-1944YY. SECOND ESSAY

In the process of understanding and describing such a complex, large-scale, multidimensional phenomenon as mass guerrilla warfare, the ideological attitude of the authors and their subjective worldview guidelines and preferences often come to the fore. the widespread development of popular resistance (partisan movement) was largely due to fascist terror and thirst for revenge. The author believes that there is a direct correlation between the growth of the partisan movement in Belarus and the fascist terror in the occupied territory. The fate of the participants in the guerrilla war requires a psychohistorical reading of this period of the Great Patriotic War, based on a re-analysis and reconstruction of events and facts, an optimal understanding of ideological and subjective psychological descriptions of historical reality.

Keywords: Belarus, partisan war of 1941-1944, partisan movement, psychohistory, psychology of war, genocide of the Jewish people of Belarus

Погружаясь, после значительного перерыва в ранее заявленную тему партизанской войны в Белоруссии [3], возьмем на себя смелость сказать, что до настоящего времени, в отечественной и зарубежной историографии мы не встречали полностью максимально объективного описания этого значительного феномена Второй Мировой и Великой отечественной войны. Что, впрочем, не удивительно, ведь, как мы отмечали в первом очерке [3], в процессе осмысления и описания такого сложного, масштабного, многомерного феномена как массовая партизанская война часто на первый

³² Опубликовано: Винобер А.В. Психоистория партизанской войны в Беларуси 1941-1944 гг. Очерк второй (к 75летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) // Вестник Института развития ноосферы. 2021. №1(15). С. 41-48

план выходят идеологическая установка авторов и их субъективно-мировоззренческие ориентиры и предпочтения.

Для пояснения своего утверждения, приведем несколько характерных фрагментов, отражающих дух и букву идеологической установки авторов.

В 12-ти томном издании «Венок славы», посвященном 40-летию победы советского народа в Великой отечественной войне, в томе 8 «Война в тылу врага» цитируется П.К. Пономаренко (в период войны – начальник центрального штаба партизанского движения), который приводит постановление ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу вражеских войск».

Также зарубежные авторы монографии «Коммунистические партизанские действия» (отталкиваясь от советских официальных материалов) отмечают: «СНК и ЦК ВКП (б) Белоруссии в первый или во второй месяц войны была дана следующая директива «Об организации народной обороны (партизан)» - немедленно создать для поддержки Красной Армии части народной обороны (партизан)» [4].

И далее, у П.К. Пономаренко: «Уже в первые десять дней войны партизаны уничтожили штаб 121-й пехотной дивизии и её командира генерала Лансея» [2].

Из «Коммунистических партизанских действий»: «У каждого отряда – собственная радиостанция, собственное оружие, боеприпасы и продовольственные запасы – в этом отношении партизанское движение было организовано прекрасно» [4].

Для тех, кто знаком с хронологией и содержанием событий Великой отечественной войны в июне-декабре 1941 года на территории Белоруссии все выше процитированные фрагменты вызовут по меньшей мере недоумение, если не полное недоверие.

Для завершения картины идеологического отображения хода событий войны, приведем еще один фрагмент из 8-го тома «Венок славы».

А.Ф. Федоров: «Эти горе-теоретики сбрасывают со счетов агитационно-массовую работу партии по вовлечению в партизанскую борьбу советских людей, оставшихся в тылу врага... Рост народного сопротивления был прямо пропорционален усилению коммунистического влияния в массах, расширению подпольной агитационной работы и ударам партизанских отрядов. А эти удары были ни чем иным, как военной работой партии в тылу врага» [2].

Наши возражения.

1. В первые месяцы войны никакого централизованного управления партизанскими отрядами не существовало, и каждый отряд действовал по своему усмотрению и на свой страх и риск.

2. В большинстве (вероятно 90% и больше) партизанских отрядов не было ни радиостанций, ни достаточных вооружений и боеприпасов, ни запасов продовольствия. Те склады боеприпасов, что создавались в предвоенный период на территории Белоруссии, в большинстве случаев были ликвидированы, информация о них у партизан отсутствовала, потому как большинство специалистов-диверсантов, участвовавших в процессе создания таких запасов на случай войны, были репрессированы и расстреляны в 1937-38 гг. (как враги народа и шпионы иностранных разведок).

Радиосвязь с партизанскими отрядами начали устанавливать в апреле-мае 1942 года, и поэтому, без всякого преувеличения можно сказать, что с июня 1941 по июнь 1942 года партизанские отряды были предоставлены сами себе, не имея никакого серьезного идеологического руководства, за исключением ситуации, когда командир или комиссар отряда оказывались идеологически активными и деятельными коммунистами – но такие случаи скорее были редкими проявлениями.

Только с 30 мая 1942 года, когда был создан Центральный штаб партизанского движения (начальник штаба Пономаренко П.К.) начала

осуществляться систематическая работа по установлению контактов (радиосвязи) с партизанскими отрядами.

По данным некоторых историков, смертность групп, забрасываемых в 1941-42 гг. в тыл врага составляла более 90%. В качестве примера можно привести описание деятельности диверсантов-партизан в 1941 году, имеющее место (от первого лица) в книге Г.М. Линькова «Война в тылу врага» [6].

3. Исходя из вышесказанного, понятно, что агитационно-массовая работа партии по вовлечению в партизанскую борьбу советских людей, оставшихся в тылу врага, могла быть серьезно развернута только во второй половине 1942 года и в 1943 гг. Также можно сказать, что рост народного сопротивления был прямо пропорционален бесчинству оккупантов в отношении военнопленных и в отношении мирного населения.

11 августа 1941 года в газете «Правда» было опубликовано письмо беженки из Бреста Елены Ковальчук. Там были следующие строки: «24 июня 1941 гитлеровцы согнали на футбольное поле много мирных жителей Бреста. Тут были белорусы, поляки, украинцы, русские, евреи, здесь были мужчины и женщины, старики и дети, и началась дикая расправа над безоружными людьми. ... После расправы на футбольном поле не проходило ни одного дня без новых кровавых жертв. ... Несколько дней я скрывалась на чердаке одного дома. Темной ночью бежала из города, как из ада, где воздух был отравлен смрадом гниющих трупов. Братья, родненькие! Бейте фашистских разбойников, истребляйте лютых злодеев!...» [2].

Естественно, что такие обращения действовали намного сильнее, чем любые партийные призывы и пропаганда.

Поэтому мы склонны считать, что широкое развитие народного сопротивления (партизанского движения) во многом было обусловлено фашистским террором и жаждой мести.

Поэтому мы совершенно определенно считаем, что между ростом партизанского движения в Белоруссии и фашистским террором на оккупированной территории существует прямая зависимость. Число жертв среди мирного населения Белоруссии в 1941-1944 года (в годы немецко-фашистской оккупации) составляет не менее 1,5 млн. человек. И здесь есть один большой и больной вопрос, который либо обходят молчанием, либо пытаются его интерпретировать в угоду тем или иным идеологическим установками. Это вопрос о тотальном геноциде еврейского населения Белоруссии.

Отдельные авторы утверждают, что было уничтожено 800 тысяч белорусских евреев [5]. Но утверждать, что «многие евреи Минска и других населенных пунктов Беларуси не успели или не смогли эвакуироваться, виновато руководство ЦК Компартии Беларуси и правительство республики, и прежде всего, первый секретарь ЦК Пантелеймон Пономаренко» [5] – это значит сознательно исказить историческую правду и пытаться оправдывать политику германского социал-фашизма и его вождя Адольфа Гитлера.

Об участии белорусских евреев в партизанском движении имеется две различные точки зрения. Так, вышеупомянутый автор-составитель С.Асиновский [5] считает, что «по неофициальным данным, в партизанском движении и антифашистском подполье в Беларуси в 1941-1944 годах участвовало свыше 15 тысяч евреев» (в 1944 году насчитывалось по официальным данным 370 тысяч партизан и более 70 тысяч подпольщиков).

В книге Линькова представлена по этому вопросу иная точка зрения, более близкая к официальной [6].

А истину мы можем обнаружить только при детальном анализе архивных документов.

В любом случае понятно, что за жертвы фашизма историческую ответственность несет фашизм во главе со своими вождями и всей иерархией

проводников геноцида, но никак не П.Пономаренко – один из главных организаторов партизанского движения в Беларуси.

К середине июля 1941 года на оккупированной территории БССР действовало 4 партизанских отряда, к концу июля – 35, в августе – 61 отряд. К концу 1941 года в республике насчитывалось 104 партизанских отряда, 323 организации и диверсионных групп общей численностью 8307 человек.

Первые бои партизанских отрядов были проведены уже в конце июня и в июле 1941 года. И совершенно ясно, что все эти действия совершались в автономном режиме, без центрального руководства.

Естественно, что при изучении партизанского движения всегда нужно обращать внимание на временной фактор и последовательность событий.

Если, например, приводится официальная статистика, что за время первого этапа партизанской войны (1941-1942 гг.) на территории Белоруссии действовало свыше 56 тысяч партизан, состоявших в 417 отрядах, и действовало 68 радиостанций, с помощью которых 329 отрядов могли поддерживать связь с Москвой [7]. То нужно объяснить (или выяснить) как произошел этот взрывной рост численности партизанского движения в 1942 году (с 8 тысяч до 56 тысяч), и что такое обозначает: «имелось 150 тысяч партизанского резерва»? И когда появились эти 68 радиостанций и с какой эффективностью они обслуживали в среднем 4,5 отряда? Как и почему 88 отрядов оставались без радиостанций и насколько эффективно они сражались с врагом?

К началу операции «Багратион» (23 июня 1944 года) силы фашистов состояли из 63 дивизий и трех бригад (1,2 млн. чел.), 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1350 самолетов.

В составе Советской Красной армии (4-х фронтов: 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусских) насчитывалось 2,4 млн. чел., 36400 орудий и минометов, 5200 танков и САУ, около 5300 самолетов. Превосходство над противником в живой силе – в 2 раза, по орудиям и минометам – в 3,8 раза, по танкам – в 5,8 раза [1, 2, 7].

Как отмечают зарубежные историки [4], «Яркий пример тактического взаимодействия партизан с частями Красной Армии – когда в конце июня 1944 года русские прорвали немецкий фронт в районе Бобруйска и Витебска. В ночь перед началом наступления русской армии партизаны совершили более 10 тысяч рейдов, перерезав все линии связи и снабжения немецкой армии и парализовав тем самым деятельность немецкого командования».

За всеми этими сторонами кроются десятки и сотни тысяч судеб участников партизанской войны в Белоруссии в 1941-44 гг., требующие психоисторического прочтения этого периода Великой отечественной войны, на основе повторного анализа и реконструкции событий и фактов, оптимального осмысления идеологических и субъективно-психологических описаний исторической действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландин К. И. Операция «Багратион» и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков // Наука и техника. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operatsiya-bagratiion-i-osvobozhdenie-belarusi-otnemetsko-fashistskih-zahvatchikov>

2. Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12-ти т. Т.8. Война в тылу враге / Сост. А. Карлин. – М.: Современник. 1985. 607.

3. Винобер А.В. Психоистория партизанской войны в Беларуси 1941-1944 гг. Очерк первый (к 75летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) // Вестник Института развития ноосферы. 2019. – 3(5). С. 78-87.

4. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия / Сокращенный перевод с английского под редакцией полковника А. А. Прохорова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. — 291 с.

5. Евреи. По страницам истории / Сост. С.Асиновский, Э.Июффе. – МН.: ООО Завигар, 1997. 320 с.

6. Линьков Г.М. Война в тылу врага. – М., 1959. 622 с.

7. Освобождение Белоруссии. 1944 / Под ред. А.М. Самсонова. – М.: Наука, 1974. 799 с.

УДК 94 (571)

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ: XVII-XXI ВВ.³³

В кратком очерке представлена авторская позиция по истории освоения Сибири. Исторический шанс возрождения России придет через Сибирь и с помощью Сибири посредством социально-экологической модернизации Сибири. Но это – всего лишь исторический шанс. Кто и как воспользуется этим историческим шансом – мы знать не можем.

Ключевые слова: Сибирь, освоение Сибири, социотехноприродная система, природные ресурсы

**HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SIBERIA:
XVII-XXI CENTURIES**

The short essay presents the author's position on the history of the development of Siberia. The historical chance of Russia's revival will come through Siberia and with the help of Siberia through the social and environmental modernization of Siberia. But this is just a historical chance. We can't know who will use this historic opportunity and how.

Key words: Siberia, development of Siberia, sociotechnological system, natural resources

Вероятно, это будет один из самых коротких очерков об огромном крае – стране с названием «Сибирь». На территории Сибири могло бы разместиться не одно государство, не одна страна. Будущее Сибири – в плотном сиреневом тумане. Сибирь – это суровый край с экстремальными условиями освоения и проживания. Но Сибирь – это последний большой оазис на планете Земля, где сохранилась естественная природа.

Не будем говорить о целях, задачах, методах, результатах и обсуждениях – это «цивилизованная клетка для мысли», придуманная западными глобализаторами-цифровизаторами, мало чего дает для понимания проблемы и потенциала Сибири. Не будем говорить о жупеле «сибирский сепаратизм», придуманном в царской охранке XIX в., и успешно эксплуатируемом уже около 170 лет. Только факты и грубая графика динамики освоения Сибири.

Историю освоения (иногда говорят – завоевания (?!)) Сибири можно интерпретировать в разнообразии вариантов, и этот вопрос имеет достаточно

³³ Опубликовано: Винобер А.В. История освоения Сибири: XVII-XXI вв. / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2020. №1(3). - С.6-12.

богатую литературу [1, 2, 3, 7, 8, 9, 11, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 27, 30, 31, 32].

Сформулируем нашу собственную позицию.

Завоевания было совсем не много, и несмотря на желаниа отдельных аборигенных этносов – героизировать свою историю «кровопролитной борьбой» с русскими колонизаторами – такой кровопролитной борьбы было относительно мало (например, в сравнении с гражданской войной в Сибири (1918-1922 гг.). И главное свидетельство – практически все основные этносы Сибири сохранились на протяжении четырех столетий, и в наше время успешно развиваются. Более того – получили свои города, столицы, интеллигенцию, развитие национальных языков и культур. Более того, за последние три десятилетия наблюдается бурный рост национального самосознания в Якутии, Туве, Бурятии...

Сто лет назад, в июне 1920 года, в Харбине вышла из печати книга Серебренникова И.И. «Сибиреведение» [24], где автор выделяет три периода освоения Сибири. Последнее столетие мы бы определили как четвертый период освоения Сибири, который в свою очередь можно дробить на несколько этапов. Наш вариант:

1 этап: 1920-1934 гг.

2 этап: 1935-1955 гг.

3 этап 1956-1988 гг.

4 этап: 1989-2020 гг.

Первый исторический период (по Серебренникову) от Ермака до завершения царствования Петра I – можно именовать первопроходческим или пионерным. Как бы мы к нему не относились (с позиции аборигенов или с позиции пришельцев), но это редчайшее явление в мировой истории, отмеченное особой пассионарностью русского этноса, сумевшего одолеть такие экстремальные условия и пространства небольшими экспедиционными отрядами.

В первой четверти XVIII века (завершение 1 периода освоения) мужское население Сибири составляло 241 тыс. человек (в том числе русских – 169 тыс. чел.). К концу второго периода (1725-1840 гг.) население Восточной Сибири составляло около 1 млн. человек.

И только в третий период наблюдается интенсивный (в сравнении с прежними) рост населения Сибири и активное освоение природных ресурсов. И только в 1906-1913 гг. (с началом Столыпинской реформы) в Сибирь хлынул настоящий поток крестьян-переселенцев. Можно лишь предполагать, каким было бы развитие края в случае, когда романовская Россия смогла бы избежать вступления в первую мировую войну (теоретически, такой шанс существовал, как и возможность избежать второй мировой войны – но мы привыкли твердить о неизбежности этих событий, пряча в тени политическую глупость былых властителей).

Революция 1917 года и гражданская война внесли серьезные коррективы в процесс освоения Сибири (как и в развитие всего российского общества). Потери людские и культурно-цивилизационные были колоссальными. Именно такие потери не позволили реализоваться предсказанию О.Шпенглера о грядущем развитии русско-сибирской цивилизации: её человеческий и интеллектуально-энергетический потенциал был в основном уничтожен и рассеян по миру в 1918-1953 годах.

О чем говорил Н.М. Ядринцев и о чем говорят современные исследователи Сибири? «Для того, чтобы Сибирь стала действительным благословением для России, необходимо ломать колониальный комплекс, и главное, воспринимать её не как кладовую (по Ломоносову), а как органическую часть страны, как место, которое обживается не одну сотню лет, как малую родину для тех, кто идентифицирует себя и Сибирь» [22, 34].

Мы не рассматриваем отдельно вопрос освоения Сибири в четвертом (современном) периоде. Здесь широкий спектр проектов и тенденций, «плюсов и минусов», ГУЛАГов и БАМов, что можно исследовать ни одно

десятилетие. Этот период интенсивно изучается отечественной наукой практически всё столетие [10, 12, 13, 15, 26].

Сибирь, как социотехноприродная система, включающая в себя социум (население), техносферу (промышленность, технологии, хозяйство) и природу (природные ландшафты и богатейшие природные ресурсы) – это большая часть территории России – потенциально самой мощной державы планеты. И мы убеждены в том, что исторический шанс возрождения России придет через Сибирь и с помощью Сибири посредством социально-экологической модернизации Сибири (3/4 России по площади и 9/10 по ресурсам и потенциалу) [4, 5, 6, 28, 29, 35, 36].

Но это – всего лишь исторический шанс. Кто и как воспользуется этим историческим шансом – мы знать не можем. Скорее всего, тот субъект истории (народ, властитель, страна, правительство), который сумеет осознать свой исторический шанс и воплотить его в реальность грядущих лет...

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII-нач. XVIII в. (Енисейский край). – М.: Наука, 1964. – 303 с.
2. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски 1934-1867. – М.: Наука, 1990. – 368 с.
3. Бычков О.В. Охотничий промысел у русского населения таежного Прибайкалья (по материалам середины XVIII – второй половины XX вв): автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ленинград, 1989. 18 с.
4. Винобер А.В. Дальневосточный гектар: социально-экологический анализ и прогноз / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020. - 1 (19). – С. 13-18.
5. Винобер А.В. Иркутская область как социотехноприродная система (социально-экологический анализ и прогноз) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020. - 1 (19). – С. 19-28.
6. Винобер А.В. Сибирь. Россия: настоящее и будущее / А.В. Винобер // Форум устойчивого развития сельских территорий и поселений Сибири и Дальнего Востока "Сибирский земельный конгресс": Сборник материалов форума (Иркутск, 12-15 ноября 2014 г.). 2014. С. 41-45
7. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири (в 3-х томах). СПб.: 1854 г. - 1227 с.
8. Галактионова Н.А. Сибирь через призму освоения: от периферии к центру / Н.А. Галактионова // Диалог культур: поэтика локального текста:

материалы V международной научной конференции: в 2-х томах. 2016. С. 124-129.

9. Зуляр Ю.А. Историческая география Сибири: монографическое издание / Ю.А. Зуляр, Л.М. Корытный, В.А. Снытко // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии "Россия. Полное географическое описание нашего Отечества") материалы V международной конференции по исторической географии. 2015. С. 347-350.

10. Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 496 с.

11. Зуляр Ю.А. Этапы социально-экономического освоения Сибири в республиканский период (1917-2017) / Ю.А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник Иркутск, 2018. С. 45-61.

12. Исакова Н.В. Культура народов Севера: философско-социологический анализ. – Новосибирск: Наука, 1989. – 208 с.

13. Коллективизация сибирской деревни. Январь-Май 1930: Сборник документов. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – 488 с.

14. Копылов Д.И. Ермак. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – 240 с.

15. Копылов И.П. Тунгусское хозяйство Лено-Киренгского края по данным статистико-экономического обследования 1927 года / Под ред. Д. В. Доброго, Н. Я. Новомбергского, Н. С. Юрцовского. – Новосибирск, 1928. - 58 с. : ил., карта. - (Исследования колонизационных фондов : серия Б / Районное Переселенческое Управление Сибири ; вып. 3-й)

16. Окладников А.П. История и культура бурят // Сб. статей – Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1976. – 458 с.

17. Окладников А.П. История Сибири с древнейших времён до наших дней в 5 томах. – Л.: Наука, 1968-1969.

18. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII) Л.:СОЦЭКГИЗ, 1937. - 425 с.

19. Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра – М.-Л.: Изд-во Главсевморпути. 1948.- 160 с.

20. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – нач. XX века) / Л.П. Дамешек, И.Л. Дамешек, В.П. Шахеров и др. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2017. – 261 с.

21. Преображенский А.А, Очерки колонизации Западного Урала в XVII-начале XVIII вв. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – 302 с.

22. Решетников В.А. Сибирь: благословление или проклятье? / В.А. Решетников // STUDIUM-IX. Российский социум в перспективах и противоречиях развития: сборник мат. ежегодной науч-практ. конф. – Иркутск: ИГУ, 2008. - С. 166-173.

23. Русское православие: вехи истории / Науч.ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989-719 с.

24. Серебреников И.И. Сибиреведение: конспект лекций, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине в мае-июне 1920 г. – Харбин: Типография «Свет», 1920. – 210 с.

25. Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири / В.Н. Скалон // Известия ИСХИ: сб. работ кафедр охотоведения и зоологии. – Иркутск, 1960. Вып. 18. – С. 301.

26. Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Концепция министерства регионального развития РФ. М. 2007. - 45с.

27. Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 гг.). Т.1 – Якутск: Известия якутской областной ученой архивной комиссии, 1916.

28. Тетиор А.Н. Сибирь: освоение, заселение или сохранение природы? / А.Н. Тетиор // Форум устойчивого развития сельских территорий и поселений Сибири и Дальнего Востока "Сибирский земельный конгресс" Сборник материалов форума (Иркутск, 12-15 ноября 2014 г.). 2014. С. 32-35.

29. Тетиор А.Н. Экологическая инфраструктура и экологизация Сибири / А.Н. Тетиор // Форум устойчивого развития сельских территорий и поселений Сибири и Дальнего Востока "Сибирский земельный конгресс": Сборник материалов форума (Иркутск, 12-15 ноября 2014 г.). 2014. С. 35-41

30. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. - Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1949 - .Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. - Репр. воспроизведение изд. 1949 г. – Иркутск: Иркутская областная типография №1, 2001. - 604 с.

31. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня : в 2 т. / В. Н.Шерстобоев. Т 2: Илимский край во II -IV четвертях XVIII века. – Иркутск: Иркутская областная типография №1, 2001. - 634 с.

32. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). – И.: Изд. АН СССР, 1956. – 432 с.

33. Ядринцев Н.М. История освоения Сибири. - Ил. изд. - М.: Эксмо, 2013. - 605 с.

34. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении: СПб.: изд. И.М.Серебрякова. 1889.

35. Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 224 с.

36. Яницкий О.Н. Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения [Электронный ресурс] / Электрон. версия печат. публ. - Режим доступа:http://www.isras.ru/files/File/Istoriya_i_sovremen/2008-02/Yanitsky_Ekomodernizaciya_Rossii.pdf

УДК 94

КРИТО-МИКЕНЫ: «ДО» И «ПОСЛЕ». ГЕНЕЗИС КРИТО-ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ОЧЕРК ПЕРВЫЙ³⁴

Автор не ставит перед собой амбициозных целей, кроме как выразить свой субъективный взгляд на отдельные фрагменты исторического процесса, связанного с появлением, развитием и угасанием удивительной крито-микенской цивилизации, оказавшей невероятно большое и не до конца осознанное влияние на развитие всей европейской цивилизации во все последующие века (во время своего существования и после физического распыления и угасания).

Ключевые слова: крито-микенская цивилизация, эгейская цивилизация, минойская цивилизация, бронзовый век, Древняя Греция

CRETE-MYCENAE: «BEFORE» AND «AFTER». GENESIS OF THE CRETAN-GREEK CIVILIZATION. THE ESSAY FIRST

The author does not set ambitious goals, except to express his subjective view of individual fragments of the historical process associated with the emergence, development and extinction of the amazing Cretan-Mycenaean civilization, which had an incredibly large and not fully realized impact on the development of the entire European civilization in all subsequent centuries (during its existence and after physical dispersion and extinction).

Key words: Cretan-Mycenaean civilization, Aegean civilization, Minoan civilization, Bronze Age, Ancient Greece

Приступая к осмыслению столь глобальной исторической темы, как генезис крито-микенской цивилизации, автор не ставит перед собой амбициозных целей, кроме как выразить свой субъективный взгляд на отдельные фрагменты исторического процесса, связанного с появлением, развитием и угасанием удивительной крито-микенской цивилизации, оказавшей невероятно большое и не до конца осознанное влияние на развитие всей европейской цивилизации во все последующие века (во время своего существования и после физического распыления и угасания). Только гипотезы и размышления, но никаких претензий на открытия и сенсации. Скорее, жанр философского исторического эссе, но ни в коем случае не история-фэнтези. Поэтому – некоторое обилие цитат из научной и научно-популярной исторической литературы, слегка разводимое собственными

³⁴ Опубликовано: Винобер А.В. Крито-Микены: «до» и «после». Генезис крито-греческой цивилизации. Очерк первый / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2020. 1(10). С. 59-66.

мыслями автора по поводу тех или иных утверждений или исторических фактов.

Когда вторгаешься в сферу научных интересов какой-либо научной специальности – всегда есть риск – изобрести велосипед или космический корабль, или, что более вероятно, надуть большой мыльный пузырь, который лопаается при первом столкновении с серьезной критической мыслью.

Но соблазн сенсации, популярности и желания получить быстрые дивиденды нередко поражает и серьезных ученых – и тогда они вторгаются в малознакомую сферу и начинают творить чудеса. Классический пример последнего времени – известный экстравагантный математик Фоменко и его компания. Математики, в немалом своем числе, удивительно смелые люди – легко могут подсчитать число звезд во вселенной и количество атомов в этом же объеме. И порой, их немало не смущает, что число звезд вдруг оказывается больше числа атомов: «Мы излагаем наш новый метод датирования...» [8]. Поразительная точность, не правда, ли? Был второй век, а теперь, на ваш выбор – целых семь веков!

Впрочем, методология, которую использует автор данной статьи, в чем-то близка к научному анархизму, то есть, к большей степени свободы в осмыслении исторического объекта, факта или процесса, но без претензий на истину в последней инстанции. Поэтому нам близка точка зрения, высказанная в прошлом веке нашим соотечественником, биологом-космистом А.Чижевским: «В текущий момент развития исторического знания следует признать неоспоримый факт... (правда, мы не совсем согласны с заключительным моментом утверждения) что бог истории – инстинкт и вся история – есть сплошная физиологическая реакция» [10] – слишком уж явно отдает бихевиоризмом, где практически нет сознания и никакой свободы личности. Но во многом А. Чижевский прав – историки часто игнорируют влияние земных и космических факторов, в результате чего рождается картина исторического процесса, похожая на виртуальную компьютерную игру.

Возвращаясь к объекту нашего исследования, к Крито-Микенской (или Крито-Минойской) цивилизации, мы выразим своё удивление словами философа истории Карла Ясперса: «...Почти одновременно в трех областях земного шара возникают древнейшие культуры. Это, во-первых, шумеро-вавилонская и египетская культуры и эгейский мир с 4000 г. до н.э.; во-вторых, открытая в раскопках доарийская культура долины Инда третьего тысячелетия (связанная с Шумером), в-третьих, смутно сквозящий в воспоминаниях, оставивший скудные следы архаичный мир Китая второго тысячелетия до н.э. (и, вероятно, еще более ранний)» [11].

Продолжая прояснять свою методологическую историко-мировоззренческую установку, обратимся за помощью к еще одному выдающемуся философу истории прошлого века Арнольду Тойнби: «Одна из странностей истории заключается в том, что наш традиционный путь изучения греческой и латинской классики унаследован от иудейского метода изучения Закона и Пророков. Другими словами, мы общаемся с греческими и латинскими книгами абсолютно не так, как они использовались и как были задуманы их авторами и чтецами в те времена, когда были созданы... талмудический метод изучения предрасполагает к тому, чтобы рассматривать жизнь в категориях книг, а не наоборот. Противоположный метод – греческий подход – заключается в том, чтобы изучать книги не только ради изложенного в них, но и как ключ к жизни тех, кто их написал» [7].

Но мы не всегда разделяем точку зрения А. Тойнби, в тех случаях, когда пытаюсь объяснить сущность исторического, он затемняет её мифологическими сюжетами (уподобясь Зигмунду Фрейду, построившему свой психоанализ на мифологических сюжетах из Библии и Гомера): «Если эллинскому обществу удалось избежать судьбы Крита или Спарты, то это произошло потому, что гуманистический, прогрессивный, цивилизующий этос мифического Прометея взял верх над косным и грубым этосом Зевса. Зевс был не совсем тем, чем он казался. Выглядел он чистым варваром, однако в нем должно быть было нечто и помимо этого. В противном случае

исторический факт, согласно которому эллинская цивилизация действительно выросла из ахейского варварского корня, станет необъяснимым чудом» [6].

По нашему мнению, можно было выразить эту мысль значительно проще, не трогая при этом Прометея и Зевса: эллинская цивилизация выросла в значительной степени из крито-минойского корня на биологически активном ахейском варварском субстрате.

Завершая краткий экскурс в методологию, выразим еще одну конструктивную мысль, принадлежащую возможно Мишелю Фуко, но замеченную в книге Поля Вена «Как пишут историю»: «История – не наука; у нас, тем не менее, есть свои правила, но они проявляются на уровне критики источников» [3].

История, конечно же, наука. Богатая, пестрая, разнообразная и, возможно – субъективная. И тем она отличается от физики и химии. В прочем, в той же объективной науке математике, если хорошо копнуть на глубину, обнажатся бескрайние пласты субъективизма (особенно, в аксиоматике и в изобретении всевозможных символов, которыми впоследствии пользуются те, кто их не изобретал и кому они мало приятны на вид).

Для ориентировки в дальнейшем изложении мнений и фактов мы воспользуемся следующей хронологической таблицей:

- 1) Раннеминойский период на Крите, 3000-2200 до н.э.
- 2) Раннеэлладский период, 2600-2000 до н.э.
- 3) Среднеминойский период, 2200-1580 до н.э.
- 4) Среднеэлладский период, 2000-1550 до н.э.
- 5) Позднеминойский период, 1580-1050 до н.э.
- 6) Позднеэлладский (Микенский) период, правление легендарных царей: Агамемнон, Тесей, Эдип, Менелай, 1550-1125 до н.э.
- 7) аристократические республики, 1128 (1104) до н.э.

- 8) главенство Спарты, 900-471 до н.э.
- 9) главенство Афин, 471-371 до н.э.
- 10) главенство Фив, 371-362 до н.э. [4]

Вопрос первый: Доминойцы.

Откуда на острове Крит появилась такая высокоразвитая цивилизация? Могла ли она иметь автохтонное происхождение или привнесена из других исторических и географических центров, где возникли первые очаги высокой культуры?

Есть две доминирующие гипотезы:

- 1) доминойцы мигрировали на остров Крит в IV-V тысячелетии до нашей эры из районов современной Сербии, Болгарии, Македонии, Румынии;
- 2) доминойцы – пришельцы из Малой Азии, где протогородские элементы и культ быка существовали уже в VI тысячелетии до нашей эры.

«Сходство древнейшей фессалийской керамики с посудой Чатал Хююка или Кызылкая не может служить достаточным основанием для датировки, поскольку совершенно такая же керамика встречается в горизонте II Чатал Хююка (ок. 5800 г. до н.э.), но есть уже в VI (5900 г. до н.э.) Таким образом, бескерамическая культура Фессалии может датироваться временем до 5600 г. до н.э., а появление хорошей керамики, возможно, было связано с передвижением населения, принесшего керамику Хаджилара VI на Эгейское побережье, на Хиос, Скирос и далее. Длительному периоду пользования монохромной керамикой в Греции могло соответствовать развитие культуру прибрежных районов Западной Анатолии до появления расписной керамики (красной росписи по белому фону и белой по красному) в Хаджиларе I (ок. 5250-5000 гг.), что хорошо согласуется с 5080 г. до н.э. – датой появления керамики с красной росписью по белому фону в Элатее, В Центральной Греции (и протостекло Фессалии)». [5]

По утверждению М.Элиаде, очаги цивилизации появляются около 7000 до н.э. на берегах Греции, Италии, Крита, Южной Анатолии, в Сирии и Палестине. Между 6500 и 5300 до н.э. на Балканском полуострове и

Центральной Анатолии произошел мощный культурный подъем [цит. по 9]. В качестве примера: «Неа Никомедия - поселение раннего палеолита в Северной Греции – прямоугольные глиняные дома и более крупные сооружения, керамика, терракотовые женские статуэтки и каменные топоры (радиоуглеродная датировка – 6200 г. до н.э. [М. Элиаде цит. по 9] «Пока мы не узнаем, что соответствовало Хаджилару на западном побережье Анатолии, невозможно будет сказать, были ли сходные культуры побережья Эгейского или Мраморного моря результатом первоначальной анатолийской колонизации или же плодом продвижения анатолийских передовых идей и культур в область восприимчивого европейского субстрата». [5]

Вопрос второй: минойцы. Термин, произведенный от имени легендарного царя Миноса, предложен археологом А.Эвансом. Жители острова Крит и других островов в III-I тыс. до н.э. Первые цивилизованные европейцы, характеризуются высоким уровнем жизни, материальные условия во многом напоминают современные. Как культурная группа минойцы появляются около 2500 года до н.э. Возможно, они представляют синтез анатолийских мигрантов и местного неолитического населения. Были смешанной в расовом отношении группой (судя по сохранившемуся антропологическому материалу) [2].

Вопрос третий: минойцы и протоиндийцы. В историко-археологической литературе сравнительно редко встречается сопоставление развития крито-минойской цивилизации и протоиндийской (Хараппа и Мохенджо-Даро). Здравый смысл утверждает – они слишком далеки друг от друга.

Обобщая современные археологические представления о протоиндийской цивилизации, А.Х. Дани подчеркивает: «Индийский материал является чужеродным элементом в культурной эволюции Качхийской равнины. К такому же заключению пришли почти все, кто в последние годы раскапывал доиндийские поселения в Пакистане». [1]

В последние годы радиоуглеродные даты проверялись с помощью дендрохронологии, и многие из них были «удревнены», причем для разных районов протоиндийской цивилизации эти даты, естественно, были неодинаковы, ибо в центре цивилизации и на её периферии одни и те же фазы развития и упадка приходились на разные периоды. Откорректированные даты выглядят следующим образом: ранняя фаза – 3200-2200 гг. до н.э., зрелая – 2700-2100 гг. до н.э. (поздняя – в тех же, обозначенных ранее, пределах). [1]

Мы видим, что время существования зрелой протоиндийской цивилизации совпадают с появлением минойской цивилизации на Крите.

Для Хараппы и Мохенджо-Даро также как для критских дворцовых городов того времени характерны высокий уровень системы канализации и санитарного строительства, непревзойденных в древности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбедиль М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. – СПб.: Наука, 1991. – 175 с.
 2. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Перевод с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
 3. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. (Приложение) - Фуко совершает переворот в истории: - М. Научный мир, 2003. - 394 с.
 4. Всемирная история: Систематический справочник / Сост. Двинцев А.В.- М.: АСТ, 1997. – 431 с.
 5. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Пер. с англ. - М.: Наука, 1982. 150 с.
 6. Тойнби А. Постигание истории : Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
 7. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории : Пер. с англ. – М.Прогресс, 1995. – 478 с.
 8. Фоменко А.Т. Исследования по истории древнего мира средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология. – М.: Изд-во механико-математического факультета МГУ, 1993. – 408 с.
 9. Чайковский Ю.В. Лекции о доплатоновом знании. М.: КМК, 2012. – 486 с.
 10. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелеотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 766 с.
 11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2- изд. Пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
-

УДК 930.1

КРИТО-МИКЕНЫ: «ДО» И «ПОСЛЕ». ГЕНЕЗИС КРИТО-ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ОЧЕРК ВТОРОЙ³⁵

Во втором очерке в жанре философского исторического эссе представлены фрагменты публикаций и комментарии автора на предмет наиболее неясного противоречивого (по датировке и репрезентациям) поздне-минойского и микенского периодов.

Ключевые слова: микенская цивилизация, минойская цивилизация, крито-микенская цивилизация, извержение вулкана Санторин, бронзовый век, остров Крит

CRETE-MYCENAE: "BEFORE" AND "AFTER". THE GENESIS OF THE CRETAN-GREEK CIVILIZATION. SECOND ESSAY

The second essay in the genre of a philosophical historical essay presents fragments of publications and the author's comments on the subject of the most obscure contradictory (in terms of dating and representations) of the Late Minoan and Mycenaean periods.

Key words: Mycenaean civilization, Minoan civilization, Cretan-Mycenaean civilization, Santorini volcano eruption, Bronze Age, Crete island

В генезисе крито-минойской (крито-микенской) цивилизации наиболее неясный противоречивый (по датировке и репрезентациям) является поздне-минойский и микенский периоды. Большинство исследователей относит их ко времени XVII-XV вв. до н.э. и XIV-XII вв. до н.э [6].

Некоторые исследователи считают, что на закате позднеминойского периода главное влияние оказала масштабная природная катастрофа, произошедшая в 1645-1500 гг. до н.э. [9], связанная с извержением вулкана Тера (Санторин).

I.G. Nixon, исследуя глиняную посуду с 1520 по 1450 гг. до н.э., считает, что на Крите нет следов извержения в обозначенном временном отрезке [19].

С.Г. Геворкян, конкретизируя извержение вулкана Санторин, высказывает предположение, что катастрофический взрыв имел место, по всей видимости, около 1450-1440 гг. до н.э. и что извержение Санторина продолжалось с короткими перерывами в общей сложности 25 лет.

³⁵ Винобер А.В. Крито-микены: «до» и «после». Генезис крито-греческой цивилизации. Очерк второй // Вестник Института развития ноосферы. 2021. №1(15). С. 33-40

Выброшенный в атмосферу пепел выпал на островах и акватории Средиземного моря, покрыв собою площадь до 200 тыс. кв. км. (около 700 км в поперечнике) [7].

Есть весьма интересные предположения, что серия вулканических извержений Санторина вызвала изменение климата (в том числе, изменение морских течений) и послужила (в течение нескольких столетий) причиной угасания и гибели минойской цивилизации [18].

А.А. Молчанов относит к середине XV в. до н.э. резкое изменение в истории Крита: обезлюдевший и утративший весь свой флот Крит был завоеван и заселен греками ахейцами [14, 15].

В качестве аргументации к такому ходу исторических событий предлагается любопытная интерпретация более поздней греческой мифологии: «сюжеты борьбы Геракла и Тесея с критским быком, Тесея с Минотавром («быком Миноса»), а аргонавтов с зорким миновым стражем – смертоносным Талосом, согласно одному из вариантов мифа тоже бывшим быком, несомненно является (с чем согласны многие ученые) отражением последнего этапа военных столкновений ахейской Греции с минойским Критом?» [14, 15].

А.Бартонек, описывая последующий микенский период подчеркивает, что минойская культура 2900-1470 гг. до н.э. имела самобытный догреческий облик [3].

Согласно точке зрения Артура Эванса, территория Греции являлась всего лишь критской колонией, и мир гомеровских героев, собственно говоря, не был греческим миром.

А.Бартонек проводит, можно сказать, резкий раздел между минойской и микенской культурой, утверждая, что микенская цивилизация – есть первый культурный великий подъем греческого народа в его долгой истории, насчитывающей 3,5 тысячи лет [3].

С ним не согласен Ю.В. Андреев: «Вряд ли можно признать цивилизацию классической Греции прямой наследницей микенской

цивилизации, и сама микенская культура вряд ли может считаться продолжением более древних культур раннеэладского периода... Но все указанные культуры и цивилизации несомненно были связаны между собой как звенья единой, тянущейся через тысячелетия цепи этногенеза и органически слитого с ним культурогенеза эллинской народности» [2].

В основе этой цепи этногенеза Ю.В. Андреев усматривает «чисто биологическое наследование черт психического, в особенности эмоционального и интеллектуального склада и тесно связанные с ними и потому глубоко укорененные в генотипе этноса особенности мировосприятия и жизнеотношения – что обусловило своеобразие этноса и его этногенеза форм культуры» [2].

Все это, конечно, красиво звучит. Но – бездоказательно. Только в случае расшифровки геномов носителей всех эладских (последовательных) культур можно говорить о биологическом наследовании – но и даже тогда – с определенными оговорками.

Что касается наследования в культурогенезе крито-микенской цивилизации, то одной из самых основательных работ (почти столетие назад) была работа российского советского ученого Б.Л. Богаевского «Крит и Микены (Эгейская культура)» (1924) [5]. Можно сказать, что работа, намного опередившая свое время.

Но поражение Богаевского в жестокой научной дискуссии 1940 года привело к падению интереса к Крито-Минойской эпохе в советской историографии [10, 11].

Проблемы классификации общественно-экономических структур Крито-Минойской цивилизации [12] по-прежнему актуальны для нашего времени. Зрелое светское искусство и слабое развитие религиозной архитектуры сильно контрастируют с Египтом и Междуречьем и во многом определяют характерные черты крито-минойского культурогенеза и его последующее влияние на микенскую и позднеэладскую культуру.

Еще А.Тойнби задавался вопросом [17]: была ли в минойском мире вселенская церковь? И выдвигал гипотезу, что мистерии и орфизм выглядят как призраки (реликты – А.В.) минойской вселенской церкви.

Эта тема довольно часто привлекает внимание современных исследователей.

Так, Н.М. Никулина [16] считает, что в изучении культуры, религии и искусства Древнего Крита важное место занимает образ женского божества – великой богини Матери, покровительницы всех природных сил. Этот образ почитался с культом верховного мужского божества.

Вычленение других женских божеств из универсального синкретического культа произошло уже в более поздний период, в процессе формирования смешанной, минойско-ахейской культуры и религии. Это подтверждает и анализ широкого художественного материала, памятников искусства XVIII – второй половины XV вв. до н.э. на Крите, Санторине и других островах Эгейского моря.

Микенская цивилизация процветала несколько коротких веков – со времени захвата Крита около 1400 г. до н.э.

Микены, Фивы, Пилос и другие небольшие дворцовые районы были оставлены в руинах, сожжены дотла – от них почти не осталось воспоминаний [21].

А.Бартошек относит разрушение микенских поселений (по причинам, которые однозначно объяснить невозможно) к 1200 г. до н.э. [3].

Ю.В. Андреев полагает, что деградация микенской цивилизации и смена значительной части населения материковой и островной Греции не объясняется довольно заурядным конфликтом между двумя или тремя кланами ахейской династии, и картина грандиозной катастрофы микенского мира в XIII-XII вв. до н.э. не укладывается в рамки предания о возвращении Гераклидов [1]. И, вероятно, дорийцы вообще не были пришельцами, а составляли низший класс населения (т.е. дорийцы – общность культурно-

политического характера, чем этнического порядка. И, возможно, это было восстание внутри микенской цивилизации [1].

Есть мнение, что к XIII в. до н.э. беженцы микенской цивилизации заселили Кипр, и что микенский тип культуры еще в XI в. до н.э. присутствует на Кипре (до середины XI в. до н.э.) [20]. И только после «темных веков» Кипр был полностью эллинизирован.

Л.Н. Гумилев относит упадок ахейской крито-микенской культуры к XI-IX вв. до н.э. (что совпадает с «темными веками» - А.В.) происходит забвение письменности прежней культуры, колонизация эллинами Средиземноморья и начинает формироваться полисный образ жизни [8].

Эпоха распада микенской цивилизации тесно связана с активностью «народов моря» (XIII-XII вв. до н.э.).

Ю.В. Андреев утверждает, что: «Микены – фактор завоевания и длительного противостояния двух этнических массивов – пришлого индоевропейского (ахейского или эллинского) и местного неиндоевропейского (эгейского, пеласгического или минойского) [2].

В отдельных случаях (у разных авторов) наблюдается продление или смещение «темных веков» до IX в. до н.э.

В любом случае, «народы моря» впрямую связаны с генезисом позднеминойской и микенской цивилизациями.

А.Тойнби считал, что сирийское общество унаследовало от минойцев алфавит и вкус к дальним путешествиям. И выдвигал гипотезу, что именно хетты – колонисты, организовавшие заморские колонии, получили на новой родине новое имя «этруски» [17].

Вероятно, что крушение Великого Хеттского царства по времени совпадает (или очень близко) с крушением Микенской цивилизации [13].

Укрепляя версию Тойнби о сирийских наследниках минойско-микенской цивилизации, процитируем фрагмент: «Финикийские города уже на заре своего существования приступили к созданию на чужих берегах собственных торговых поселений, которые, вероятно, по своему характеру и

значению были весьма различны. В иноземных приморских городах они, как правило, выполняли не более чем функцию торговой конторы, вокруг которой постепенно создавался финикийский квартал, как это было и в торговых центрах, удаленных от моря. На неосвоенных же побережьях, у регулярно посещаемых якорных стоянок, напротив, возникали – то ли на купленной у местных жителей, то ли на просто занятой ничейной земле – финикийские фактории, которые в богатых сырьем краях быстро превращались в города, где переселенцы из Финикии хотя и составляли всего лишь часть населения, но всегда входили в его верхние слои. Видимо, не случайно письменные источники и археологические находки, свидетельствующие о существовании финикийских поселений на чужих берегах, восходят к XII в. до н.э. В более ранний период, за исключением связей между Египтом и его азиатскими владениями, морская торговля находилась в руках микенских государств. Их господство на море рухнуло в результате большого кризиса, который потряс древний мир к концу XIII в. до н.э. Растущее проникновение в Юго-Восточное Средиземноморье эгейских и анатолийских групп «народов моря», так называли их египтяне, было лишь одним из потоков переселения народов. Города Ливана избежали опустошения и были в состоянии стать наследниками микенского господства. Это совершалось в союзе с теми из «народов моря», которые прочно оседали в финикийских городах-государствах. Конкуренции долгое время можно было не опасаться» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. Дорийское завоевание: историческая проблема в свете археологии. – СПб., 2015.
2. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит в эпоху бронзы и раннего железа. – СПб., 2002. 862 с.
3. Бартошек А. Златообильные Микены. М.: Наука, 1991.
4. Бернхардт К-Х. Древний Ливан. Пер. с нем. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
5. Богаевский Б.Л. Крит и Микены (эгейская культура). М. ; Л., 1924.
6. Винобер А.В. Крито-Микены: «до» и «после». Генезис крито-греческой цивилизации. Очерк первый / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2020. 1(10). С. 59-66

7. Геворкян С.Г. Великое Минойское извержение вулкана Санторин и его последствия // *Пространство и Время*. 2011. №2. С. 138-144
 8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Свод № 3. Международный альманах / Сост. Н.В. Гумилева; Пред., коммент., общ. ред., карты А.И. Куркчи. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.
 9. Ильюков Л.С. Природная катастрофа и гибель крито-микенской (эгейской) цивилизации // *Закономерности формирования и воздействия морских, атмосферных опасных явлений и катастроф на прибрежную зону РФ в условиях глобальных климатических и индустриальных вызовов («Опасные явления»): сб. мат. междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 13–23 июня 2019 г.)*. С. 331-333.
 10. Карпюк С.Г. А после была война: дискуссия 1940 года о характере крито-микенской цивилизации // *Вестник древней истории*. 2015, № 2, С. 195–205
 11. Крих С.Б. Потерянная цивилизация: минойский Крит в советской историографии // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2019. №442. С. 137-144
 12. Кухтин М.М. Проблемы классификации общественно-экономических структур крито-микенской цивилизации // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2017. № 4 (63). С. 83-88.
 13. Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. Пер. с англ. – М.: Наука, 1983. – 183 с.
 14. Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (проблемы источниковедения минойстики и микенологии). – М., 2000. 314 с.
 15. Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. – М.: Наука, 1980. – 119 с.
 16. Никулина Н.М. Женское божество в искусстве древнего Крита // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2011. №2. С. 119-136
 17. Тойнби А. Постигание истории : Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
 18. A. A. Tsonis, Kyle Swanson, G. Sugihara, P. A. Tsonis. Climate change and the demise of Minoan civilization // *Climate of the Past Discussions*. May 2010. 6(3):801-815. DOI:10.5194/cpd-6-801-2010
 19. I.G. Nixon. The volcanic eruption of Thera and its effect on the Mycenaean and Minoan civilizations // *Journal of Archaeological Science* . January 1985. 12(1):9-24. DOI:10.1016/0305-4403(85)90012-3
 20. Keiko Arai. Cyprus and Mycenaean civilization // *Bulletin of the Society for Near Eastern Studies in Japan*. 1973. 16(2):139-155,189. DOI:10.5356/jorient.16.2_139
 21. Ronald M. Glassman. The Expansion of Mycenaean Greek Civilization // *In book: The Origins of Democracy in Tribes, City-States and Nation-States/ 2017*. pp.759-769. DOI:10.1007/978-3-319-51695-0_68
-